СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

НАНКИН-РОД

РОМАН

Salamandra P.V.V.

Сергей
АЛЫМОВ

НАНКИН-РОД

Роман

Salamandra P.V.V.

Алымов С. Я.

Нанкин-род: Роман. Подг. текста М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 162 с.

Прежде, чем стать лагерником, а затем известным советским «поэтом-песенником», Сергей Алымов (1892-1948) успел поскитаться по миру и оставить заметный след в истории русского авангарда на Дальнем Востоке и в Китае. Роман «Нанкин-род», опубликованный бывшим эмигрантом по возвращении в Россию — это роман-обманка, в котором советская агитация скрывает яркий, местами чуть ли не бульварный портрет Шанхая двадцатых годов. Здесь есть и обязательная классовая борьба, и алчные колонизаторы, и гордо марширующие массы трудящихся, но куда больше пропагандистской риторики автора занимает блеск автомобилей, баров, ночных клубов и дансингов, пикантные любовные приключения европейских и китайских бездельников и богачей и резкие контрасты «Мекки Дальнего Востока». Многие страницы выдают отличное знание шанхайской жизни и внимание к китайской старине, смелые описания и метафоры — футуристическую закалку Алымова. Роман «Нанкин-род» был впервые опубликован в Харькове в 1929 г., до ареста С. Алымова выдержал еще одно издание в 1930 г. и с тех пор на протяжении более 80 лет не переиздавался.

НАНКИН-РОД

Роман

I

Они сидели друг против друга: тонкий европеец с сединой на висках и грузный китаец в черной шелковой кофте поверх серого халата.

На столе лежал большой коричневый маузер, щеки которого ласково поглаживала левая рука китайца. Узкие раскосые глаза жмурились от удовольствия.

— Револьверы ваши,— повторил европеец, беря маузер со стола. — Завтра вы пришлете в контору остальную сумму, и мой человек выдаст вам всю партию. Надеюсь, генерал, с помощью этих штук, — европеец помахал маузером, — вы сумеете установить порядок в вашей провинции!..

Добродушное лицо генерала приняло мечтательное выражение: можно было подумать, что он слушает музыку или созерцает прекрасные цветы. Расширенными нежностью глазами он проводил упорхнувший револьвер, нашедший себе приют под большой шелковой подушкой.

— Благодарю вас, мистер Ворд, — сказал генерал, приподнявшись с кресла. — Мой сегодняшний визит к вам будет долго питать радостью мое признательное сердце. Надеюсь, моя ничтожная особа не слишком долго утомляла ваше драгоценное внимание.

Когда генерал поднялся с кресла, его толщина стала еще заметнее. Далеко выдававшийся вперед живот казался спрятанной под халатом фарфоровой вазой, которую генерал нес с величайшей осторожностью.

Рядом с неуклюжим и грузным генералом собственник маузеров выглядел стройным юношей, хотя возраст его был далеко не юношеским, о чем ясно говорили седые виски и морщины над переносьем.

Хозяин проводил гостя до передней. В передней генерала дожидались два обвешенных револьверами телохранителя. При виде генеральского живота они вытянулись в струнку, а затем кинулись облачать своего высокого покровителя в шубу и меховые туфли.

Затиснутый в шубу генерал хотел сделать последний поклон, но это ему не удалось. Плотная шуба зажала его, и только круглая шапочка генерала, украшенная красным прозрачным шариком, чуть-чуть сползла вниз, чтобы немедленно вернуться на место.

Бой в белом халате широко распахнул выходную дверь, и меховой шар, начиненный генералом, выкатился из передней.

Ворд вернулся в комнату и, подойдя к столу, налил в стакан виски. Когда он протянул руку к сифону, зазвонил телефон.

— Алло! — левой рукой Ворд держал телефонную трубку, а правой нажимал курок сифона.

Телефонная трубка была наполнена шипением. Консул Бертон приглашал Ворда заглянуть в консульство.

— Через час — не раньше, — бросил Ворд в телефон и, положив трубку, опустился на тахту.

Дела Ворда шли блестяще. Партия маузеров, пришедшая две недели назад, была продана с хорошей прибылью. Задаток — чек, подписанный генералом У, лежал в кармане. Завтра должны быть уплачены остальные деньги. Все было в порядке.

Липтон Ворд принадлежал к высокому рангу шанхайских дельцов, которые занимались всякими делами, приносившими солидный доход, будь то покупка случайной партии мандаринских халатов или продажа оружия.

Для вида он торговал калькуттскими мешками, манильским шпагатом, яванским сахаром, австралийским вареньем; для настоящего заработка сплавлял морфий и героин, маузеры и пулеметы, изредка по поручению Британского музея скупал у меркантильно настроенных маньчжурских принцев редчайший фарфор и почти волшебные нефритовые флаконы.

Ворду было тридцать лет, когда он приехал в Китай. Это было четырнадцать лет тому назад, в 1911 году.

Падение монархии не произвело на Ворда никакого впечатления. Двуногие лампацо продолжали заменять лошадей, и, хотя богдыханский дракон и слетел с китайского доллара, уступив место республиканской эмблеме,— кули попрежнему получали жалованье чохами.

Революция не потревожила иностранцев. Концессии и сеттльменты продолжали благоденствовать, и новые конторы и особняки врастали бетонными корнями в долготерпеливую китайскую землю.

Четырнадцатилетнее пребывание в Китае принесло Ворду богатство и славу. Он вошел во вкус дальневосточной жизни, постиг механизм успеха и чувствовал себя в своем особняке на Бабблинг-вэлл феодальным бароном, заменившим устарелого четвероногого коня двенадцатицилиндровым автомобилем.

К его услугам были могущественные банки и пароходные конторы... Сказочные отели раскинули для него пальмы своих садов... Красноголовые, чернобородые сикхи* покорно работали палками во славу его покоя. И десятки слуг подавали ему прохладное виски в те дни, когда яростные укусы солнца устилали трупами задохнувшихся рикш улицы китайских городов.

Ворд привык к положению деспота. Революция отменила китайский мандаринат, но белые мандарины в Китае сохранили полностью все свои привилегии.

Было очень приятно чувствовать себя неограниченным властелином в стране, где английские пушки создали великолепный оазис для белых хищников.

Липтон Ворд сознательно относил себя к породе белых волков, призванных существовать за счет слабых овец. Еще до приезда в Китай он прошел хорошую подготовительную школу на севере Америки и в латинских республиках, где бешено играл в рулетку жизни, ожидая счастли-

---

* Индусы-полицейские (*Здесь и далее подстрочные прим. автора*).

вого случая.

То были молодые, звенящие годы, не лишенные своеобразной поэзии. То была «прелесть Юкона», когда поиски золота дороже самого золота, когда ночи на снегу и отдаленный волчий вой милее спокойного сна под теплым одеялом.

Снега Юкона легли серебром на стареющих, но все еще горячих висках; это им улыбался Ворд, глядя теперь на свое отражение в зеркале.

Настоящее золото Ворд нашел в Китае — в этом комфортабельном Эльдорадо для иностранцев, где можно было разрабатывать драгоценные залежи, не портя наполированных ногтей, не снимая хорошо выутюженного смокинга.

Знакомство Ворда с Китаем не пошло дальше коммерческих обследований. Он не смог бы сказать, в какой провинции родился Конфуций, но места, где выгоднее всего можно было сбывать запрещенные товары, он знал лучше китайских купцов.

Если бы его попросили нарисовать Китай, он изобразил бы корову с восемнадцатью сосками (по числу китайских провинций), а в стороне — удобно лежащего в кресле европейца, лениво наблюдающего за армией китайцев, терпеливо собирающих удой в большое ведро с надписью «Европа».

Старый Китай не интересовал Ворда. Он никогда не заглядывал в храмы, предоставляя это удовольствие туристам и антикварам. В новом Китае он видел только поставщика и покупателя., Свободное время он проводил в среде себе подобных, играя в кости, распивая коктейли, танцуя и празднуя рождение короля. Его хорошо знали по всему побережью от Циндао до Гонконга.

Он был председателем шанхайского клуба английских стрелков, и на состязаниях несколько лет под ряд его команда брала кубок муниципалитета за сверхметкую стрельбу.

Волнения среди китайских рабочих и студенческие манифестации Ворд приписывал исключительно влиянию русских большевиков, которых он ненавидел звериной ненавистью, чувствуя в них своих смертельных врагов.

Ворду не приходилось сталкиваться с живыми большевиками, но их портреты в журналах приводили его в ярость. Эти люди в темных блузах напоминали ему минеров, которых он встречал в американских горах; от них веяло такой же крепостью и упорством.

— Красные ковбои, — пробормотал Ворд, — желающие накинуть лассо на всякого, кто не хочет сам себе чистить сапоги.

Ворд налил виски и посмотрел на часы. Часы показывали пять минут восьмого. Ворд коснулся палочкой гонга — низкий рокот поплыл по комнате.

— Не надо машины. Я пойду пешком,— сказал Ворд появившемуся бою. — Если мисс Китти будет звонить, скажи ей, что я зайду к ней попозже.

Бой подал пальто и открыл дверь.

II

На улице было холодно. Дул капризный февральский ветер. Пальмы и фиговые деревья тряслись у каменной ограды, как раздетые нищие. Поблескивавшая асфальтовая мостовая казалась застывшей рекой.

Ворд задержался на последней ступеньке лестницы.

По черному льду скользили похожие на гробы автомобили. Медленные звонки рикш перекликались с протяжными переливами модного «Wedding Bells Walse»*, под звуки которого вальсировали автомобили.

— Алло! мистер Ворд, — раздался звонкий голос, и маленький автомобиль, прошуршав заторможенными колесами, причалил к тротуару.

— Это вы, Дальтон?! — узнал Ворд краснощекого восемнадцатилетнего крепыша, недавно присланного из Лондона в шанхайское отделение «Британской страховой кампании». — Как дела?

— Первый сорт! — весело ответил юноша. — Я пробую свою новую машину. Мечта!.. Хотите — покатаю?

— Спасибо, мой мальчик,— сказал Ворд, — как-нибудь в другой раз. Хотя, если вам скучно сидеть за рулем, я составлю компанию с условием, что вы через полчаса сбросите меня у консульства.

— Идет! — открывая дверцу, воскликнул Дальтон. — Какой дорогой мы поедем?

— Все равно!

Дальтон нажал стартер, включил скорость, и маленькая лодочка плавно поплыла по асфальту.

Особняки Бабблинг-вэлла весело перемигивались с автомобилем светящимися окнами...

Мелькнула электрическая реклама «Нового Карлтона», плясавшая над домами огненный чарльстон. Посторонившаяся подкова ипподрома открыла пылающий коридор улицы Нанкин-род.

Многоэтажные громады магазинов, татуированные бриллиантовой тушью светящихся реклам, возникали по обеим сторонам улицы хрупкими миражами.

На обведенных контурами огней карнизах кряжистые китайские иероглифы играли в чехарду с сухопарыми английскими буквами.

Громадные окна покрывали стены зияющими ранами, и вся главная улица Шанхая, истекая светом, слепила глаза.

Из ресторанов и чайных домов доносились пронзительные жалобы китайских скрипок и сытое бормотанье гонгов... Черные доски лакирован-

---

* Вальс «Свадебные колокола».

ных вывесок свисали по бокам дверей узкими зеркалами. Толпа еле двигалась, и Дальтон, давно уже переключивший мотор на первую скорость, шумно выражал свое негодование.

— Зачем их сюда пускают?! — сердито показывал он на проходящих китайцев. — Они только задерживают движение...

— Это улица магазинов, — спокойно ответил Ворд. — Здесь жгут электричество для того, чтобы привлекать покупателей. Но тот, кто нарушает порядок, получает должную награду.

И, как бы подтверждая слова Ворда, стоявший на перекрестке высокий индус-полицейский начал колотить палкой по спинам медленно пробегавших мимо него рикш.

Машина выехала на набережную и повернула к каналу.

Поток автомобилей катился по широкому величественному Банду. Тут были массивные, сверкающие, никелированные «кадиллаки», длинные, стелящиеся борзыми «испано-сюизы», безукоризненно элегантные «ройсы», эффектные «изотта-фраскини», несравненные «левассоры».

Кареты, ландолеты, открытые машины, причудливо окрашенные гоночные «спидеры» встречались у величественных колонн Гонконг-Шанхайского банка, чтобы умчаться в сторону Бродвея или авеню Жоффр.

Стриженые по-мужски женщины в меховых плащах, откинувшись на парчовые подушки, кокетничали с кавалерами.

Дальтон с нескрываемым восхищением смотрел по сторонам...

— Груды прелестных женщин! — восклицал он, сверкая глазами.

— Сильное преувеличение, — рассмеялся Ворд. — В чем здесь всегда чувствуется недостаток, так это в женщинах! Хороших женщин в Шанхае гораздо меньше, чем хороших автомобилей. Ну, я на месте. Если вы не потеряете голову от восторга и не разобьетесь вместе с вашей машиной, мы выпьем с вами позднее в каком-нибудь кабаке парочку «драй-мартини»...

Дальтон задержал машину. Ворд легко выпрыгнул на тротуар.

— Селям! — сказал он, поднося руку к шляпе.

— Селям! — ответил Дальтон и, сорвавшись с места, понесся дальше.

Ворд подошел к мосту, перекинутому через канал. На противоположной стороне вытянулось вдоль берега несколько высоких зданий. Внимание Ворда привлекло первое из них, чьи этажи, залитые светом, были видны далеко, как маяк.

По каналу плыли запоздавшие лодки...

Жалобные крики лодочников, не выходя на берег, замирали над рекой. У берега, освещенного этажами, копошились лодки: в них укладывалась на ночлег лодочная беднота. Кое-где на корме мерцали робкие нищенские огоньки — молчаливые китаянки варили рис и кипятили чай. Столпившиеся овцами лодки жались к берегу, как бы прося у него защиты.

Ворд еще раз посмотрел на светящееся здание, у ног которого происходил молчаливый митинг лодок. Недовольно буркнул что-то себе под

нос и быстро зашагал вдоль канала.

Здание, испортившее настроение Ворда, было — советское консульство.

III

Приглашение консула не сулило Ворду ничего нового…

«Коктейли и бридж… Коктейли и покер…» — думал Ворд, толкая тяжелую дверь, над которой тщательно завитой лев в паре с забавной однорогой лошадкой держал в передних лапах золотой щит, увенчанный британской короной.

Передняя была забита шляпами и пальто.

Молчаливый бой в белом халате помог Ворду раздеться.

Ворд прошел коридором в угловую гостиную, шумевшую многими голосами.

Он был озадачен. Вместо обычного кружка холостяков, собиравшихся по вечерам у Биля, — как называли друзья консула Бертона, — Ворд попал на многолюдное заседание английской колонии.

Среди собравшихся не было людей, «весивших» меньше четверти миллиона. Это были собственники или доверенные крупнейших английских фирм и банков, промышленная, торговая и финансовая аристократия Шанхая.

— Джентльмены, — обратился к присутствующим консул Его Величества. — Я позволил себе пригласить вас для того, чтобы ознакомить с письмом, полученным мною в частном порядке от всеми уважаемого сэра Чемберлена. Разрешите мне огласить это письмо.

Консул Бертон развернул сложенный вчетверо лист белой плотной бумаги.

«Лондон. 5 января.
Генеральному консулу Бертону.
Шанхай.

Сэр!

Я уполномочен мистером Чемберленом уведомить вас, что является весьма своевременным мобилизовать лучшие силы английской колонии Шанхая для энергичного противодействия коммунистическому влиянию в Китае. Нет надобности перечислять подробно причины, заставляющие нас принимать меры к обороне и укреплению великобританских позиций. Призрак большевизма, разгуливающий по просторам Китая, должен быть изгнан объединенными усилиями всех заинтересованных в этом культурных наций. Помимо официального сношения с представителями держав по это-

му вопросу, было бы весьма полезно объединить общественные круги Шанхая вокруг выборной организации, стоящей на платформе защиты права и цивилизации, в состав которой должны входить представители разных национальностей, не исключая китайцев.

Мистер Чемберлен желает быть осведомленным о результатах в возможно скором времени. О всех шагах, предпринятых намечающейся организацией для обнаруживания и уничтожения очагов большевистской заразы — сообщайте непосредственно в министерство.

Имею честь остаться вашим покорнейшим слугой
Викфорд Покс, секретарь».

Дочитав письмо и выдержав нужную паузу, консул сказал:

— Слово за вами, джентльмены!

— Я думаю,— поднялся грузный Мак-Николь, председатель союза владельцев хлопчатобумажных фабрик Китая, — что нужно дело, а не слова... С каждым днем становится все труднее управлять производством... Проклятые кули словно взбесились... Подавай им отдых... увеличивай жалованье! Скоро они потребуют, чтобы мы уступили им свои квартиры!.. Необходимо срочно заняться общественной гигиеной. Подозрительных по заразе — убрать. Здоровых оградить от больных. Нужно действовать, пока не поздно!

Следующим выступил главный инженер шанхайской канализационной компании.

— Письмо мистера Чемберлена — мудрое письмо! Мы слишком мало обращаем внимания на происходящие вокруг нас перемены. Нам кажется, что почва по-прежнему тверда, а она уплывает из-под ног... Мы сидим в отелях и не желаем знать, что делается на улице... Необходимо избавиться от нашей беспечности и взяться общими силами за нашего врага — коммунистических агитаторов.

— Интересно знать, что скажет Ворд, — раздался голос директора Индо-Китайского банка.

— Я считаю, что нет такой лисицы, которая бы перехитрила охотника! Рано или поздно лисица попадает в капкан. Если мы постараемся — для нас не составит труда переловить большевистских лисиц!

С заключительным словом выступил адвокат Гарольд Рейнель.

— Джентльмены, — театрально простер руку адвокат. — Здесь все англичане, и я позволю себе быть откровенным. Британскому влиянию в Китае угрожает советская страна, существование которой исчисляется несколькими годами. Мы, которые в течение столетий плавали всюду, куда только мог проникнуть корабль, мы должны бояться жалкого, детского лепета, которого по глупости могут послушаться другие дети. Более половины морской торговли в Китае производится при помощи английских пароходов. Во главе управления китайских таможен стоят англичане. В индустриальном и финансовом отношении Китай — такая

же составная часть Британской империи, как и Индия... Мы должны организовать отпор! Московские азиаты, рассчитывающие встретить в Китае сочувствие родственников, натолкнутся на наши штыки, которые мы сумеем вложить в китайские руки. Для этого мы достаточно опытны. Чжан Цзо-лин, У Пей-фу и десятки других генералов охотно помогут нам в нашем деле. Но и мы сами должны воевать, разоблачая красных лисиц! Я предлагаю назвать нашу организацию «Лигой защиты конституции». Это будет достойным ответом на защиту насилия, являющегося евангелием большевиков!

Довольный собой, адвокат уселся на свое место под шумное одобрение присутствующих.

— Мистер Рейнель, — поднялся вновь консул, — нашел удачное название для нашей фирмы, и мы сегодня же можем положить начало ее существованию. На этом листе я предлагаю расписаться всем присутствующим... Кроме того, мы сейчас же изберем временное бюро. Время не терпит.

Липтон Ворд, Мак-Николь и адвокат Рейнель были единогласно избраны в бюро Лиги.

Консул Бертон объявил заседание закрытым.

Публика начала расходиться.

Зажужжали стартеры автомобилей.

Засверкал оживленный фонарями асфальт.

— Подождите минуточку, Лип, — остановил одевавшегося Ворда консул. — Вы куда? В «Карлтон»?

— Нет, мне нужно еще заехать в одно место, — ответил Ворд.

— Знаю я ваше место, — подмигнул Ворду консул, — идите... Все равно встретимся ночью в какой-нибудь дыре.

Бой распахнул дверь, и герб Соединенного Королевства сверкнул золотом надписи: «Dieu et mon droit»*, увенчав голову седеющего дельца.

IV

Место, куда нужно было заглянуть Ворду, находилось недалеко от консульства. Это был угловой коттедж с высокой черепичной крышей.

На темной двери, кроме блестящей ручки-кольца в виде змеи, кусающей собственный хвост, на высоте человеческого роста сиял большой бронзовый ананас — дверной молоток и символ этого дома.

Ворд поднял тяжелый фрукт и трижды ударил им в дверь. Дерево глухо запело, унося музыку в невидимые комнаты.

Через мгновенье дверь бесшумно открылась, пропустив Ворда.

---

* «Бог и мое право». Надпись на гербе короля Англии со времен Эдуарда I.

Передняя освещалась матовым фонарем, имевшим форму ананаса. Темно-синие драпировки на дверях были расшиты такими же золотыми плодами.

Открывший дверь саизец, с головой шоколадного бульдога, приветливо разжал челюсти.

— Чужие? — спросил Ворд, услыхав голоса за драпировками.

Саизец кивнул головой.

— Скажи госпоже, что я здесь, — сказал Ворд и, отдернув левую драпировку, прошел в спальню.

Слуга проскользнул за другую.

Это была комната, которую можно было назвать шатром в тропическом оазисе. Пол был покрыт густым слоем золотого песка. Пальмы, манго и драконовые деревья росли прямо из пола. Влажный, горячий воздух, наполненный сложным запахом цветов и каких-то необычайных духов, озарялся зеленым светом, падавшим с потолка. Этот свет, похожий на лунный, обливал деревья и обитые бамбуковыми циновками стены, словно уплывающие куда-то.

Это была маленькая фата-моргана, миниатюрный пленительный мираж, в котором сладко тонули дела и заботы. Это было ананасное королевство, которым владела золотоволосая Китти Сингапур, самая дорогая и капризная кокотка Шанхая.

Карьера Китти Сингапур — настоящее имя которой было Екатерина Брукс — была типично дальневосточной.

Китти попала на Дальний Восток на второй год великой мировой войны с труппой бродячего мюзик-холла, директор которого делал прекрасные дела, торгуя патриотическими куплетами и распевавшими их певицами.

В Сингапуре во время ссоры в карточном притоне на Саут-Бридж-стрит счастливому директору удачно проткнули живот ножом, и осиротевшая труппа тихо разбрелась по публичным домам.

Китти не последовала примеру подруг и поселилась недалеко от Ботанического сада.

По утрам мимо ее домика проезжали с плантаций телеги, нагруженные ананасами.

Очарованные золотоволосым видением, смуглые плантаторы дарили Китти ананасы, которые на первых порах были почти единственной ее пищей.

Хитрые хозяйки домов любви надоедали Китти своими визитами, но она упорно отклоняла соблазнительные предложения, продолжая питаться плодами.

В один прекрасный вечер молодой купец с Явы отдал Китти свое сердце и кошелек.

Китти сняла большое бунгало и очень быстро сделалась знаменитостью.

Яванского купца сменил французский инженер. Колесо судьбы завер-

телось.

Ворд встретился с Китти в 1920 году. Он ждал прибытия шкуны с винтовками и от нечего делать бродил вечерами по Малай-стрит, развлекаясь маленькими японками, которые сидели в больших деревянных клетках под разноцветными фонарями, зазывая мужчин однообразной песенкой:

Come inside, come inside,
We give you good pleasure*.

Сингапурские ночи пенились влажными испарениями тропических цветов. От деревьев шел волнующий запах, и залив, освещенный луной, сверкал, как кожа томящейся негритянки.

В одну из таких ночей Ворд встретил Китти.

Она ехала по опустевшему бульвару в высоком ландо, запряженном парой английских чистокровок. Маленький малаец, похожий на деревянного идола, держал натянутые вожжи. Сзади, откинувшись на подушки, сидела Китти — белое облако, обрызганное золотой пеной... Ворд бросился за коляской. Они познакомились, и Ворд уговорил Китти переехать в Шанхай.

В Шанхае Китти сняла коттедж на Сучжоу-крик и принялась завоевывать город. Ей не пришлось потратить много времени.

Банкиры и контрабандисты потянулись к дверям маленького коттеджа, как сингапурские фермеры. Новые поклонники дарили золото вместо ананасов. Китти брала доллары, покупала дорогие туалеты, переменила ландо на голубой непьер, разоряла и меняла мужчин.

Дверь Китти была открыта для всех, кто мог заплатить пятьдесят долларов за бутылку шампанского. Другие шанхайские кокотки брали двадцать пять, но поклонников у них было меньше.

...Когда вошел слуга, Китти слушала пьяное объяснение Дальтона, на которого с ненавистью посматривал более трезвый датчанин Стуб, также недавно приехавший в Шанхай.

Стуба давно ждало дежурство на Великом северном телеграфе, но он не хотел оставить Китти вдвоем с Дальтоном и упорно сидел в кресле.

Пустые бутылки стояли на песке.

Китти играла с голубой бенгальской мартышкой, занимавшей ее больше поклонников.

— Клянусь Юпитером! — уверял красный от вина и волнения Дальтон, — если бы моя мать увидела вас, она назвала бы вас ангелом...

Саизец сказал что-то по-малайски.

Китти встала.

— Ну, мои дорогие мальчики, на сегодня хватит!.. Я иду принимать

* Загляните сюда, загляните сюда: мы дадим вам хорошее удоволъствие.

ванну...

— Как?! — воскликнул огорченный Стуб.

— Я хочу спать.

— А как же я? — промычал плохо соображавший Дальтон.

— Вы тоже отправляйтесь спать, — сказала Китти. — Ну, живо! Ру, получи с джентльменов по счету.

И, вскинув на плечо обезьянку, Китти исчезла в зеленоватой мгле.

— Почему так поздно? — спросила Китти, входя в спальню.

— Заседание в консульстве, — ответил Ворд, любуясь гибкой фигурой Китти. — А теперь я весь в твоем распоряжении.

— Чудно! — воскликнула Китти. — Значит, мы сегодня танцуем в «Лягушке».

— Где хочешь...

— У негров! У негров, — закружилась Китти. — Они играют такие изумительные «блюз».

Зазвонил телефон.

— Тебя, — сказала Китти, протягивая трубку.

— Замечательно!.. — обрадованно бросил в трубку Ворд. — Сейчас буду.

— В чем дело? — насторожилась Китти.

— Я должен немедленно тебя покинуть. Веспа нашел нового покупателя на револьверы. Мне нужно с ним сговориться.

— А как же танцы?

— Поезжай без меня или подожди...

— Мне надоело ждать! — топнула ногой Китти. — Я хочу хотя бы по вечерам тебя всего!

— Боже мой, Китти, — недовольно поморщился Ворд. — У тебя начинает портиться характер... ты ведь знаешь мои дела.

— Не желаю больше слышать о делах, — закричала Китти. — Мне надоело питаться объедками от дел.

— Сумасшедшая, — пожал плечами Ворд. — Не могу же я жертвовать покупателем ради женского каприза! Негры и «блюз» никуда не денутся, а этого проезжего бандита могут перехватить конкуренты. Не глупи и дай мне пройти, — отстраняя вцепившуюся в портьеру Китти, сказал Ворд.

— Уходи и больше никогда не возвращайся! — крикнула Китти.

— Тебе надо серьезно полечить нервы, — огрызнулся Ворд, выходя из комнаты.

Китти швырнула обезьянку на пол. Животное сердито закричало и, наморщив лоб, заморгало глазами.

———————

V

Стремительный тайфун ворвался в комнату. Китти дала полную волю своему гневу. Подушки, платья, шали — летали по воздуху. Дрожащая обезьянка стрелой метнулась на шкаф, как бы спасаясь от наводнения.

Китти рвала покрывала, сбрасывала с туалетного столика флаконы, била пудреницы... Сорвав с себя платье, кинулась в зал и упала на песок, извиваясь меж пальм, как змея, которую ударили палкой. Вскочив, она снова бросилась в спальню и хриплым голосом позвала прислугу.

Испуганная горничная нерешительно вошла в комнату.

— Достаньте мне новое платье с бахромой! — прохрипела Китти. — И пусть Ру принесет бренди.

Невозмутимый Ру, поставив на стол стакан и бутылку, выскользнул бесшумно. Он привык ничему не удивляться в этом доме, где коньяку уходило больше, чем воды.

Китти наполнила стакан до краев и выпила залпом. Острое пламя побежало по жилам.

В сущности, она была глубоко несчастна. Где-то около сердца всегда лежала свернувшаяся змея, жалящая больно и мучительно.

Китти была цветком, выросшим на больной почве, полной преступных удобрений.

Здоровая радость ушла из ее жизни в тот день, когда она, соблазненная богатствами Востока (которым ей предстояло завладеть), подписала контракт с директором бродячего мюзик-холла.

Коломбо, Пенанг, Сингапур обвились вокруг нее кольцами жирного удава, изломав все ребра хрупким мечтам...

Богатства колоний, мерещившиеся ей в Лондоне, оказались недоступными, как горизонт... Неожиданная смерть директора избавила Китти от необходимости отдаваться по принуждению, не произведя, однако, существенных перемен в ее судьбе. Золотоволосая девушка из Ланкашира, жадно рассматривавшая плакаты пароходных компаний, постигла горькую истину: великолепные острова, сверкавшие красками на рекламных плакатах, были суровой каторгой для бедняков, мечтавших о райской жизни.

Голубые павлины и райские птицы, порхавшие в душных зарослях сингапурских акаций, не меняли дела; чтобы изредка полюбоваться ими, нужно было целыми днями томиться в душных комнатах, переходя из жадных объятий пьяных матросов в потные руки батавийских купцов. Нищета и порок... Этими богатствами встретили золотоволосую девушку из Ланкашира заманчивые восточные страны.

Екатерине Брукс удалось, прорвавшись через заграждения нищеты, стать знаменитой Китти Сингапур.

Она выпила еще стакан коньяку и стала надевать принесенное гор-

ничной платье из шалей — черной и голубой.

— Пить... пить... пить...

Бутылка была пуста.

Китти взяла широкополую манильскую шляпу.

— Машину!

— Есть, — ответил опустивший глаза саизец и распахнул дверь.

Длинная лодка из стекла и голубой стали ждала у входа.

— Рубикон, полный ход! — бросила Китти шоферу.

Мотор взвыл, укушенный стартером, и голубое веретено, сорвавшись, пошло наматывать мили...

В глубоких улицах плескалась мутная февральская ночь. Узкие переулки месили тесто густой толпы. В задымленных окнах харчевен копошились тени несостоятельных лакомок, устраивавших пиры на несколько медных грошей... Всюду мерцали огни. Красные коптящие свечи и трахомные бумажные фонарики плясали на стенах. Тысячи вывесок превращали улицу в таинственный лес, поднимавший лакированные стволы, испещренные красными и золотыми знаками...

Странное освещение, костяные лица с неподвижными, стеклянными глазами, выскакивавшие из дверей, мелькали, как во сне...

Бег автомобиля вывел вещи из привычного равновесия. Раздираемый радиатором воздух гудел и пел, опрокидывая дома, ломая столбы, перекашивая окна.

Фонари, нанизываемые скоростью друг на друга, тянулись бесконечным светящимся ожерельем... Красные тюрбаны сикхов взлетали футбольными мячами... Лампочки реклам тысячезубыми челюстями кусали дергавшееся небо.

Нанкин-род скользнул разорвавшейся ракетой... Степенные особняки авеню Жоффр шатались из стороны в сторону, как пьяные матросы.

Сгорбившейся кошкой прыгнул мост, и мягко опустившиеся рессоры вынесли Китти на Рубикон.

Ветер свистал, подгоняя обезумевшую машину, рвавшую пастью радиатора порозовевшую от фонарей всклоченную шерсть мрака.

Деревья кувыркались через голову, снова становясь на ноги. Случайные дома, сделав тройное сальто, проваливались в преисподнюю.

Желтый шоффер казался прикрепленной к рулю восковой фигурой.

Широко раскрыв глаза, Китти ничего не замечала перед собой, и только тонкая стрелка спидометра хладнокровно и точно отмеряла сумасшедшие мили.

Изредка попадались другие автомобили. Их фары* золотыми апельсинами катились навстречу и, приблизившись, исчезали в прожорливой глотке гудящего безумием непьера.

Загорелись огни. Это снова вынырнул город, воткнувший в ночь оду-

---

* Передние фонари.

ванчики портовых фонарей.

Фабричные трубы старательно конопатили борта опрокинутого неба паклей густого дыма.

Китти отдала приказание шофферу, и машина, быстро стряхнув с себя рубище переулков, выехала на Бродвей.

Бродвей жужжал, как лист танглфута, полный приклеившихся мух.

Китайцы в халатах и пиджаках толкались у входа в бары, подкарауливая иностранцев, желавших изведать ласки плоскогрудых китайских кукол с ногами коз. Вереницы рикш двигались по улице, сгружая веселых матросов, отпущенных на берег с военных кораблей.

Одинокие бродячие проститутки подходили к колясочкам, соблазнительно покачивая бедрами; матросы гладили обтянутые шелковыми чулками икры и, сторговавшись, сажали дам к себе на колени, заставляя недовольных лампацо тащить двуспальную кровать.

Голубая машина остановилась у бара «Новая Мекка».

Когда Китти вошла в зал, танцы были в полном разгаре. Осатаневший саксофон стонал и выл, вызывая сочувствие хрипло бормочущего банджо. Барабан глухо охал, как пьяница, которому отбили бока в уличной схватке. Кастаньеты трещали исступленными сплетницами...

Трубки, набитые вирджинским табаком, обволакивали комнату медовым дымом. Присутствующие танцевали в облаках.

Китти, укутанная в ярко расшитые шали, казалась поставленным на пол букетом цветов.

Хозяин бара, филиппинец с щедро изуродованным оспой лицом, низко кланяясь, подбежал к Китти. Он знал, что сегодня торговля будет чудесной. Кутежи Китти походили на удачный грабеж.

— Бренди на все столы! — крикнула Китти. — И пусть оркестр играет «Циклон».

Танец кончился. Зал осветился полным светом, но большинство присутствующих не садились за столики, аплодируя Китти.

— Китти Сингапур! Китти Сингапур! — гудело по комнате.

— Вот это — девушка! — кричал коренастый американский матрос, сбрасывая на колени сидевшей с ним дамы пивные бутылки.

Ловкие бои разносили бренди.

— Кто любит Китти, тот выпьет вместе с ней! — задорно воскликнула Китти, поднимая стакан.

Десятки рук последовали ее примеру.

Черный барабанщик выстрелил белками в своих товарищей, и оркестр разразился бурей. Смычок скрипача метался, как подбрасываемый ветром бамбуковый стебель, и скрипка, взлетев на воздух, повисла на нем, завертевшись ветряной мельницей. Пианино звенело, как посуда на тонущем корабле. Барабанщик дергал плечами, словно его кусали москиты, пускал в ход пронзительную сирену и стучал палками по привязанным к барабану деревяшкам, охваченным смертельным ознобом.

Комната наполнилась смятением.

Сгустившееся электричество прорвалось молнией. Китти вскочила на стол и закружилась, как гибнущая шкуна.

Концы шалей реяли парусами. Взлохмаченные волосы взлетали сигнальной ракетой. Затрещала обшивка пианино. В последний раз взмыл голубой парус — Китти соскочила со стола. Гром аплодисментов заглушил оркестр.

Матросы ревели от восторга, свистели, топали ногами. Многие подходили к Китти, преподнося ей неуклюжие комплименты.

Китти подсела к американцам, вызывая ревность остальных столов.

Счастливые американцы были на седьмом небе. Они кидали победоносные взгляды, красноречиво говорившие об их готовности отстоять против всех доставшуюся им лакомую добычу.

Оркестр заиграл шимми.

Коренастый матрос, тот самый, который облил пивом платье своей дамы, неожиданно, обняв Китти, потащил ее танцевать. Она не протестовала, гордая своей властью над этой звериной толпой. Ей захотелось скандала.

У стойки стоял молодой итальянский матрос, давно не сводивший с нее влюбленных глаз. Китти улыбнулась ему.

Черноглазый матрос побледнел от счастья.

Китти выскользнула из объятий американца и протянула руки молодому матросу. Сияющий юноша привлек ее к себе, и они унеслись в другой конец зала.

Сидевшие за столом итальянцы шумными криками приветствовали удачу товарища.

Коренастый американец сжал кулаки.

— Я боюсь, как бы не вышло чего-нибудь между вами, — задорно шепнула Китти, прижимаясь к юноше.

— Ради вас я готов драться со всей Америкой, — сверкнул глазами итальянец.

Они поравнялись с американцем.

— Эй, ты, щенок! — хватая итальянца за плечо, зашипел коренастый матрос. — Отчаливай скорее от чужого берега.

— Я сама его пригласила, — крикнула Китти. — Он мне нравится...

— А мне — нет! — заревел обиженный и, схватив со стола бутылку, швырнул ее в удачливого соперника.

Последний ловко откинулся в сторону, и бутылка, пролетев мимо его уха, шлепнула по спине сидевшего за столом другого американца.

Компания американцев вскочила, изрыгая проклятия.

— Пошли, ребята! — закричал ушибленный бутылкой, и лес кулаков двинулся к стойке, где уже началась драка.

Китти, вскочив на стойку, с раздувающимися ноздрями следила за побоищем.

Столы и стулья с грохотом валились на пол.

Женщины визжали и метались по комнате. Барабанщик спешил уне-

сти барабан, чьи бока ему были дороже своих собственных.

Из хаоса переплетенных тел на Китти глянули сверкающие черные глаза.

— Бегите в соседнюю комнату... Вас могут ударить! — крикнул взволнованный голос.

— Берегите голову! — крикнула Китти, увидев стул над головой итальянца.

В это мгновение потух свет, выключенный догадливым хозяином. Чьи-то сильные руки сняли Китти со стойки и унесли в темноту.

— Не волнуйтесь, — раздался над ухом горячий шепот. — Сейчас вы будете в безопасности.

Где-то позади раздавались дружные проклятия. Блеснул свет. Китти была в маленьком коридоре.

— Я выведу вас во двор, — шепнул молодой итальянец, — и усажу на рикшу.

— Меня ждет машина, — прижалась к матросу Китти, — мы поедем ко мне.

— Не сейчас, синьора! Я не могу оставить товарищей. Ведь они дерутся за меня!..

— Я хочу, чтобы ты ехал со мной, — упрямо шептала Китти. — Ты мне нравишься, здесь нам больше нечего делать...

Долг и страсть вели безмолвный поединок в сердце матроса.

— О! — с отчаянием простонал он, впиваясь в трепещущий рот Китти.

— Сильвио! Сильвио! — донеслось из бара.

— Иду! — крикнул итальянец и, вырвавшись из объятий Китти, бросился туда, где не умолкали грохот и шум.

VI

В тот самый момент, когда разгоряченная машина подвезла ищущую приключений Китти к бару «Новая Мекка», у ворот текстильной фабрики японской фирмы «Найгай Уата Кайша» два молодых китайца показывали пропуска остановившему их привратнику.

— Проходите,— сказал привратник, взглянув на покрытые иероглифами дощечки.

Молодые люди вошли во двор и, пройдя несколько шагов по дорожке, ведущей к фабричным корпусам, тихо засмеялись.

— Итак, Юн, первый шаг сделан, — сказал тот, который был ниже ростом.

— Пословица говорит, Чен, что и самое длинное путешествие начинается с одного шага,— весело ответил Юн.

У первого корпуса кричала и волновалась большая толпа. Тут были женщины, дети и даже младенцы, проснувшиеся от шума и помогавшие

взрослым своими криками.

Похожий на скелет китаец кричал, размахивая руками:

— Они считают нас хуже собак! На прошлой неделе они сбавили нам две копейки, а теперь совсем выкидывают вон!

— А зачем им мы, когда они могут поставить на наше место женщин и детей?

— До тех пор, пока мы будем молчать, нам не вылезти из грязи.

— Нужно бросить работу... пусть стоят машины... послушаем, что они скажут тогда!..

— Хорошие слова! — толкнул Юн в бок Чена. — Наш народ начинает разговаривать по-настоящему.

— Тише, тише, — заволновалась толпа, — надсмотрщики!

Кучка людей в желтых куртках с черными круглыми палками в руках подходила к рабочим.

— Чего остановились? Цула!..* — закричали надсмотрщики.

Толпа не трогалась с места.

— Не пойдем, дайте нам управляющего.

— Зачем вам управляющий?

— Мы желаем знать, кого сегодня уволили.

— Много уволили, — оскалил зубы старший надсмотрщик-японец. — Пятьсот человек... всех мужчин долой.

Тихий ропот пополз по толпе. Несколько человек отделились, пробираясь к дверям фабрики.

— Расходись! — кричали надсмотрщики, размахивая палками.

Часть толпы прорвалась к двери, и от станка к станку, от машины к машине молнией пронеслось боевое:

— Кончай работу!

Люди, бросив машины, продолжавшие бессмысленно стучать и суетиться, не пугаясь палок, выходили во двор.

— Товарищи! — зазвенел молодой голос.

Толпа подняла голову. На пожарной лестнице, вившейся по стене, стоял Чен.

— Чен... Чен... — радостно ахнула толпа, — наш Чен!..

— Вы все меня знаете, товарищи, — начал Чен, — и я вас знаю всех! У нас одинаковые глаза, одинаковые руки, одинаковые спины. Наши хозяева думают, что в Китае много голодных кули и, когда их прогонят с фабрик, то они будут отсылать на съедение машинам своих жен и детей. Хозяева ошибаются. Да, в Китае много голодных кули, но эти кули взялись за ум. Эти кули за свой труд желают получить человеческую жизнь. Мы желаем иметь отдых... Мы требуем, чтобы к нам относились, как к людям. Сегодня администрация уволила пятьсот старых рабочих; мы требуем, чтобы их приняли обратно. До тех пор, пока это не будет сделано,

---

* Прочь!

мы сами не станем на работу и не пустим на завод других! Нам нечего бояться наказаний, нам нечего пугаться голода. Голод — наш старый знакомый. Подтянем потуже животы, но не сдадимся. Кроме того, у нас есть друзья... Революционное студенчество вместе с нами... Сейчас представитель студенческого союза сам скажет вам то, что поручили ему передать его товарищи...

Надсмотрщики давно хотели пробраться к лестнице, но рабочие не пускали их.

На лестнице появился Юн.

— Я не буду много говорить. Хозяйские собаки кидаются, как бешеные, желая схватить нас зубами. Напрасно! Народ проснулся, и его не усыпить палками!.. Одна китайская революция скинула богдыханов, другая — скинет капиталистов. Мы, студенты, с вами до конца! Мы будем делить с вами каждый кусок хлеба и каждый коппер. Мои товарищи просили меня передать, что мы сделаем все, чтобы ваша забастовка окончилась победой. Не бойтесь, и вы выиграете сражение!

Юн кончил вовремя. Отряд полиции бежал от ворот к корпусу.

— Товарищи, забастовка объявлена! — крикнул Чен. — Завтра представители союза предъявят требования хозяевам. А теперь расходись!

Толпа двинулась с места навстречу полицейским.

— Где большевики? — кричали полицейские, размахивая револьверами.

Лестница была пуста. Воспользовавшись движением толпы, Юн с Ченом бросились через машинное отделение к примыкающему к докам забору. Эта часть двора была пуста. Поднявшись на руках, беглецы перемахнули через забор.

Пробежав несколько шагов, они свернули в переулок, ведущий к Бродвею.

Когда они вышли на Бродвей, было уже совсем светло.

Отряды морской полиции вытаскивали из баров перепившихся матросов, грузя наиболее беспомощных в колясочки радующихся заработку лампацо. Матросы лежали трупами. Их головы беспомощно мотались из стороны в сторону. Некоторых тошнило.

За спиной беглецов послышался угрожающий, протяжный вой. Они обернулись.

Мимо них промчался длинный голубой автомобиль, над которым флагом развевались золотые волосы.

VII

Контора Ворда помещалась на Банде рядом с Гонконг-Шанхайским банком, чьи великолепные колонны поддерживали не только массивное здание банка, но и финансовое благополучие многих контор.

Банк возвышался гордым патриархом над всеми другими банками и конторами, переполнявшими набережную. Bank, Banque, Banking, Banco — растекались золотые вывески по обеим сторонам финансового собора... Но это был только аккомпанемент, — первую скрипку играл банк, украшенный великолепными колоннами — многоногий, молчаливый хозяин Шанхая.

Едва Ворд вошел в контору, как дела облепили его жужжащим роем. Письма, телеграммы, телефоны начали обстреливать перекидным огнем.

— Мешки купить, — сделав сложное вычисление на бланке каблограммы, сказал Ворд вихрастому, веснущатому клерку.

Откинувшаяся дверь пропустила запыхавшегося толстяка с сигарой в зубах и снова автоматически стала на место.

— Сделаем что-нибудь, босс? — глотая слова вместе с дымом, прохрипел толстяк. — Эво — семьдесят восемь.. New Engineering — сто двенадцать... Сан-Синг—сто три...

— Почему Эво пошли вниз? — не отрываясь от письма, спросил Ворд.

— Забастовка, мой дорогой! Сегодня ночью стала седьмая фабрика «Найгай». Ожидают дальнейших сюрпризов... Сделаем что-нибудь?

— Сегодня — ничего, — сказал Ворд, берясь за телефонную трубку. Попыхивающий сигарой толстяк выкатился из кабинета.

Ворд, который, кроме всего прочего, был компаньоном хлопчатобумажной фабрики Лоу-Кун, бросился к телефону.

— Фабрика? Говорит Ворд. Есть новости? Ничего? Смотрите за рабочими и усильте охрану.

— В чем дело, Вен? — спросил Ворд вошедшего степенного китайца в коричневом шелковом халате.

— Генерал У прислал деньги и людей принимать товар.

— Ничего не выйдет, Вен... Я раздумал. Верните задаток обратно.

— Это невозможно, мистер Ворд. Генерал У будет сердиться... Генерал У — большой человек.

— Делайте так, как я сказал, Вен.

— Наша фирма потеряет лицо.

— Лишь бы не деньги... Вот чек.

Вен взял синенький клочок бумаги и молча вышел.

— Удивительный народ! — воскликнул Ворд, подавая клерку прочитанные письма и телеграммы, — заботятся о сохранении лица, а сами все время подставляют физиономию.

— Ну, что еще? — поднял брови Ворд, увидев вернувшегося Вена.

— Генерал не взял чека. Он сказал... — Вен замялся.

— Что он сказал?! — крикнул Ворд.

— Генерал сказал, что он не желает брать свои деньги, побывавшие в ваших руках, и дарит их вам.

— Что-о?! — открыл глаза Ворд. — Новые китайские церемонии? А, впрочем, черт с ним! Побольше бы таких сумасшедших покупателей. Еще что у вас?

— Из Пекина прислали халаты.

— А-а... мандаринские остатки, которые Лондон хочет переделать на пижамы! Много?

— Тысяча двести штук. Это все, что можно было достать.

— Немного же осталось от мандаринов! Посмотрим, на что годится это тряпье. — Ворд прошел в соседнюю комнату, переполненную сказочными птицами упраздненной китайской иерархии.

Розовые вороны терпеливо переносили соседство надменных журавлей. Великолепные павлины мирно уживались с пламенно-рыжими фазанами.

Птицы, вышитые шелками на квадратных нагрудниках, имели, как объяснил Вен, каждая свое значение.

Грудь мандарина первого класса украшал изысканный маньчжурский журавль. Мандарины второго класса носили на нагруднике золотого фазана. Павлин прикрывал переливающимся хвостом грудь мандарина третьего класса. Четвертому классу была присвоена пестрая дикая утка. Пятому — серебристый фазан. Шестой класс щеголял oiseau-aigrette — кокетливой птичкой с причудливым хохолком. Эмблемой мандаринов седьмого класса служила голубая пекинская утка. Мандарины восьмого класса носили обыкновенную утку. И, наконец, мандарины последнего, девятого класса отдавали свою грудь розовой длиннохвостой вороне.

Ворд равнодушно смотрел на эти шедевры прикладного искусства, бывшие когда-то источником глубокой зависти и волнений.

— Почему они так хорошо сохранились? — поинтересовался он.

— Они были приготовлены для вновь пожалованных чиновников и не вышли из дворцовых складов,— почтительно ответил Вен.

Ворд прошел обратно в кабинет, где без умолку трещал телефон.

— Алло! Здравствуйте, Биль! Я пробуду в конторе еще час — заезжайте...

В кабинет вошел низенький большеголовый блондин в светло-сером спортивном костюме. Это был Веспа — экс-капитан итальянской артиллерии, главный директор контрабандного отдела конторы Липтон Ворд.

— Где же ваш покупатель?! — набросился на него Ворд.

— Через две минуты он будет здесь, — опускаясь в кресло, ответил Веспа.

— Он не большевистский агент? — справился Ворд.

— Кто? Пин-Ву? Да это самый надежный головорез в Фу-Цзяне. У него будущее Чжан Цзо-лина.

— Великолепно, значит, наши револьверы не будут обращены против нас.

— Пока нет, — пожал плечами Веспа, — а в будущем... черт знает, что ждет в будущем эту страну!

— А как у него с деньгами?

— Куча! Он ухитрился собрать налоги за пять лет вперед да еще прихватил фонд для исправления дорог.

— И что же население?

— С нашими револьверами он рассчитывает жить с ним в мире. Что же касается дорог, то, по его мнению, чем хуже дороги, тем лучше спасаться от врагов.

— Интересно взглянуть на этого оригинала,— сказал Ворд.

— Мистер Пин-Ву,— доложил бой.

— Пусть войдет.

Бой пропустил молодого, одетого по-европейски китайца в больших роговых очках.

Ворд вопросительно посмотрел на Веспу.

— Разрешите представить вам моего старого друга Пин-Ву, — сказал Веспа.

— Очень рад встретиться с вами,— с сильным американским акцентом сказал Пин-Ву.

Ворд предложил стул, с любопытством разглядывая вылощенного бандита. Веспа улыбнулся.

— Вам известны условия? — спросил Ворд.

— Да, мы договорились с Веспой, — ответил Пин-Ву.

— Вы платите половину сейчас, остальное после сдачи.

— Я вношу все деньги сейчас, — поклонился Пин-Ву. — Мне так удобнее.

— Вы — плохой коммерсант, — улыбнулся Ворд.

— Потому-то я и избрал более подходящее для себя ремесло, — невозмутимо ответил Пин-Ву. — Я давно знаю господина Веспу и верю, что два честных разбойника никогда не надуют друг друга.

Веспа церемонно поклонился.

— А теперь разрешите мне заплатить вам деньги,— продолжал Пин-Ву. — Тысяча штук по пятьсот долларов и сто тысяч патронов по шестьдесят центов за штуку — всего пятьсот шестьдесят тысяч мексиканских долларов. Вы ничего не имеете против американской валюты?

— Пожалуйста. Сегодня курс — два восемьдесят,— сказал Ворд.

— Я вам должен дать двести тысяч долларов, — быстро сосчитал Пин-Ву. — Можно попросить принести мой чемодан? Я оставил его в вашей передней.

Бой принес плоский кожаный чемодан.

Пин-Ву раскрыл его и вынул двадцать пачек, перевязанных розовой шелковистой бумагой. Это были стодолларовые бумажки, украшенные портретами благообразных американских президентов.

— Я полагаю, эти почтенные джентльмены не слишком рассердятся на меня за то, что я привлек их к участию в таком антихристианском деле, — передавая пачки Ворду, сказал Пин-Ву. — Но в наш испорченный век выгоднее иметь дело с револьверами, чем с Библией. Надеюсь, все в порядке?

— Правильно,— сказал Ворд, пересчитав последнюю пачку.— Сегодня ночью мистер Веспа сдаст вам товар. Я надеюсь, вы останетесь довольны

покупкой и с прибылью вернете затраченный капитал.

Пин-Ву молча подал узкую руку и не спеша вышел из кабинета.

— Первый раз вижу такого чудака! — воскликнул Ворд. — Он больше похож на миссионера, чем на разбойника.

— Он и готовился проповедовать Библию, — буркнул Веспа. — Ведь он четыре года провел в миссионерском колледже в Нанкине.

— Что же заставило его переменить профессию?

— Пустяк. Преподаватель богословия оказался поставщиком опиума во все нанкинские притоны. Это так потрясло впечатлительного Пина, что он решил, из патриотических побуждений, заняться грабежом своих соотечественников.

— Каковы бы ни были его фантазии, он — первоклассный покупатель, — заметил Ворд. — Пусть себе обдирает китайских провинциалов. Нам — он не конкурент.

Веспа посмотрел на часы.

— Что у нас осталось неликвидированным? — справился Ворд. — Морфий? Почему он не продан?

— Предлагают тысячу шестьсот за кило, рынок почти пуст. Думаю, если продержим еще неделю, возьмем две.

— Отлично! Я полагаюсь на ваш нюх. С этим разочарованным миссионером мы сделали удачное дело. Выше прежней цены на сорок процентов. Вы честно заработали ваши десять тысяч.

Ворд протянул пачку долларов своему сообщнику.

— Мне кажется, я заработал на одну пачку больше, — спокойно сказал Веспа.

— Вы думаете? — прищурил левый глаз Ворд.

— Уверен в этом, — процедил сквозь зубы Веспа.

— Ваши,— протягивая еще одну пачку, сказал Ворд.— Теперь уходите. Я не хочу, чтобы консул застал вас здесь.

Веспа сунул деньги в карман и поднялся с кресла.

Ворд позвонил Китти.

— Кто там еще? — раздался недовольный голос.

— Говорит Лип. Я хочу сделать тебе сегодня хороший подарок.

— Убирайся к дьяволу вместе с подарком.

— Что с тобой?

— Ничего, кроме желания, чтобы меня оставили в покое.

— Ты с ума сошла?

— Наоборот, я только теперь на него наткнулась.

— Не дури. Я приеду, и все будет хорошо.

— Напрасно, я уезжаю...

— Куда?

Вместо ответа телефон крякнул: Китти повесила трубку.

«Какая досада! — подумал Ворд. — Свободный день, свободные деньги, и никакого удовольствия!..»

Вошел клерк.

— Какие распоряжения на сегодня?

— Отнесите эти деньги в банк, — сказал Ворд, — больше ничего.

— Простите, Лип, — врываясь в комнату затараторил консул Бертон. — Тьма неожиданных дел! Телеграмма из министерства... Срочный разговор с начальником нашей — пардон! — муниципальной милиции... Извещение о приезде какой-то мисс Агаты Гаррисон, снабженной полномочиями Лиги Наций. Воображаю — рожа!.. Сюда, как правило, не приезжают деловые женщины моложе сорока пяти лет. И, в довершение всего, в городе — новая забастовка.

Ворд слушал консула без всякого интереса.

— Что с вами, Лип? — забеспокоился Бертон. — Вы захворали?

— Обычная неприятность, — поморщился Ворд,— есть деньги и нет женщины.

— Вы правы, — согласился консул, — нельзя же считать за женщин заезженных лошадей с Кьянси-род или девушек из Дель-Монта. Кое-кто из общества пробует ввести моду на китаянок. Безнадежно. Гораздо больше будущего за мальчиками. Кстати, вы слышали?.. Фон Гойер привез с собой из Харбина восхитительного эфеба. Настоящий Антиной. Если бы Уайльд был жив, он вдохновился бы еще на один портрет Дориана Грея.

— Это кушанье не для меня.

— А многие этим увлекаются, — простодушно заметил Бертон. — Например, новый американский консул.

— Каждый забавляется, как может, — равнодушно бросил Ворд. — Куда мы с вами направимся?

— А куда можно себя деть в этот час в Шанхае? — развел руками представитель Великобританской империи. — «Астор-Хаус»? «Плаза»? «Мажестик»? Я не знаю других мест. В клубах — скука, и, потом, там всегда пристают с умными разговорами, а я не люблю лишний раз чувствовать себя дураком.

— Заглянем в «Астор-Хаус», — предложил Ворд, беря шляпу.

В коридоре их догнал веснущатый клерк.

— Звонили из виллы «Белый Нефрит», — сказал он патрону. — Приехал мистер Кун; он желает вас видеть, как только у вас найдется свободное время.

— Очень хорошо, — воскликнул Ворд, — это старое чучело приехало вовремя. Непременно втяну в нашу Лигу последнего из рода Конфуция! На китайских лавочников это произведет потрясающее впечатление.

— Контора... Лига... Как вас не утомляют все эти дела!

— Меня утомляет безделье, — вздохнул Ворд, думая о Китти.

VIII

Старый Кун Ю-Вей не питал симпатии к Шанхаю. Город, история

которого укладывалась в размеры одного короткого столетия; город, не могущий похвастаться ни одной императорской гробницей; город без предков и без памятников старины — на какое место мог претендовать он в душе того, чей род протекал сверкающим потоком по долине двух с половиной тысячелетий?!

Широкая, лоснящаяся асфальтовым жиром набережная с полицейскими в красных тюрбанах и пробковых шлемах — разве это Китай?

Юркие автомобили, похожие на больших металлических крыс — разве могут соперничать они с неторопливым покачиванием вибрирующего паланкина?! А эти вертлявые европейские куклы в коротких юбках с выпуклыми, словно распухшими икрами, перебегающие улицы с быстротой рикш?! Они не заслуживают даже упоминания рядом с совершенной грацией китайских красавиц!

Душа старого Вея презрительно морщилась при виде современных новшеств, переполнявших Шанхай, но лицо его сохраняло невозмутимое спокойствие, ибо Вей был слишком вежлив, чтобы открыто выражать свое неудовольствие.

Крепкожилый лампацо лихо вез поставленную на два серебряных солнца коляску, в которой сидел скованный этикетом старик с опущенными вниз белыми усами.

Раскосые щели глаз ловили улицу, вывески, европейскую манеру приветствий.

«Все теряет установленный вид, — думал Вей, — одежда, люди, дома... Города изменили свое лицо... Из жизни исчезли мудрые правила... Никто не хочет исполнять свой долг».

Старый Вей, закрыв глаза, отгородился от современности.

Колясочка плавно катилась по авеню Жоффр, пропуская одержимые скоростью автомобили. Каменные мундиры породистых особняков щеголяли разнообразием окраски. Виллы, белые, как парадные кители морских лейтенантов; голубые, как френчи французских летчиков; пепельные, как тужурки бронекоманд; черные, как куртки шотландской пехоты — мелькали за прикрытием оград и деревьев.

В самом конце улицы, сверкая нежной позолотой капризно изогнутой кровли, стоял уединенный дом.

Резная арка из белого мрамора, покрытая пышными пионами, вела во двор.

Белые львы сторожили дорогу к высокому, с ажурными ступеньками, крыльцу. Коляска, миновав арку, покатилась по белой, словно посыпанной солью аллее.

У скрюченных карликовых деревьев возился старый китаец в синем халате. Он тщательно окапывал деревья, поливая их темной густой жидкостью.

Старый Вей сошел у крыльца. Он был худ и прям, и его пепельно-серый халат с серыми тисненными цветами при ходьбе раздувался и опадал, словно наполненный воздухом.

Поднявшись на крыльцо, Вей остановился, устремив взор на полоску красной бумаги, наклеенную над дверью. Нарядные, похожие на маленьких золотых крабов, буквы ползли по бумаге, образуя знакомое изречение «пинь-ань-ши-фу»: «Спокойствие — есть счастье».

Это новогоднее пожелание еще раз напомнило Вею, что сегодня последний день Мыши, освобождающей место наступающему году Коровы.

Ощущение торжественной значительности этого праздника — сохранившего полностью пышные традиции старины — сгладило неприятное впечатление недавней прогулки.

Вей вспомнил, что на многих дверях он видел такие же надписи. Народ, которому республика навязала новый западный стиль, сохранил верность лунному календарю.

Пройдя в комнату, увешенную портретами предков, Вей опустился в кресло. Постепенно его сознание утонуло в туманах древности. Тысячелетья протянулись уходящей в вечность аллеей, по которой торжественно проплывали тени великих Поднебесной империи.

Необозримой стеной вставало несравненное величие ханской династии; сверкающее великолепие Трех Царств; пышная роскошь Нань-Бэй-Чао; блистательная мощь Сунов, воинственный пыл Юаней, изысканная мудрость Минов, мрачное цветение последних Цинов.

Кун видел безумца, горделивого Хуан-Ди, пожелавшего уничтожить все книги, написанные до него, не исключая книг великого Конфуция. Со свитком жертвенных гимнов двигались сиятельные покровители искусств Вен-Ди и У-Ди. Верхом на осле, с лицом, обращенным к хвосту, ехал бессмертный пьяница Ли-Тай-Бо*.

Несметный караван великих тянулся по пути тысячелетий, упираясь в сегодняшний день.

И над пышным величием трона, меча, кисти и песни возвышалось скромное величие мудрости Конфуция — основателя рода Кунов, к которому принадлежал старый Вей.

Две с половиной тысячи лет отделяли Вея от тех дней, когда в маленьком княжестве Лу Шандуньской провинции жил его задумчивый предок, определивший путь целого народа и подаривший потомству тайну несокрушимости.

«Семьдесят два поколения стояли за спиной Вея... Семьдесят две могилы главных представителей рода давали опору его ногам...

Сегодня кончается мой семьдесят третий год, — думал Вей. — Мой великий предок прожил семьдесят три года... Драгоценное эхо его мудрости и поныне звучит в сердце народа... Что достойного сделал я, его семьдесят третий потомок?»

Память старого Вея начала тщательно пребирать пережитое.

Детство в священном городе Цю-Фоу... Каменные верблюды, грузно

---

* Великий китайский поэт, умерший от пьянства.

осевшие на желтую землю... Кипарисы у храмов и кипарисы на кладбище... Странные жалобы голубиных флейт, замирающие над рисовыми полями... Медленные черепахи, дремлющие под горбатыми мостами монастырских прудов... — Этими подробностями были отмечены первые годы существования Вея.

Он был единственным сыном старейшего представителя Кунов и прямым наследником и хранителем родовых традиций.

Детская рубашка, украшенная изречением Конфуция: «Я верю в древние времена и люблю их» — определила навеки его судьбу.

Его детской комнатой был «Зал великого совершенства» в храме с мраморными колоннами. Чтение священных книг заменяло ему сказки. Товарищами его игр были храмовые служки и мальчики-танцоры, носившие старинные одежды с длинными рукавами, мешавшими им заниматься бросаньем камней.

Маленький Вей был вырван из жизни с самого начала. Жрецы, бывшие его няньками, ходили за ним по пятам, тщательно оберегая маленького «продолжателя рода святого» от занятий, являющихся привилегией простых смертных. Вею не разрешалось тревожить сон священных черепах, разбивать носы дразнившим его мальчишкам, стрелять из лука, лазать по деревьям.

День его начинался с посещения храма. У средней северной стены перед таблицей с надписью «Высокоправедный первоучитель и наставник Кун» — он преклонял колени в трех торжественных «котоу». Затем он свидетельствовал свое почтение четырем товарищам предка.

Двенадцать мудрецов, чьи таблицы украшали боковые стены «Зала великого совершенства», являлись дальнейшими свидетелями почтительной вежливости маленького Вея.

Из главного зала Вей проходил во двор. Там в длинных, низких галереях ожидали его посещения остальные семьдесят два ученика Конфуция.

Светило жаркое солнце... На деревьях скрежетали цикады. Мальчишки кормили листьями зеленых сверчков.

Маленький Вей, не останавливаясь, проходил мимо увлеченных забавами сверстников на кладбище, чтобы у могилы «совершенного примера для всех веков» выслушать скучное рассуждение наставника о благодатных преимуществах вечности.

Остальная часть дня засорялась изучением древних текстов и только ночью, когда засыпали люди и выходила на прогулку луна, маленький узник украдкой выбегал в жизнь, собирая запрещенные днем радости.

Набегавшиеся за день дети спали и видели сны. Бодрствовали только рыбаки, волшебным способом приманивая рыбу. Они приближали к воде лакированные дощечки, в которых, как в зеркале, отражалась луна. Очарованная рыба прыгала в сети, и рыбаки радовались удаче, не обращая внимания на тихого мальчика, завороженного, подобно рыбе, таинственной магией лака и луны.

Мерное стрекотанье сверчков уводило Вея в сады, наполненные цветами, тоскующими по человеческому вниманию. Голова кружилась от запахов, а сердце начинало стучать громче колотушки ночного сторожа.

Небо, истекающее голубой кровью, бледнело... Луна, шатаясь, уходила за облака. Рыбаки складывали сети. Вей возвращался домой и долго не мог уснуть, ворочаясь на цыновках.

Два раза в месяц в дни новолунья и полнолунья пышные церемонии привлекали в Цю-Фоу толпы верующих. Верующие приносили дары. Дары попадали в руки наследников Конфуция, привыкших существовать за счет доходной славы великого предка.

Не все многочисленное потомство шандуньского мудреца пользовалось щедрыми дарами. Княжеский титул и княжеская казна являлись привилегией единственной семьи. Остальные тридцать тысяч близких и дальних родственников должны были довольствоваться великой честью родства, устраивая свою жизнь на общих основаниях. Они разводили цветы, копались в земле, занимались рыбачеством и торговлей. Некоторые кочевали из одной провинции в другую. Эмигрировали, странствуя в поисках хлеба и счастья.

До тридцати лет существование Вея не выходило за пределы окружавшей священный город стены.

Он тщательно изучил классиков и постиг тайну изящной кисти. Он знал наизусть лучшие поэмы Ли Тай-Бо и почти все элегии Ду-Фу. И он совсем не знал жизни.

В двадцать пять лет его женили на тихой благонравной девушке, которая покорно томилась на своей половине пять лет и умерла, так и не изведав вкуса любовной ласки.

Смерть жены не произвела на Вея ни малейшего впечатления. Гораздо больше Вея интересовали карликовые рыбы, которых ему доставляли из Гонконга в больших сосудах из голубого фаянса, и тропические цветы редких пород.

Сведения о текущих событиях он черпал из «Альманаха богдыхана» и «Столичных новостей», переполненных инструкциями о перемене шляп, предписаниями о ремонте императорских гробниц, указами о причислении к лику святых какого-нибудь богатого филантропа или замечательного мандарина.

Заботливые родители подыскали ему вторую жену, но Вей не проявил к ней большего интереса, чем к первой. Он продолжал возиться с рыбами и цветами, с увлеченьем играя на лютне, полируя свой ум дружбой с классиками.

Тогда Вея отправили в столицу.

Поездка произвела в нем огромный переворот. Он словно проснулся.

Узник, тридцать лет проведший в заточении, неожиданно получил свободу.

Сам путь в столицу в общем потоке паланкинов и пешеходов с остановками в гостиницах и монастырях, с неожиданными встречами и зна-

комствами, затопил Вея бурной, незнакомой радостью.

Он был счастлив, если дождь прерывал путешествие и в темных кельях горного монастыря собиралась за ужином случайная компания, затевавшая дружескую беседу, в которой незаметно проходили часы.

Утром вставало солнце. Носильщики подавали паланкины и путешественники, обменявшись вежливыми поклонами, отправлялись в дальнейший путь, сопровождаемые напутствиями гостеприимных монахов.

Вей прибыл в столицу новым человеком. Его глаза горели, его руки двигались, его рот научился смеяться.

У него было несколько писем к важным сановникам, принявшим его ласково и оказавшим ему большой почет.

Через неделю ему была дана аудиенция в большой яшмовой зале, а еще через неделю, после блестящего экзамена, состоялось посвящение в великие умы изящного царства династии Цин и назначение членом «Академии перьев красного феникса».

Богдыхан благоволил к появившемуся при дворе потомку Конфуция, даря в знак монаршей милости драгоценный нефрит и посылая цветы из придворных оранжерей.

В столице Вей узнал народ, управлять которым, по уверению сановников, не составляло большого труда. Народ этот нищенствовал и распевал песни, почтительно уступая дорогу появлявшимся на улице мандаринам.

Жизнь Вея шуршала шелком, и народ занимал в ней место безмолвного статиста.

Вей совершил несколько путешествий по Срединному царству, восхищаясь крепостью обычаев и верностью старине. В каждом городе был храм Конфуция; каждая деревня устраивала потомку святого торжественную встречу.

Путешествие по Ян-Цзы наполнило сердце Вея национальной гордостью.

Целыми днями сидел он на высокой корме разукрашенной джонки, любуясь берегами, уставленными гробами. Жирная вода, обильно заправленная водорослями, плескалась похлебкой для миллионов. Лодочники, сидящие в ярко-желтых сампанах, жадно черпали ее ложками весел.

Золотой остров с храмом на скале, неожиданным цветком расцветший посредине реки, пленил воображение Вея.

Вернувшись в Пекин, он рассказал о своих восторгах богдыхану, и тот немедленно подарил ему понравившийся остров.

Вскоре в жизни Вея свершилось важное событие. Он встретил девушку, заставившую затрепетать его равнодушное сердце. Это была придворная танцовщица Мин-Лу, прозванная за пристрастие к черному цвету «Черным Пионом».

Вей женился на странной девушке с каменным лицом и бурным телом и увез ее на Золотой остров.

Там он жил год.

В отсутствие Вея столица пережила чудовищные испытания.

Молодой император, поддавшись злому влиянию опасных мечтателей, начал осуществлять пагубные реформы, направленные против старины. Императрица-мать, не пожелав видеть гибель государства, вырвала власть из рук недостойного сына и начала править сама.

Но внезапная страшная болезнь цепко завладела ослабевшим организмом великой империи.

Народ выпустил железные когти... Зараза проникла в войска... Каждый новый год приносил новые волнения. Безумцы, которых раньше никто не слушал, превратились в пророков. Сыновья восстали против отцов... В несколько лет Китай утратил тысячелетнюю строгую внешность. Наконец, разразилась революция, и империя развалилась, как лопнувший горшок.

Вей считал республиканский образ правления очевидным злом. Республика разрубила великое тело Китая на множество ничтожных кусков. Она испортила мирных крестьян и возмутила покорных кули... Она уничтожила преданность старине и объявила войну привилегиям.

Вместе с другими поборниками национального единства Вей образовал общество «Восстановления и расцвета», поставившее целью исследовать причины государственного развала и отыскать пути национального возрождения. Члены общества расселились по разным провинциям; сделались советниками маршалов и дудзюнов*; образовали промышленные предприятия, действуя по строго намеченному плану, выработанному тайным советом общества.

Золотой остров, на котором поселился Вей, стал главным штабом «Восстановления и расцвета». Здесь происходили собрания тайного совета. Сюда присылались материалы, собранные в различных провинциях.

Вей весь ушел в кропотливую упорную работу.

«Черный Пион» умерла после третьих родов, оставив на попеченье отца сына и дочь.

Вей отправил детей в Шанхай, в отстроенную для них виллу на авеню Жоффр, поручив их вниманию старых ученых наставников.

Когда дети достаточно ознакомились с основами классической мудрости, Вей поместил их в иностранные школы: дочь во французский колледж при монастыре св. Терезы; сына в американский университет Сент-Джонс.

Дети росли вдали от отца, лишь иногда наезжавшего в Шанхай.

В Шанхае у Вея была хлопчатобумажная фабрика, которой он владел вместе со старым своим другом Лоу и недавно вступившим в компанию Вордом.

Уже много лет Вей работал над книгой под названием «Зеркало муд-

---

* Военные губернаторы.

рых указаний», являвшейся сопоставлением прошлых исторических событий с фактами современности.

Тысячелетия благоденствовавший Китай опирался на три истины: силу Традиции, силу Терпения, силу Численности.

Эти три силы, временно утратившие влияние, должны были, по мнению Вея, снова начать свое гармоническое действие, результатом чего будут три радостных последствия:

Единство,

Восстановление,

Расцвет.

Открытие спасительной формулы до того захватило Вея, что он целый год провел в лихорадочной работе, забыв о существовании детей.

Теперь, когда его труд был почти закончен, Вей вспомнил о детях и приехал в Шанхай провести с ними Новый год.

Однако вилла на авеню Жоффр была пуста.

Сын Лю гостил в Пекине, а дочь Фей уже девять месяцев жила в Париже, куда она поехала вместе с женой директора Индо-Китайского банка.

Вей был раздосадован отсутствием детей, особенно затянувшимся путешествием дочери, проявившей слишком много самостоятельности.

Дверь в комнату сына была открыта. Вей заглянул в нее.

У стены стоял большой кожаный чемодан: очевидно, Лю вернулся из Пекина...

На столе лежала радиограмма: «Встречайте завтра “Президента Монро”. Фей».

Довольный Вей вышел в столовую.

Со стены золотом букв радостно кричало новогоднее изречение: «Из четырех времен года весна считается лучшим».

IX

Зеленые стены задумчивого оттенка, свойственного дорогим изумрудам, служили прекрасным фоном для двух цветных окон и причудливого буфета в великолепном баре гостиницы «Астор Хаус».

Каждые два года заботливая администрация отеля меняла внутреннюю отделку помещения, прибегая к услугам малоизобретательных, но дорогостоящих декораторов.

В 1925 году в баре «Астор-Хаус» царил персидский стиль. Оба окна были разрисованы светящимися цветами и фруктами, обрамлявшими сцены из знаменитой поэмы Омара Хайяма.

На первом окне, на стекле был изображен персидский алкоголик, старательно осушающий огромную чашу под сенью склонившихся над ним розовых кустов, корни которых переплетались с четырьмя затейливыми

строчками:

Then to this earthen Bowl did I adjourn
My Lip the Secret Well of Life to learn:
And Lip to Lip it murmured: — «While you live
Drink! — for once dead you never shall return!»*

На втором окне во все горло заливались пестрые, как попугаи, соловьи. Одетая в фантастическую пижаму стриженая девушка, более похожая на «герл» из американского ревю, чем на персиянку XI века, наливала вино в объемистую чашу привыкшего к пьянству и стихам бородатого перса.

Между двух окон возвышался буфет, уставленный напитками всех стран и народов — от ядовитого, как разведенный купорос, абсента до ласково-золотого ямайского рома.

Мутноглазый бармен с багровым лицом, похожим на лицо тряпичной куклы, облитое вишневым бренди, ловко жонглировал бутылками. Высокая стойка, покрытая толстым стеклом, напоминала ширмы. Когда бармен наклонялся над стойкой, сидевшим за столиками пьяницам казалось, что перед ними кривляется петрушка.

Было два часа дня. Как всегда в это время, бар был переполнен.

Таможенные чиновники с золотыми львами на фуражках принимали угощенье от благодарных контрабандистов.

Безукоризненно выбритые детективы муниципальной полиции дружески обменивались коктейлями с торговцами опиумом. Англичане, португальцы, французы, шведы, датчане беспрестанно стучали пустыми стаканами; китайцы-бои приносили все новые и новые бутылки.

Здесь передавались последние сплетни, заключались всевозможные сделки. Сюда приходили промочить глотку, потолкаться в толпе, повидать приятеля, посмеяться и позлословить.

Это был клуб на ногах, ибо большинство посетителей никогда не присаживалось, переходя от стены к стене или облокачиваясь на бронзовую палку, подвешенную на кронштейнах впереди стойки.

Консулы великих держав стояли рядом с жуликами; директора банков обменивались любезностями с подделывателями чеков; сутенеры и карточные шулера дружески беседовали с миссионерами. Все были одинаково чисто выбриты, говорили на одинаковом языке, были одеты в одинакового покроя костюмы и одинаково небрежно подписывали «читы».

---

* Когда я к чаше жадным ртом приник,
чтоб тайну выведать у этой жизни милой,
Шепнула жизнь: — Покуда жив, старик,
Пей!.. Не дадут вина в могиле!

Редко кто из посетителей расплачивался наличными. Только приезжие туристы бросали на стойку серебряные или бумажные доллары; коренные шанхайцы ограничивались подписью на бумажке.

Полупьяный бармен вел точный учет выпитого алкоголя, безошибочно заполняя цифрами разноцветные клочки бумаги, тут же украшавшиеся автографами. Подписанные читы исчезали, чтобы появляться на свет каждого первого числа.

Разные люди вели в разных углах разные разговоры.

Недавно вернувшийся из Лондона Ральф Берри делал доклад обступившим его шанхайским щеголям.

— Желающие быть одетыми по моде, — ораторствовал белокурый Ральф, — должны смотреть в сторону Лондона. Широкие плечи и широкие лацканы, — необходимое условие модного пиджака. В этом сезоне предпочтение отдается двубортным. Брюки остаются широкими. Многие по примеру принца Уэльского уничтожили отвороты. Это считается очень шикарным.

Большая компания, в которой находился Веспа, играла в кости.

— Три тройки... кто следующий?

— Четыре пятерки... ваша очередь...

Кожаный стаканчик переходил из рук в руки. Усыпанные черными родинками кубики падали на стекло с сухим стуком.

— Вы опять проиграли, Веспа... сегодня счастье показывает вам спину.

Мутноглазый бармен узнавал желанья...

— «Аляска»...

— Драй-мартини.

— «Белый конь»...

— Вермут.

Руки бармена творили чудеса. Бутылки порхали в воздухе, наклонялись к стаканам, снова возвращаясь в насиженные гнезда. Разноцветная жидкость лилась в алюминиевый «shaker»*, окрашивая прозрачный многокаратный лед. Затем следовала минутная встряска, и круглые рюмки на высоких ножках наполнялись коктейлями.

Белая «Аляска», присыпанная золотистым снегом лимонной цедры, обжигала палящим джином; нежно щекотал нёбо оранжевый Мартини; приятно скоблил горло терпкий виски.

Веспа пил чистый вермут. Его старомодный неаполитанский желудок не переносил сумасшедших смесей.

— Какие новости? — лениво обсасывая калифорнийские черешни, интересовались джентльмены.

— Забастовка на японских фабриках.

— «Карлтон» выписал новых «герлс».

---

* Мешалка для коктейля.

— Фон Гойер переменил японку на мальчика...

— Главной новости никто не знает, — торжествующе заявил Биль Свои, обглоданные виски которого придавали необычайный эффект длинным ушам. — Вчера из-за Китти Сингапур матросы разнесли «Новую Мекку»... В драке убит итальянский матрос, которого Китти на глазах у всех хотела сделать своим любовником.

— Вот это новость! — заволновались присутствующие.

Дальтон, вошедший в бар с белой канадской лайкой, возмущенно крикнул с порога:

— Ложь! Этого не могло быть. Вчера Китти легла спать в десять часов!

Громкий хохот прокатился по бару.

— Китти легла в десять часов?! Этот цыпленок только что вылупился из яйца...

— Последняя новость! — крикнул захлебывающийся от восторга Свои вошедшим в бар Бертону и Ворду. — У Китти Сингапур сонная болезнь! Она вчера легла спать в десять вечера.

— Мистер Ворд, — бросился к Ворду Дальтон. — Свои рассказывает про мисс Китти чудовищные вещи..

— Не будьте глупцом, Дальтон, — сказал Ворд. — Я знаю Китти и знаю, что она вытворяла в «Мекке».

— Я... я... не понимаю,— растерянно пробормотал Дальтон.

— Поймете,— хлопнул его по плечу консул Бертон. — Шанхай научит... А сейчас в наказанье мы совершим над вами обряд посвященья. Вы выпьете столько коктейлей, сколько в этой комнате англичан.

— Приготовьте коктейли покрепче, — скомандовал консул.

В баре было девять англичан. Девять рюмок выстроились в ряд.

Бармен достал «тяжелую артиллерию»: ром, сухой джин, абсент, датскую водку. Когда он наполнял рюмки приготовленной смесью, она шипела, как кислота.

— Ну, Дальтон, начинайте, — сказал консул.

Дальтон взял первую рюмку и залпом выпил ее. За первой последовала вторая...

«Джипси», «кактус», — отмечали наблюдатели.

Уже со второй рюмки Дальтон почувствовал себя на тонущем корабле. С каждой новой рюмкой гибель все приближалась... Шестая рюмка срезала мачту. После седьмой загорелся трюм... Горячий дым полез в рот и замутил желудок. Восьмая рюмка обволокла Дальтона густым туманом, в котором потонуло все окружающее. Откуда-то доносился неясный смех... Где-то далеко замирали приглушенные голоса... Потом ударила волна, и Дальтон повалился за борт.

— Держите, держите его, — раздались восхищенные голоса.— Эти рюмки сбили его с ног!..

Дальтона посадили в кресло. Оба окна бара горели ярким пламенем, в котором метались испуганные птицы. В одном окне загорался застряв-

ший в нем старик, едва успевший накинуть на себя халат. Из другого протягивала руки испуганная девушка. Дальтону показалось, что это — Китти.

— Спасите ее! — рванулся он вперед, но ноги его были крепко приклеены к полу, и он снова упал в кресло, опустив на плечо тяжелую голову.

Встревоженная лайка обошла вокруг кресла, остановилась, тронула лапой онемевшее колено хозяина и вдруг завыла.

— Какая прелесть!

— Собака думает, что он умер...

Два китайца-боя боязливо подошли к лайке, протягивая руки к ошейнику, но собака сердито зарычала, и китайцы остановились в нерешительности.

Лайка опустилась на пол у ног Дальтона и, положив морду на лапы, тихо поскуливала.

Очнувшийся Дальтон мотнул головой.

— Воды, — простонал он.

Веспа, с неудовольствием наблюдавший за всей сценой, налил в стакан содовой и поднес к губам Дальтона.

Дальтон с жадностью осушил стакан и открыл глаза. Стойка, бутылка, люди плыли перед глазами...

— Поднимайтесь, Дальтон... Я отвезу вас домой, — сказал Веспа, дергая за рукав снова опустившего голову Дальтона.

— Оставьте его, Веспа, — бросил Ворд, проходя мимо. — Через полчаса он будет в порядке.

Бар быстро пустел.

Клеркам нужно было возвращаться в конторы. Бездельники, не связанные службой, спешили в другие бары. К Веспе подошел смуглый мужчина с мохнатыми бровями, одиноко сидевший за дальним столиком.

— Давайте отвезем мальчика вместе, — предложил он. — Кстати, у меня к вам дело,..

— Я отдыхаю, — равнодушно сказал Веспа.

— Можно не торопиться. Но дело интересное, и вам понравится, — шевеля бровями, продолжал незнакомец. — Меня зовут Гонзальво Вальдос. Я третьего дня прибыл из Вальпарайзо на «Долорес», у которой чертовски вместительный трюм. Я предложил бы вам отправиться на судно выпить настоящего вина, о котором здесь не имеют никакого понятия.

Веспа любил настоящее вино. Кроме того, слова Вальдоса были пропитаны крепким запахом авантюр, по которым скучала душа Веспы.

— Я готов посмотреть вашу красавицу,— сказал Веспа и, поддерживая под руки шатающегося Дальтона, они вышли из бара.

———————

X

Вей любил беседовать со старым садовником Яо, который, несмотря на преклонный возраст, продолжал изучение мудрецов и, будучи человеком подчиненным, умел сохранять свое достоинство.

Яо служил у Вея не один десяток лет. При нем выросли окружавшие виллу персиковые деревья. На его глазах развивались и крепли дети Вея, которых садовник знал лучше отца, слишком увлеченного книгами.

Жизнь Яо была светла и спокойна. Он заботился о цветах и деревьях. Поливал, окапывал их, придавая необыкновенные формы стволам и веткам.

Спокойствие Яо проистекало от сознания, что у него есть сын, который в нужный час достойно похоронит его, выбрав хорошее место для отцовской могилы.

То обстоятельство, что Юн учился в университете, наполняло сердце старика справедливой гордостью; как настоящий китаец, Яо прекрасно понимал, что ученость — лучший залог богатства и успеха.

Высокий, похожий на шелковое привидение, Вей медленно двигался по белой дорожке, направляясь к Яо.

Садовник встретил хозяина глубоким поклоном.

— Хорошо ли чувствует себя на моей навозной куче почтенный старец? — вежливо осведомился Вей у садовника.

— Волшебные земли тысячелетнего предка слишком великолепны для грязных лап моего ничтожества, — почтительно ответил Яо.

Два старика стояли друг против друга, обмениваясь цветистыми фразами.

Один из них, взволнованный близостью детей, хотел поделиться с другим своей радостью и не мог сделать этого душевно и просто. Сердечная теплота, попадая в затейливые сосуды этикета, остывала в них, теряя все свое обаяние.

А позади обширного дома в одной из двух комнат скромной фанзы, служившей обиталищем садовнику и его сыну, другое поколение вело другую беседу.

— Я не могу согласиться с тобой, Юн, — говорил юноша с тонко очерченными бровями, обращаясь к товарищу.

— Еще бы,— воскликнул Юн, откидывая назад назойливо лезшие в глаза волосы. — Китайская старина так поэтична! Кроме того, в твоих жилах — кровь Конфуция, а его я считаю самым плохим китайцем.

— Почему плохим? — поднял брови узколицый юноша.

— Потому что Конфуций проповедывал послушание и смирение, отвлекая людей от борьбы и насаждая вздорное учение о мудром человеке, примиряющемся со всеми жизненными несправедливостями. Учение о Середине на много веков задержало развитие китайской мысли. Взять

хотя бы этот отрывок: «Мудрый человек сообразуется с обстоятельствами своей жизни, не желая того, чего нет в его положении. Если он окажется в положении богатого человека, он живет, как богатый человек. Если он окажется в стесненных условиях, то он должен жить, как бедняк». Я не знаю более отвратительной, рабской философии! Неудивительно, что благодарные богдыханы сделали конфуцианство государственным культом.

— Я не собираюсь защищать Конфуция, — возразил Лю, — но в его учении не все плохо.

— Все плохо! все! — горячился Юн. — Если мы желаем спасти Китай, мы должны решительно отказаться от прошлого.

— Нельзя же начинать жизнь страны со дня собственного рождения.

— Можно! Слишком долго нами повелевали мертвые! Пора объявить бойкот кладбищам и выйти на широкую дорогу жизни! Какую пользу может извлечь из многочисленных энциклопедий невежества наше поколение?

— Ты начинен ненавистью... — задумчиво сказал Лю. — У тебя совсем не китайская душа.

— Неправда! — запротестовал Юн. — У меня самая настоящая китайская душа. Только моя душа не скована традициями. Она любит сегодняшний день, и ее глаза устремлены в будущее. Тысячи лет наши деды жгли жертвенную бумагу, устрашая хлопушками дракона, и тысячи лет жизнь стояла на месте. Теперь жизнь понеслась вперед, и люди поумнели: вместо того, чтобы тешиться хлопушками, они организовывают забастовки...

— Ты — неисправимый практик, Юн.

— А ты, Лю — неисправимый мечтатель! Ты думаешь, если у тебя доброе сердце, так ты можешь сидеть сложа руки, и жизнь сама переделается на новый лад?! Заблуждение! Каждый кусок жизни нужно завоевывать силой! Каждый ее волосок надо брать с бою. Только отчаянная борьба может возродить Китай!

— Хватит ли у нас сил?

— Хватит. Если бы ты побывал на фабриках, ты бы не задал этого вопроса. Время сгущается... Наш день по своему напряжению равен целому прошлому веку!

— Ты — энтузиаст.

— Я верю в организованную силу борьбы!

— Ты страдаешь излишней торопливостью.

— Кто не спешит, тот отстает от жизни.

— Хватит, сдаюсь. Давай, лучше я почитаю тебе «Стихи китайца». Я хочу перевести некоторые из них для нашего журнала.

— Нашел время! Город охвачен забастовками. Нам нужны воззвания, а не стихи!

— Ты сначала послушай, а потом говори,— обиделся Лю.

— Читай.

Две головы, лохматая и тщательно причесанная, склонились над книгой американского поэта.

— Друг мой, китаец Ван-Ли, —

начал с увлечением Лю, —

Был очень счастлив с американской девушкой.
Ли подарил ей две пары китайских чулок из чистого шелка
И с огорчением узнал, что она обменяла их
На три пары дешевых французских,
Чтобы, оставив себе две пары,
Отослать одну сестре-миссионерке в Китае.
Конфуций так не учил — не учтиво!

— Нужно быть американцем, чтобы тешиться подобной «китайской» фантазией, — насмешливо воскликнул Юн. — И эту чепуху ты хочешь напечатать в нашем журнале?

— Ты лишен всякого лирического чувства, Юн.

— Хорошая лирика для революционного журнала! Ты бы лучше составил комментарии к книге «Яшмовых правил». Это куда интереснее!

Юн прошел в соседнюю комнату и вернулся, неся потрепанную желтую книжку.

— Полюбуйся, — бросил он книгу на стол, — на этого неподдельного китайского дракона, охраняющего корни старого быта.

Лю взял книгу в руки и прочел название, стоявшее на золотой обложке:

— «Драгоценная копия яшмовых правил неба для увещавания всех людей».

— Читай дальше, — сказал Юн.

— «Всякий, кто поверит этой книге, впоследствии получит награду. Книгу по прочтении бросать нельзя, ее следует передать другому. Кто почтительно обращается с письменами, тот будет долговечен. Желающий иметь хорошего сына должен давать эту книгу для чтения верующему человеку». Какая ерунда! — не удержался Лю.

— Эта ерунда гораздо любопытнее пленивших тебя стихов. Эта книга написана человеком, понимавшим, как надо писать. Ей две тысячи лет, а она и сейчас действует неотразимо на воображение стариков. Эта книга прекрасно выполнила свое назначение: помогать мандаринам держать народ в рабстве. Она посвящена описанию загробной жизни, но на самом деле является перечнем грехов, вредных для казны и того строя, в защиту которого эти правила были написаны.

Юн взял книгу из рук Лю и раскрыл ее.

— Слушай внимательно! «Люди должны соблюдать четыре принципа: чжун — преданность государю, сяо — сыновнее почтение; цзе — вер-

ность жены мужу и преданность друзьям. Грех, не дожидаясь своей естественной смерти, покончить с собой. Но не грех, если кто убит на войне, умер от трудов на пользу государства, убит, когда хотел оказать помощь родителям. Не грешит жена, кончающая самоубийством из-за преданности мужу. Грех, если человек думает, что император не заботится о подданных. Грех давать неправильные указания о похоронах покойника».

— Какие нелепости!..

— На этих нелепостях держался старый Китай. «Яшмовые правила» охватывают все стороны китайской жизни... Ад ждет тех, кто не вносил налогов; продавал шелковые ткани, натерев левую сторону салом и рисовым крахмалом, чтобы шелк казался толще; кто, отправляя естественные надобности, поворачивался лицом к северу; кто гладил живот беременной женщины для получения жизненной силы от младенца...

— Довольно, я не в силах слушать дальше весь этот вздор...

— Ага, а кто защищал старину?

— Я имел в виду некоторые полезные традиции, а не перечни суеверий.

— Выдумки стариков мало отвечают нашему времени.

— Ты отказываешься от родины.

— Я не желаю жить на кладбище.

Спор разгорелся с новой силой.

* * *

Серый «пирс-арроу» Ворда шуршаньем шин прервал разговор двух стариков, вернув садовника деревьям, хозяина — к действительности.

Для большой торжественности Ворд захватил с собой адвоката Рейнеля.

— Очень рад видеть вас в Шанхае, дорогой Вей, — приветствовал Ворд встретившего их хозяина. — Надеюсь, вы нашли ваш дом в полном порядке?

— Порядок в моем доме не нарушается с тех пор, как я его построил, — ведя гостей к террасе, сказал Вей.

— Чего, к сожалению, нельзя сказать о Китае! — воскликнул Ворд.

— В Китае тоже порядок,— невозмутимо заметил Вей.

— Хороший порядок! — вмешался адвокат. — Забастовки не переводятся, как сырость.

— Забастовка живет неделю. А Китай держится пять тысяч лет, — возразил Вей. — Забастовка скоро пройдет, а Китай будет существовать. Если чума не приносит вреда нашей стране, то стоит ли беспокоиться о забастовке?

Адвокат с любопытством разглядывал китайского философа.

Высокий старик в светло-сером халате казался призраком, вышедшим

из могилы, так он был странен рядом с двумя англичанами в широких регланах.

Вей ввел гостей в дом, покрытый красными заплатами новогодних изречений.

Адвокат Рейнель с нескрываемым сожалением смотрел на испорченные наклейками стены.

В черных резных креслах сидеть было менее приятно, чем в европейских кожаных. Адвокат Рейнель страдал, утешаясь мыслью, что он страдает за идею.

Слуга принес на подносе три чашки бледного зеленоватого чая. Чашки сиротливо дымились. Никто к ним не прикасался, хотя приличие требовало поднести их к губам.

Вей сложил руки, покрытые шелком широких рукавов, помолчал немного и затем спросил Ворда:

— Какие цветы больше всего радуют весной ваше сердце?

— Я об этом никогда не думал, — ответил Ворд. — Но полагаю, что всякие...

И, решив, что он достаточно уделил внимания этикету, Ворд перешел к делу.

— Мы явились к вам, дорогой Вей, по поручению недавно возникшей «Лиги защиты конституции» с просьбой войти в число членов комитета. Эта организация берет на себя охрану завоеваний цивилизации и борется против разрушительной деятельности большевиков. Англичане, французы, американцы — все согласны работать на общую пользу. Надеюсь, и вы не откажетесь присоединиться к нам.

Лицо Вея хранило невозмутимое спокойствие.

Слуга принес новый чай взамен остывшего.

Вей был осторожен и медлителен в словах. Он знал, что если трудно бывает решить, как надо правильно поступить, то как же трудно бывает решить, как правильно сказать. Он избегал ошибок, допускаемых глупцами: желания говорить, не наблюдая за слушателем, и желания говорить прежде, чем это нужно.

Вей не был уверен в полезной деятельности приглашавшей его организации. Цель ее была почтенна, но... Вей прекрасно помнил, что есть такие ростки пшеницы, которые никогда не станут колосьями, и есть такие колосья, которые никогда не дадут зерна...

— Мы ждем, — сказал начинающий терять терпение Ворд.

— Я боюсь, что мое ничтожное участие не принесет пользы в затеваемом вами великом деле, — разжал, наконец, губы Вей.

— О пользе не беспокойтесь, — вступил в разговор соскучившийся адвокат. — Польза будет. Наша Лига имеет сестер по всему свету. Большевики не подозревают, какой удар мы им готовим...

— Речи — потом, — остановил Ворд словоохотливого адвоката. — Сейчас нам нужен ответ достопочтенного Вея.

— Я вспомнил, — сказал Вей, — слова моего великого предка: «Совер-

шение великих дел состоит в том, чтобы хорошо делать малое»... Я согласен.

— Вот и чудесно, — повеселел адвокат. — Вы будете иметь прекрасную возможность напоминать о вашем предке на собраниях Лиги...

— О наших делах мы поговорим после праздника, — поднялся Ворд. — Я понимаю, что сейчас ваши мысли заняты другим...

Вей проводил гостей до террасы.

— Другой мир! — воскликнул, идя по белой аллее, Рейнель. — Ничего похожего на Европу!.. Надо обладать нашими колонизаторскими талантами, чтобы уметь договориться с этими людьми.

...Вернувшийся в кабинет Вей погрузился в чтение новогодних предсказаний.

Наступающий год Коровы не сулил ничего хорошего. Согласно указаниям, помещенным в календаре, ожидались народные волнения, государство должно было беднеть и даже отдельные семьи обрекались на беспокойство.

Комбинации иероглифов были так же неутешительны.

«Девять драконов управляют водой». Чем меньше драконов — тем лучше. А их всего бывает двенадцать... — Плохо! — подумал Вей.

«Два быка пашут поле...» — Нечего надеяться на урожай, если из двенадцати священных быков только два в работе...

Шаги за дверью вывели Вея из раздумья.

Вей повернул голову и в раскрытую дверь увидел коричневый европейский костюм человека, лицо которого было скрыто портьерами.

«Неужели вернулся иностранец?» — с неудовольствием подумал Вей.

Но вот лицо неизвестного показалось из-за портьеры, и сердце старого Вея дрогнуло — в комнату вошел его сын.

Вею было неприятно, что в канун Нового года он видит сына в европейском костюме, но три почтительных поклона, сделанных Лю, поправили настроение старика. Под чуждой европейской оболочкой скрывался настоящий китаец.

Лю не испытывал никакого волнения. Этот сидящий за столом старик, редко даривший его вниманием, по существу был для него чужим человеком. Он не был связан с ним даже воспоминаниями, которые, при отсутствии близости в настоящем, все же роднят людей.

Вей задал сыну несколько вопросов, касавшихся занятий. Лю учтиво ответил; так отвечал когда-то молодой Вей своим учителям в тени кипарисов священного города.

Где-то трещали новогодние хлопушки.

— Я очень недоволен своевольным поступком Фей, — сказал Вей. — Я удивляюсь, как ты позволил ей уехать...

— Дорогой отец, — ответил Лю. — Мы послали вам три письма, на которые вы ответили, что персики на Золотом острове в полном цвету и что умные дети не должны утруждать родителей пустыми заботами.

Вей не помнил писем детей и своего ответа, но, вероятно, все было

так, как говорил сын.

— Если я предоставил вам решение ваших собственных дел, — это не значит, что вы должны были решать их необдуманно...

Лю вежливо молчал.

Вей с гордостью думал, какой у него воспитанный сын, а Лю хотелось скорей уйти в свою комнату к мыслям и книгам, бесконечно более близким и радостным, чем эта встреча с незнакомым и чуждым человеком, называвшимся его отцом.

В окне розовел закат.

Вей вспомнил, что сегодня он не записал ни одного изречения. Рука его потянулась к кисточке.

Лю прошел в свою комнату.

Розовое тепло заката сияло и в его стеклах. На бледных переплетах книг появились неожиданные румянцы... Новый год подавал горячую, волнующую надежду...

XI

Стены небольшого салона с окнами, занавешенными пестрыми кретоновыми шторами, чуть-чуть вздрагивали. Далеко под полом слышался странный шум, похожий на жужжание мухи, попавшей в паутину.

Однако никто из людей, находившихся в комнате, не обнаруживал ни малейшей тревоги. Даже полная дама в белой пуховой кофте, занятая вязаньем, спокойно двигала костяным крючком, нанизывая все новые и новые петли.

Кожаные кресла поддерживали высокими спинками ленивые тела, не желавшие откликнуться на соблазнительные зовы гавайских гитар, щедро расточаемые электрическим граммофоном.

Только одна пара скользила по ковру. Две головы, одинаково коротко остриженые — черная и рыжеватая — как два маленьких столкнувшихся буя, покачивались на воздушных волнах. Два тела, одинаково мальчишески тонкие, делали пластические арабески. Пестрые пуловеры и мозаичные туфли без каблуков довершали сходство, и только короткая, узкая юбка на одних бедрах и широкие оксфордские панталоны на других позволяли угадывать в танцующих представителей разных полов.

— Мы уже у берегов вашей родины, Фей, — сказал рыжеволосый юноша, выделывая ногами замысловатые «па». — Вы волнуетесь?

— Я скорее огорчена,— ответила черноволосая партнерша, и ее миндалевидные глаза стали еще уже.

— Боже мой, — воскликнул юноша, — неужели вы все еще не можете забыть Париж?!

— А разве Париж забывают? — удивилась китаянка. — В Париже можно забыть весь мир, но Париж забыть нигде невозможно... Я не пред-

ставляю, как я буду теперь жить в Шанхае...

— Стыдно, Фей. Вы — плохая патриотка... Да знаете ли вы, что ваша культура вдвое старше нашей!

— Тем хуже для нас. Значит, мы вдвое старомоднее Европы.

Гавайские гитары перестали плакать.

— Не надо больше танцевать, — сказала Фей, — пойдемте лучше гулять.

Палуба была полна народа. Близость Шанхая выгнала на воздух даже завзятых картежников.

— Какая мутная вода! — слышались разочарованные восклицания. — Эту реку правильнее было бы назвать грязной, а не голубой.

— Не ищите в Китае прозрачности, — раздался насмешливый голос. — Китай грязен и плохо пахнет. Ехать в Китай только за тем, чтобы убедиться, что Голубая река не оправдывает своего названия — бездарная трата денег и времени.

— Вы очень иронически настроены, мистер Спарк, — сказал подошедший вместе с Фей рыжеволосый юноша. — Китай полон мистицизма и вечных легенд...

— Кому, как не вам, Курц, быть певцом Китая! — поклонился Спарк. — Но я должен вас огорчить. Некоторые поэты воспевают Китай лучше вас. Хотите послушать?

— С удовольствием, — ответил Курц. — Вы же знаете, что меня интересует каждая строка, посвященная Китаю.

Спарк вынул из кармана изящную книжечку и начал читать:

— «Когда вы устали от однообразной повседневности — вам нужна полная перемена: новые люди, небывалая обстановка, невиданные пейзажи... Не ищите исцеления на Западе... Запад давно утратил прелесть волнующей новизны. Отправляйтесь на Восток — в Индию, Японию или, еще лучше, в Китай. Там вы найдете подлинную романтику, древние, не умершие обычаи, великие народности, живущие совершенно иной жизнью, чем наша. Вы читали о великолепном Востоке?! О резных воротах, о золотых крышах, о маленьких лавочках, торгующих мистическими духами в узеньких улочках, наполненных музыкой гонгов, доносящейся из храмов, где, озаренные светом фонарей, дремлют сотни бронзовых идолов?.. Поезжайте на Восток... Наполните чемоданы черепаховыми изделиями и шелковыми веерами... Лаками, сверкающими, как солнце, пойманное зеркалами... фарфором, пышным, как хризантемы... кантонскими шалями, на вышиванье которых вам нужно было бы потратить всю свою жизнь. Поезжайте на Восток и, насладившись чудесами, возвращайтесь домой с головой, освеженной скитаниями, с глазами, полными новых видений. Вы скажете: “Я видел это в Сеуле, это в Гонконге... этот колокольчик из Пекина. А этот веер мне подарила маленькая гейша из чайного домика в Шанхае”. Вас будут слушать, но для слушателей ваши воспоминания будут только словами. Потому что они не летали на волшебном ковре через моря и океаны туда, где ожидают счастливцев улы-

бающиеся рикши с бронзовыми ногами на золотом песке...»

— Это Бодлер? — спросил Курц.

— Нет, это Роберт Доллар, — ответил Спарк, — Роберт Доллар, хозяин нашего парохода, называющий свои суда именами почтенных президентов и выпускающий рекламные поэмы вроде той, которую я сейчас вам прочитал.

— Вечно вы шутите... — смущенно пробормотал сконфуженный Курц.

— Какие там шутки! Роберт Доллар очень серьезный человек и прекрасный психолог. Он понимает: чем больше поэзии в его путеводителях, тем больше долларов попадет к нему в карман. Простой коммерческий расчет.

Пароход тихо поднимался по мутной илистой дельте Ян-Цзы. Шанхая еще не было видно. Вдали маячили болотистые и довольно пустынные берега. Но уже выплывали навстречу колонны фабричных труб, поддерживающие кудрявыми капителями дыма низко осевшее грузное небо.

Разочарованные туристы, ловившие биноклями баки «Стандарт-Ойл» и Азиатской компании, расходились по гостиным в поисках более приятных развлечений.

Никлас Спарк почти в одиночестве любовался рождением индустриального пейзажа.

Широкая дельта открыла глотку реки Вампу. Двумя беспрерывными вереницами двигались вверх и вниз разноцветные пароходы — зеленые гиганты «Canadian Pacific», стройные, похожие на яхты суда «Ниппон-Юсен-Кайша», массивные стальные туши «White Star».

Верфи, доки, текстильные фабрики, машиностроительные заводы железными джунглями покрывали берега. Свист, рев, лязг, грохот разрастались в оглушительную симфонию. Огромные джонки, груженные углем, бревнами и мешками, окружали пароходы, нестерпимо стучавшие барабанами лебедок. Подвижные столбы визжали блоками, поднимая и опуская охапки ящиков, проваливавшихся в проруби трюмов. И на всех джонках, на всех пароходах раздавались протяжные, многоголосые вопли.

— Э-хэ-йо! — слышалось справа.

— Э-хэ-йо! — перекатывалось налево.

— Э-хэ-йо! — замирало позади.

Это кули-грузчики, пробегавшие с тяжестями по трапу, подбодряли себя монотонным напевом.

— Как это ужасно! — вздохнул кто-то рядом со Спарком.

Спарк узнал голос мисс Гаррисон и, не отрывая глаз от реки, пробурчал:

— Это — Китай.

— Как это ужасно! — повторила мисс Гаррисон.

Повернувший голову Спарк окинул насмешливым взглядом впечатлительную соседку.

Красивое продолговатое лицо Агаты Гаррисон выражало печаль. Подернутая легким золотым пушком верхняя губа нервно вздрагивала.

— Да, это — Китай, — подчеркнул Спарк. — Живой, настоящий Китай, которого не хочет видеть Курц и который перестали видеть привыкшие к местным особенностям европейцы. А впрочем, у каждого свой глаз. Писал же один тонкий и чуткий поэт про Китай:

Там все — покой, лучи, цвета,
Блаженство, красота!..

У вас песня кули вызывает волнение; другим она кажется простым музыкальным сопровождением к видовой картине.

— Для вас нет ничего святого, Спарк, — укоризненно заметила Агата. — Вы злы, как черт.

— А у вас слишком много миссионерских задатков, — улыбнулся Спарк. — Ваша экономика пахнет Библией.

— Я не знаю ваших планов, — сказала Агата, — но что касается меня, то я приму все меры для улучшения жизни этих несчастных.

— Вы будете первым ангелом, везущим благую весть на пароходе миллионеров.

— Напрасная ирония, — возразила Агата. — Вы больны неизлечимой ненавистью к Европе и не желаете видеть тех благ цивилизации, которые она дает отсталым колониальным странам.

— Вот эти блага,— показал рукой Спарк.

Пароход проходил мимо щеголеватой английской канонерки, угрожающе вытянувшей пушки в сторону дымящихся заводов.

— Полюбуйтесь на этого стального бульдога, готового каждую минуту вцепиться в хлопочущий берег. А вон другой сторожевой пес!

В некотором отдалении от канонерки присел на задние лапы песочно-желтый четырехтрубный крейсер.

— Обратите внимание на его позу, — продолжал Спарк. — Его передние пушки подняты, как лапы мечтающего о сахаре сенбернара. Он знает, что за хорошую службу ему дадут щедрую подачку.

— Э-хэ-йо!.. Э-хэ-йо!.. — стонала река.

— У вас мрачная фантазия, — сказала Агата. — Такие суда стоят и у других берегов.

— Я не завидую берегам, у которых посажены на цепь эти чудовища. Впрочем, и наш «Президент Монро» несет в своем объемистом чреве не лучшие блага... Посмотрите на эти пышные триумфальные арки кранов, которые без особенного труда можно превратить в механизированные виселицы! На солидные этажи ослепляющих своей непорочностью палуб! На этот внушительный монумент трубы, украшенный знаком всепобеждающего доллара... Все здесь безукоризненно, комфортабельно, великолепно... Можно объехать на таком пароходе вокруг света, ни на одном необитаемом острове не испытав ни малейших неудобств. К вашим услу-

гам дансинги и бары, курительные комнаты и прекрасные деки, на которых вы можете так же, как у себя дома, играть в теннис.

— Ведь это — обыкновенный комфорт! — пожала плечами Агата.

— О, конечно, но подумали ли вы когда-нибудь о трюмах? — продолжал, как бы не слушая ее, Спарк. — Об этих загадочных пирамидах, скрывающих сокровища современных фараонов?! Там, внизу, в ящиках и тюках, в рулонах и бочках таятся убийственные дары, которые шлет в колониальные страны танцующая наверху цивилизация.

— Голословное обвинение!

— Там, — показывая на трюм, отчеканил Спарк, — лежат ящики, в которых упакованы дешевые будильники с вынутыми механизмами, представляющие собой секретные шкатулки для кокаина. Рядом стоят рулоны линолеума, в которых искусно спрятаны пакеты с морфием. Еще дальше сложены части машин, среди которых находятся разобранные револьверы. Все это будет сгружено на берег, и все это войдет в кровь и тело миллионов людей... И никакие Библии, никакие благие пожелания не изменят содержания этих трюмов, потому что только на таком удобрении может давать хороший урожай правильно посеянный доллар.

Протяжный звон гонга прокатился по палубам.

— Пойдемте уничтожать последнюю овсянку, — предложил Спарк.

— После ваших рассказов у меня совершенно пропал аппетит, — ответила Агата.

— Мы спросим у вертлявого гамена, приходящегося родственником Конфуцию, рецепт подходящего коктейля, и ваш аппетит будет восстановлен.

В бело-голубой гостиной начиналась торжественная церемония. Белоснежные алтари столов сияли фарфором. Туго накрахмаленные салфетки распускались в бокалах саронскими лилиями.

Стол, за которым завтракали мисс Гаррисон и Никлас Спарк, уже вкушал молочное причастие овсяной каши.

— Мисс Гаррисон срочно нуждается в вашей помощи, — обратился Спарк к дочери Куна. — Ей необходим коктейль, восстанавливающий аппетит.

— Для этой цели существует «Джекки», — с серьезностью доктора ответила китаянка. — Рюмка джина, рюмка вермута, чайная ложка персикового ликера, пол-ложки абсента, приправленные лимонной цедрой, поправят дело в одну минуту.

— Ну вот, вы и спасены, — сказал Спарк, беря ложку.

Приближение к цели путешествия ничуть не ускорило обычного темпа завтрака. Кушанья менялись в образцовом порядке. Люди, сидевшие за столиками, благоговейно вонзали зубы в розовый, сочный ростбиф, нежно и деликатно гладили губами плачущий сыр, чопорно и строго раздевали бананы.

— Я волнуюсь, — обратился к соседке неугомонный Курц, — как никогда не волновался в жизни. Подумать только: через каких-нибудь двад-

цать минут я поставлю свои ноги на землю, по которой когда-то ходил Конфуций!

— Ложная тревога, — жуя банан, промычал Спарк. — Ноги Конфуция никогда не ступали по шанхайским тротуарам. Почтенный предок мисс Кун погрузился в бессмертие за две с половиной тысячи лет до возникновения Шанхая.

— Я сказал в фигуральном смысле! — воскликнул Курц.

— Ну, если в фигуральном, тогда волнуйтесь, — принимаясь за грушу, отрезал Спарк.

Щеголеватый «стюард» вошел в столовую.

— Мы на месте, — объявил он торжественно.

Вышедшие на палубу были поражены. Перед ними предстал великолепный город.

По широкой набережной бегали юркие автомобили. Река кишела лодками. Круглые сампаны плясали вокруг остановившегося «Президента». Худые, полуголые китайцы показывали чудеса ловкости, маневрируя среди беснующихся катеров.

На левом берегу дымился, отгороженный от города рекой, лес заводов, которому сигнализировали дымом раскинувшиеся по правой стороне фабрики.

Обильные доки вгоняли в улицы правого берега бетонные клинья своих бассейнов и скромно прятались за железными громадами складов, не решаясь подступить к выхоленной набережной.

По сходням поднималась пестрая толпа.

Консул Бертон стоял рядом с Агатой Гаррисон. Он был приятно разочарован и с особенным удовольствием отдавал распоряжения, касающиеся багажа.

Лю без труда нашел сестру. Она обращала всеобщее внимание своим пальто цвета петушиного гребня и синим замшевым шлемом, туго обтягивавшим голову.

Лю с удивлением смотрел на Фей. Она была неузнаваема. Париж переделал ее на свой лад, непонятным образом изменив всю ее внешность. Даже глаза, сохранившие прежнюю форму, блестели по-новому.

Торопливо поздоровавшись с братом, Фей сунула ему в руки граммофон и сумку с палками для гольфа.

— Чемодан и сундуки внизу, — сказала она. — Ай, я забыла свой несессер! Принесите его скорей, Курц!

Курц, не отходивший ни на шаг от очаровавшей его китаянки, бросился исполнять приказание.

Разговаривавший с сестрой Лю внезапно замолчал.

К ним подходила Агата, стройная, высокая и золотая, с мечтательными глазами и чуть подкрашенным улыбающимся ртом.

— Позвольте представить вам консула Бертона, — обратилась Агата к Фей. — Он сгорает от нетерпения узнать рецепты ваших коктейлей.

Агата внимательно посмотрела на Лю.

— Это мой брат, — сказала Фей.

Обтянутая серой лайкой ладонь прикоснулась к пальцам Лю.

— Do you speak English?* — спросила Агата.

— Он говорит, как англичанин, — ответила за брата Фей. — Он даже пишет английские стихи.

— О, тогда мы будем друзьями! — воскликнула Агата. — Я всю дорогу мечтала познакомиться с образованным китайцем.

Вернулся Курц, принесший несессер. Все двинулись к трапу.

— Мой отец очень старомоден, — говорила консулу Бертону Фей, — но это не помешает нам хорошенько повеселиться...

Лю не спускал глаз с Агаты.

Эта европейская женщина заставила его вспомнить начало забракованного Юном стихотворения.

Друг мой, китаец Ван-Ли
Был очень счастлив с американской девушкой...

Ли не знал национальности новой знакомой, но душевное состояние описанного поэтом Ван-Ли стало ему понятно.

XII

— Здорово укачало, — пробормотал Гонзальво, помогая Веспе протащить через турникет сползавшего Дальтона.

Маленький торпедо поблескивал алюминиевыми дисками чуть в стороне от главного входа. Наставившая уши лайка внимательно глядела на покачивавшегося хозяина.

— В таком виде его можно везти только на кладбище, — сказал Веспа. — Я думаю, он поблагодарит нас, если мы немного проветрим его мозги.

— Захватим его с собой, — согласился чилиец. — Мальчишка будет в восторге от «Долорес».

Веспа открыл дверцу и сел за руль. Гонзальво посадил бормочущего Дальтона к себе на колени. Лайка ждала, поставив передние лапы на подножку.

— Come here!..** — крикнул Веспа, хлопнув рукой по запасному колесу, лежавшему плашмя за спущенным фордеком. Лайка прыгнула, и через минуту седая волчья голова с торчащими ушами мчалась по Банду.

— Первый раз, — удивлялся Гонзальво, — вижу город, в котором так

* Вы говорите по-английски?
** Ступай сюда!..

мало зелени!..

— Шанхайцы разводят доллары, а не деревья, — повышая скорость, буркнул Веспа.

Торпедо несся по набережной, пролетая мимо встречных машин, спешивших, как на пожар.

— Глупая горячка,— ворчал Гонзальво.— Можно подумать, что у этих людей умирают богатые родственники. А на самом деле они едут в контору или обедать.

Крупные черные буквы на волнистом железе пакгаузов возвестили приближение порта. В просветах переулков замаячили стройные стволы мачт. Веспа остановил машину у Вузунг-отеля.

— Я оставляю машину на ваше попечение, — сказал он подошедшему человеку с золотой лентой на черном кепи.

Очнувшийся Дальтон медленно приходил в себя.

— Если хотите, молодой человек, — сказал Гонзальво, — вы можете вместе с нами навестить «Долорес».

— Какую Долорес? — заплетающимся языком спросил Дальтон.

— Прекрасную «Долорес» из Вальпарайзо, — ответил чилиец.

— Я знаю только одну прекрасную женщину, — простонал Дальтон, — но ее зовут Китти...

— Клянусь дельфином! — воскликнул чилиец, — у вас все признаки любовной горячки!.. «Долорес» — мой корабль, на который я вас приглашаю.

Веспа опустил руку на плечо Дальтона.

— Вы можете ехать по своим делам. Я возьму машину из отеля.

— У меня нет дел, — ответил Дальтон, выходя из автомобиля, — и я с наслаждением прокачусь по реке...

Отчаянно вопившие лодочники обступили неожиданных пассажиров.

— Тот, кто назвал неаполитанцев самыми крикливыми людьми, никогда не был в Китае, — убежденно заявил Гонзальво, прыгая в первый попавшийся сампан.

Оскаливший зубы грязный китаец завилял привязанным к корме веслом, и красно-зеленый ящик запрыгал по волнам.

Всюду стояли прикованные цепями суда.

— А вон и «Долорес», — с гордостью показал Гонзальво на видневшееся вдали белое судно.

Похожая на большого лебедя, «Долорес» действительно была прекрасна. Слегка откинутые назад мачты напоминали испанский гребень, воткнутый в гладко причесанные волосы. Высокие, крутые бока пленяли мощью.

— Пустует, бедняжка! — вздохнул Гонзальво, ловко хватаясь за канат спущенного трапа.

Наверху кричали и шумели. Чувствовалось, что на «Долорес» живут веселые люди.

Мерное позвякивание гитары заставило Веспу насторожиться. Приятный голос пел старинную неаполитанскую песню:

Aràpete, fenesta,
Famme affacià a Maria!..*

Веспа напряг слух. Нет, это не галлюцинация! Гитара зазвенела еще громче, и тот же сладкий голос продолжал умолять настойчиво и страстно:

Oj Mari, oj Mari!
Quanta suonno ca perdo pe'te
Famme addurmi
Na' nuttata abbracciato cu te**.

— Хорошо поет! — подмигнул Гонзальво.

— Откуда у вас этот певец? — спросил Веспа.

— Я познакомился с Паскуале в Маниле. Мне понравились его песни; ему — «Долорес». Так родилась наша дружба...

Они поднялись на палубу.

На палубе раскинулась матросская ярмарка. Команду «Долорес» составляли люди разной кожи. Светлоглазые шведы с волосами цвета спелой пшеницы, рыжеволосые, веснущатые шотландцы, терракотовые чилийцы разговаривали, спорили, смеялись, наполняя палубу разноголосым шумом.

Пестрые попугаи и обезьянки перескакивали с плеча на плечо. Маленькие, игрушечные австралийские медведи, вцепившись в матросские рубахи, мирно жевали бананы, с опаской поглядывая на скаливших зубы воинственных мартышек. Какие-то странные птицы сидели на свернутых канатах и еще выше — на реях.

Дальтон, пораженный неожиданным зверинцем, шумно выражал свой восторг.

Гонзальво повел Веспу в каюту.

Золотая испанская малага медленно зажигала жилы.

Говорил Гонзальво.

— У «Долорес» — чудовищный трюм... в него может провалиться целый город... Мне предлагают груз, но мне он не по душе... Я хочу взять что-нибудь настоящее. Мои знакомые плантаторы заказали мне привезти им китайских кули...

---

* Откройся, окно,
Пусть покажется Мария!

** О Мари, о Мари!
Сколько снов потеряно из-за тебя!
Дай провести
Одну ночь в твоих объятиях.

Гонзальво наклонился к Веспе.

— Как вы думаете, удастся заманить на «Долорес» этих желтых собак? Мне сказали, что вы могли бы здорово помочь мне в этом деле...

Веспа молчал. Паскуале больше не пел, но мелодия старинного неаполитанского романса продолжала плескаться в душе Веспы. Это белое судно, похожее на большого лебедя, начинало действовать, как незаметно приставшая лихорадка.

Запах островов, затерянных в южных морях; просоленные шквалами канаты; обрывки тропических ночей, засмуглившие палубу — бродили в крови беспокойными видениями...

Может быть, этому способствовала золотистая малага... Веспа чувствовал непонятную тревогу, какую-то непреодолимую тягу за пределы этой тяжелой мутной реки и развалившегося на ее берегах распухшего города.

Только люди, у которых место души занимал бумажник, могли называть Шанхай приятным. Безродный город, возникший на болоте; каменный мираж, поднявшийся из зеленых рисовых топей; проходной двор всех наций — шумный и бестолковый Шанхай надоел Веспе.

Гонзальво продолжал:

— Если бы мне удалось наполнить трюм желтым мясом, благополучно рассовав его по островам, я бросил бы якорь у Новой Зеландии. Там по вечерам облака похожи на клумбы роз и небо обсыпано пухом канареек... Место, которое я облюбовал, маори называют «Остров горящих небес». На этом острове хорошо отдохнуть бродяге, которого дома ждет только тюрьма. Я поселюсь в долине Синбада или на берегу бухты Пегаса... Согласны ли вы мне помочь?

Веспа протянул руку.

— Если вы возьмете меня с собой, я набью ваш трюм китайцами — как бы велик он ни был. Мне хочется взглянуть на ваш остров... Кто знает: может быть, и я поселюсь в долине Синбада...

Гонзальво пожал протянутую руку.

— Это будет веселое соседство — вы увидите.

XIII

Окованные медью сундуки Фей плыли на спинах слуг, совершая последнее путешествие от ворот к террасе.

Старый Вей спокойно сидел на своей половине. Ему незачем было проявлять излишнюю торопливость, особенно в отношении дочери, которая не должна была забывать, что ее место — последнее в доме.

Кроме того, Вей наслаждался письмом, полученным от его друга Чан-Шу, жившего в Нанкине.

Дружба может быть основана на разных фундаментах. Есть дружба,

рождающаяся из доброты; дружба, вызванная взаимной симпатией; наконец, дружба, созданная общностью музыкальных вкусов. Из всех дружб последняя — самая тонкая, и узы именно этой дружбы связывали Вея и Чан-Шу в течение долгих лет.

Оба друга были знатоками и ценителями китайской музыки. Оба в совершенстве играли на лютне и, когда им случалось быть вместе, целыми днями вели возвышенные беседы, не прибегая к помощи слов, исключительно музыкой передавая все свои мысли и душевные состояния.

Великая тайна ритма была известна им обоим. Красота служила им надежным прибежищем во всех печалях, и они лучше многих своих соотечественников понимали значение пословицы: «Никакая скорбь не устоит перед красотою хорошего желтого шелка».

Лютня, издававшая приятные и ласкающие слух звуки, была их любимицей.

Они знали ее волшебную способность успокаивать человека, уставшего от забот. Этот инструмент, передающий волнения души и развивающий силу воображения, доставлял им высокое наслаждение.

Они импровизировали «прогулки по вечерним горам», «разлуку с другом на весеннем озере», с одинаковой легкостью рисуя пейзажи и настроения пятью тонами старинной китайской гаммы.

Алхимия звуков не имела от них секретов. Им был ведом закон соответствий, окраска звуков, их качества и характер.

До, ре, ми, соль, ля... Сколько чудесных тонкостей заключали они для посвященных!

До — земля. Его знак — князь; качество — честность... Вкус — сладкий; цвет — желтый... Звук — тупой и спокойный, похожий на звук мычащей в воду коровы.

Ре — минерал. Его знак — камень; вкус — едкий цвет — белый; звук — ясный и скорый, похожий на блеяние овцы, потерявшей своих товарок.

Ми — овощ. Его знак — подданный; вкус — кислый; цвет — зеленый; звук — испуганный и осторожный, похожий на крик фазана, наткнувшегося на сук.

Соль — огонь. Его знак — дела; его качество — поклонение; вкус — горький; цвет — красный; звук — заливающийся и быстрый, похожий на хрюканье молодого поросенка.

Ля — вода. Его знак — вещи; его качество — знание; вкус — соленый; цвет — черный; звук — рассыпающийся и глухой, похожий на ржанье лошадей в пустыне.

До — сообщает уверенность. Ре — пробуждает честность и справедливость. Ми — вызывает любовь и сострадание. Соль — влечение к добрым делам. Ля — наклонность к вежливости.

Классические музыкальные теории были тщательно изучены друзьями, и это давало им возможность понимать друг друга с полутона.

Чан-Шу писал:

«Почтительнейше поздравляя с Новым годом, осмеливаюсь высказать глубокое сожаление, что в этот значительный праздник мне не суждено услышать звуков вашей сладостной лютни... Как холодно становится, когда рядом нет друга! Даже весенний ветер, оживляющий природу, вместо радости приносит тоску... Вчера весь ведер я играл "Пин-Ша-Ло-Янь"*, последнюю пьесу, слетевшую с ваших струн в день нашей разлуки... Как печально слушать одному полет птиц, хлопанье крыльев в воздухе, шорох волны, умирающей на песке... Все это заставило меня вспомнить о ветках ив, надломленных нами при расставании, и послать вам стихотворение поэта, описавшего вместе со своими и мои чувства».

К письму были приложены стихи:

Один в моем доме у тихой реки.
Один, беспокойным мечтам вопреки...
Упала в холодные волны луна —
Она безутешна, как я, и одна.
Печально блуждаю в саду у реки.
Мигают на лодках вдали огоньки...
Напрасно блуждаю... Ведь я не найду
Блаженства, что знал здесь в прошедшем году...

Вей одновременно был тронут и уязвлен. Чан-Шу опередил его своим вниманием. В этом виноват был Шанхай, заставивший Вея забыть о дружбе. Вей растер на камне тушь, взял кисточку и принялся писать ответное письмо.

* * *

В комнатах, занимавших второй этаж, Фей с увлечением возилась с вещами.

Широкая лестница, покрытая белыми коврами, вела в уютный вестибюль. Слева помещались будуар, спальня и ванная; справа — большая гостиная и зимний сад.

Темнозеленые кубы дорожных сундуков и прямоугольники чемоданов сразу заняли непримиримую позицию по отношению к окружающей мягкости.

Фей открывала замки. Сундуки разламывались, и из них выпадали разнообразные вещи, костром зажигавшиеся на коврах.

---

* «Гуси садятся на ровный песок...»

Смешные суконные куклы, блестящие металлические цветы, неистово раскрашенные сумочки озадачивали глаз своей бесшабашной веселостью. Эти вещи кричали, как джаз. Своей неожиданностью они напоминали стаю попугаев, спустившихся на снег.

Шелк, кожа, парча, флаконы...

— А где же книги, которые я просил тебя привезти? — спросил Лю.

— Лю, милый, не сердись! Я никак не могла попасть в книжную лавку.

— Неужели за девять месяцев у тебя не нашлось ни одного часа?

— Были часы рано утром, когда магазины еще не открыты... Потом я спала... А вечером магазины оказывались закрытыми, это было ужасно!.. Я просила моих друзей заняться твоими поручениями, но они уверили меня, что приличные лавки не держат таких книг, и принесли мне вот это...

Фей протянула брату пачку книг.

Лю взглянул на обложки. Это были романы Морана и Декобра.

По мере того, как опустошались сундуки, комната оживала.

— Зачем тебе все это? — удивлялся Лю, глядя на поднимавшиеся волны вещей.

— Ах, ты ничего не понимаешь! Здесь только самое необходимое... Я очень жалею, что у меня не было больше денег!

Фей достала синий эмалевый портсигар и, вынув миниатюрную сигаретку, вложила ее в длинный черный мундштук, отделанный золотом.

— Ах, парижские ночи, такая трагедия! Никогда не можешь решить, куда пойти!

— Ты была в Лувре?

— Еще бы! Там продаются чудесные вещи. Они стоят дешевле, чем где-либо.

— Разве из музея что-нибудь продают?

— Из какого музея?! Я говорю о магазине! А-а... Ты, вероятно, имеешь в виду большой дом напротив?! Полный потрескавшихся картин и голых каменных женщин? Я туда как-то заглянула, но сейчас же ушла. Там скучно, как на кладбище!

— И тебе не стыдно так говорить, Фей?! В Лувре собраны волнующие создания человеческого духа...

— Меня волнует только вот это! — Фей взмахнула вытащенными из сундука платьями. — Вот настоящие произведения искусства! Это синее с белым называется «Что вы об этом думаете?» Это розовое с золотом — «Следуйте за мной!» А это серое с зеленоватым оттенком разве не похоже на «Устрицу»?

Лю сокрушенно покачал головой.

— Твоя поездка принесла тебе мало пользы.

— Ты с ума сошел! Моя поездка переделала меня заново! Я только теперь узнала вкус жизни.

— Безделья — хочешь ты сказать!

— Ненавижу твою серьезность! Как глупо быть стариком в двадцать лет!

Фей радостно вскрикнула, вытащив большую куклу с вытаращенными глазами.

— Алло, Сузи! Я получила ее в «Jardin de ma Soeur»*, где танцует весь Париж. Какой там чудесный джаз! Какие там платья! Плохо одетым женщинам лучше не приходить. Они лопнут от зависти в первую же минуту!

— А что, кроме дансингов и портних, видела ты еще?

— Массу разных вещей... Я не лентяйничала ни минуты! Весь июнь съели лошади... Подумай только! Седьмого числа «Приз Дианы» в Шантильи. Четырнадцатого — «Приз Жокей-клуба». Потом два больших дня в Отейль. Наконец, двадцать восьмого — Grand Prix... Я чуть не заболела от усталости.

— Какая тяжелая работа!

— А ты думал! Попробуй побегать по портнихам... Ведь к каждому дню нужен новый туалет! А шляпы? А туфли? Ты думаешь, это так просто? Один Греко может замучить...

— Какой Греко?

— Художник, делающий обувь. У него шикарная студия на рю де Капуцин, куда не всегда может попасть элегантная женщина.

— Что за чепуха!

— Совсем не чепуха, мой милый... У Греко время расписано за месяц вперед. Он часами смотрит на ногу, прежде чем его фантазия подскажет ему нужную линию. Ведь его мастерская не выпускает двух одинаковых пар. Посмотри...

Фей достала несколько пар туфель.

— Вот эти черные, вечерние с кружевной сеткой — «Венеция». Эти узкие прогулочные, гофрированные, как бока автомобильного радиатора — «Кадиллак». Эти шоколадные с бежевыми струнами — «Банджо». Разве в них есть что-нибудь повторяющееся?!

Лю с отчаянием посмотрел на сестру. Фей бросила туфли в чемодан и закурила новую сигарету.

— Потом я училась играть в поло. Это очень шикарная игра. Приятно скакать на лошади за мячом по зеленой лужайке, а потом пить коктейли и танцевать.

— Неужели и спорт перемешан с танцами?

— Поло-клуб — чудесный уголок. Публика и смотрит и танцует. После поло я увлекалась коктейлями. Зеза Мур из бара «Бык на крыше» был моим учителем! Его последняя смесь «Тифлис» — создание гения. Затем я читала романы, дополняя фантазию авторов собственными приключениями...

— Ужасная жизнь!

---

* «Сад моей сестры» — ночной ресторан в Париже.

— Чудесная жизнь, мой милый! Ты — маньяк, боящийся дотронуться до жизни, как наш отец — что знаешь ты о магии парижской ночи?!

— Настоящее имя этой магии — разврат!

— Может быть, это и разврат, но разврат магический. Я очень хотела бы, чтобы ты познакомился с этим развратом в нежный июньский вечер, когда аллеи Булонского леса шуршат автомобильными шинами. Я хотела бы, чтобы рядом с тобой сидела красивая девушка с шелковыми ногами... Чтобы вы сошли в «Шато де Мадрид», где дергаются на эстраде хохочущие негры, а над головами качаются пестрые японские зонтики... Чтобы эта девушка, прижавшись к тебе, смотрела тебе в глаза и вы плыли бы под музыку в какой-то неведомый край, ощущая во рту меняющийся вкус только что проглоченного коктейля.

— Глупая трата времени!

— Самая умная, мой дорогой! Глупо подменять жизнь книгами, но красиво жить совсем не глупо. Если у меня есть деньги, которые я могу тратить на удовольствия, зачем я стану жить, как нищая?

— Ты — грубая эгоистка.

— А ты — грубый дурак! Ну, подожди, я попрошу Агату заняться тобой...

Лю почувствовал, как пол качнулся под его ногами. К нему вернулось странное состояние, испытанное им на пароходе.

XIV

Временами Никлас Спарк любил развлекаться по рецепту Роберта Сервиса: «We like strong drink and fun...»*

И сейчас, прислонившись к стойке бара отеля «Plazza», Спарк с наслаждением тянул прохладную смесь виски с содовой, ласково оглядывая темную бутылку с архаической этикеткой, украшенной старинным дилижансом с белыми лошадьми.

Спарк пил не один. Его комната оказалась рядом с комнатой Веспы, который не мог пропустить знакомства с человеком, таскавшим с собой чучело бескрылого дракона и коллекцию странных палок, называвшихся бумерангами.

Спарк удовлетворил любопытство Веспы, сообщив ему краткую биографию игуаны, исполинской австралийской ящерицы, чучело которой Веспа принял за мумию дракона. Затем наступила очередь бумерангов, и Веспа узнал удивительные вещи про эти забавные метательные снаряды, похожие на вешалки для костюмов, лишенные проволоки.

Спарк говорил о вещах, о которых Веспа не имел ни малейшего пред-

---

* «Мы любим крепкие напитки и забавы...»

ставления. Говорил легко и свободно: видимо, эти вещи были простыми предметами его обихода, тогда как в ушах Веспа они звучали незнакомой музыкой.

Названия островов, городов, штатов падали ливнем. Это было бешеное наводнение новизны, стихийность которого захватила Веспу.

— Моя старая, милая «Белая лошадь»,— поглаживая бутылку, говорил Спарк. — Вот мы с тобой и в Китае... Месяц назад мы распрощались в Калифорнии... Через час после разлуки я обнаружил тебя в пароходном салоне, и вот ты снова стоишь передо мной, готовая разделить мои приключения.

— Вам, повидимому, приходится много ездить? — спросил Веспа.

— Много ездить? — рассмеялся Спарк.— Да разве у меня есть что-нибудь в жизни, кроме езды?! Вы, конечно, знаете Сервиса?

Веспа честно признался в своем невежестве.

— Не знать Сервиса! Этого удивительного поэта бродяг? Вы лишили себя большого наслаждения... Советую наверстать потерянное. Вот небольшой кусочек из «Людей, ни на что не годных».

Спарк поднял стакан и внятно прочел:

Есть племя людей, ни на что не годных.
Не знающих, что такое покой;
Эти люди, всегда оставаясь свободными,
Жадно ловят мгновенья голодной рукой.
Эти люди в лесах, в городах, в пустыне
Никогда не подумают выстроить дом.
Потому что их кровь никогда не стынет
И душа не делается седой.

— За людей, ни на что не годных, к которым имею честь принадлежать! — воскликнул Спарк, сближая свой стакан со стаканом Веспа.

— Вы несправедливы к себе, — салютуя стаканом, возразил Веспа. — Много людей позавидовали бы вашей жизни... Она интересна и содержательна.

— Вы хотите сказать, что интересна жизнь, на фоне которой я мелькаю?! Если вы имели в виду это — не возражаю.

— Разве это не одно и то же?

— Далеко нет! Делать интересную жизнь — одно; наблюдать интересную жизнь — другое. Я только наблюдатель, отмечающий биение чужих пульсов; протоколист чужих волнений. Короче говоря: я — журналист. Моя профессия — ездить, видеть, запечатлевать. Все это делается для того, чтобы читатели моей газеты могли, не покидая своего стула, носиться по свету вместе со мной. Мои корреспонденции дают им ощущение мира, кусочки которого некоторые из них когда-то видели. Я честно стараюсь выполнять возложенные на меня поручения. Но разве можно передать словами мировой рост? Мировой рост наших дней, когда один час

приносит больше событий, чем их могут вместить все томы Британской энциклопедии!..

Спарк внимательно посмотрел на золотые пузырьки, поднимавшиеся со дна стакана.

— Китай... Одной этой страны может хватить на целую библиотеку.

Веспа презрительно двинул губами.

— Не думаю... Китай — унылая дыра, в которую судьба засунула своих пасынков. Прожить здесь год — значит почувствовать бремя самого тяжелого проклятья. Эта страна похожа на помойную яму, в которой кое-где блестят тщательно запаянные банки ананасных консервов —европейские сеттльменты. Но общая грязь и вонь портят вкус даже этой герметически закупоренной жизни. Китай — выгребная яма Европы и постоялый двор Америки. Здесь хорошо живется солдатам, священникам, проституткам и разбойникам. Первые три категории оплачиваются последней, у которой после всех расходов на королевскую жизнь остаются еще порядочные излишки для отправки в правительственные банки своих столиц.

— Но ведь у Китая — любопытнейшая история!..

— Я не вижу ничего любопытного в китайской истории, — возразил Веспа. — Вызолоченные деревянные болваны, упирающиеся головой в потолки храмов, привлекают внимание только китайских нищих да европейских туристов. Нищие ждут подачки, а туристы приходят в восторг от живописных лохмотьев, лишаев и немытых волос, дающих эффектные комбинации на фотографической пленке. Мне здесь порядком надоело, и я не прочь посмотреть другие страны...

— А мне так много говорили о Шанхае! — прищуривая левый глаз, сказал Спарк. — Меня уверяли, что Шанхай — восточный Париж, что нигде в мире нет такой веселой и беззаботной жизни!

Веспа пожал плечами.

— Что называть весельем! Деньги здесь легкие, но и то не для всех. До войны здесь каждый европеец был крезом. Теперь китайцы переменились, и европейцы не те. Русские эмигранты — худший сорт нищих — засорили город. Вы их увидите на всех перекрестках, у всех кабаков, в парках, на набережной. Они переносятся с места на место, как обрывки газет...

— Невесело, — согласился Спарк.

— Если переезжать из кабака в кабак на автомобиле, — продолжал Веспа, — можно жить сносно. Но, в конце концов, и это надоедает.

Веспа поставил стакан на стойку.

— Кончено... ваши разговоры подхлестнули меня! Я уезжаю...

— Куда же? — поинтересовался Спарк. — В Европу, конечно?

— Что мне там делать? Любоваться с бульварной скамейки на проносящиеся автомобили — благодарю покорно! Карьеры я там не сделаю. Увеличивать число неудачников — не желаю.

— Позвольте, — заинтересовался Спарк, — но ведь в Китае вы, по-ви-

димому, сумели прекрасно устроиться?

Веспа тихо свистнул.

— Китай не Европа! Здесь я в привилегированной тысяче. Меня здесь знают, и это дает мне деньги. Правда, деньги приходят, как вода, и уходят, как ветер, но они всегда к моим услугам. В Европе же я могу о них только мечтать. Нет! Европа не даст мне денег. Мой путь лежит в другую страну... Что вы скажете о Новой Зеландии?

— Новая Зеландия?! — удивился Спарк. — Да за каким чертом вы туда поедете? Может быть, вас интересуют озера или птица-колокол, пение которой напоминает похоронный звон?! Или вы надумали солить рыбу и заниматься экспортом овечьей шерсти?

— Я ищу место для жилья! — заявил Веспа. — Мне сказали, что там есть спокойные острова, над которыми пылает небо.

— Вам не солгали. Там много островов, совершенно безлюдных. Там цветут редкие цветы и поют неслыханные птицы. Вы сведете знакомство с коричневыми попугаями. По ночам вас будет развлекать птица-призрак, которая стонет и охает, как смертельно раненый. Вас оглушат шумящие водопады, проваливающиеся в живописные дыры, носящие веселенькие названия: «Грот убийцы», «Пещера испуга», «Ущелье полночных призраков». Вы увидите чудесное дерево «пухаритайко» с плотными, почти кожаными листьями, наполненными белой массой, на которой можно писать, как на мраморе. Но имейте в виду — вам придется отказаться от ваших шанхайских привычек. В раю, куда вы собираетесь, живут только труженики...

Веспа вытянул левую руку и медленно согнул ее. Под рукавом пиджака выросли высокие бугры мускулов.

— Не беспокойтесь! Это здесь колониальный этикет не позволяет мне шевельнуть рукой. Но я не калека. Я умею стрелять, ловить рыбу, рубить деревья, седлать лошадь.

— Тогда — в путь! — щелкнул пальцами Спарк. — Крепкие мускулы — достаточный капитал для Новой Зеландии.

XV

— Ничего нового, — придвигая стеклянную банку с табаком, сказал брюнет с усиками, похожими на зубную щетку.

Стол истекал безукоризненной полировкой, и стеклянная банка плавала в нем, как в вечернем озере.

Темно-красная трубка с длинным черным мундштуком целилась в Ворда дулом дуэльного пистолета.

Ворд сделал нетерпеливое движение. Кресло под ним скрипнуло.

— Ваши молодцы, Кенли, попросту говоря, спят... Они слишком разжирели.

— Вы не должны говорить так, Лип. Не забывайте, что вы в служебном кабинете начальника секретной полиции Его Величества, и ваши слова могут набросить тень на деятельность правительственного органа.

— Бросьте вы соблюдать церемонии, — досадливо поморщился Ворд. — Надо тушить пожар, а вы кокетничаете перед зеркалом. Вы должны сознаться: ваши детективы гораздо лучше чувствуют запах опиума, чем коммунизма.

Брюнет с обкусанными усиками спокойно поднес к трубке зажженную спичку и с аппетитом набил рот дымом.

— Неудивительно. Опиум более сильно пахнет.

— Опиум пахнет долларами, — сказал Ворд, — тогда как охота за коммунистами — ничем, кроме беспокойства, не пахнет.

Кенли бережно послал к потолку молочно-голубой фонтан дыма.

— Охота за коммунистами не старее джаз-банда, а поимка контрабанды обладает преклонным возрастом. Вообще, — вздохнул Кенли, — со времени проклятой войны жизнь стала похожа на сорвавшегося с цепи пса. Всюду сплошные судороги. Жизнь сошла с рельс. Мы — участники катастрофы...

— Хорошенькие мысли в голове у охранителя закона! — воскликнул Ворд.

— Вы не дали мне докончить. Жизнь сошла с рельс, и это — предостережение... Нужно проверить шпалы и подтянуть болты. Это нелегкая работа. Неудивительно, что кое-где происходит заминка.

— Вот вы куда гнете! Это не оправдание. Ваши парни должны пошевеливаться живее. Большевистские агенты куда проворнее. С каждым днем они усиливают свой нажим. Я не узнаю Шанхая... Земля начинает плясать под ногами.

Кенли положил трубку в нефритовую пепельницу.

— Нельзя считать красных единственными виновниками. Дело не только в них. Они подносят спичку к готовой соломе. Эта солома собиралась годами. Она валялась на каждом шагу, мы только ее не замечали. Теперь солома загорается.

— Но ведь поджигают солому они!

Кенли задумчиво посмотрел на свои ногти.

— Поджигают они, но сушили солому мы. Впрочем, это — деталь. Заливать огонь будем мы.

— Умные слова, — оживился Ворд. — Я готов поработать вместе с вами. Можно установить награду для ваших людей. Я не верю в неуловимость большевиков. Они люди, а не призраки. Нужно только не ослаблять внимания и держать под наблюдением каждого русского, появляющегося в Шанхае.

Кенли махнул рукой.

— Это давно сделано. И все-таки есть какие-то таинственные пути, недоступные нашему наблюдению. Я далек от мистики, но я не буду возражать, если кто-нибудь станет уверять, что большевистские идеи про-

сачиваются в город вместе с лунным светом. Наши люди толкаются в поездах, шныряют на пароходах и, несмотря на то, что их руки забираются почти во все подозрительные чемоданы, им редко удается обнаружить что-нибудь ценное.

— Надо бы закрыть доступ в Шанхай всем русским.

— К сожалению — невозможно! Номинальные хозяева все-таки китайцы. Кроме того, сюда приезжает много русских эмигрантов. Большинство — сор, но зато некоторые очень полезны. У меня работает больше десяти белых офицеров. Они — неоценимы.

— Тогда увеличьте число русских агентов. Если нужны средства, мы их дадим. Нужно выдернуть все корни красного чертополоха. Забастовки делают нас нищими. Надо громить!..

— Легко сказать — громить! — выбивая пепел из трубки, буркнул Кенли. — Сегодня бастует десять фабрик, завтра станут остальные. Надо сознаться, этим желтым собакам живется более чем скверно.

— Они живут так, как должны жить! Всякие улучшения их жизни — ухудшение нашей. Кули любят чувствовать над собой кулак — иначе все наше благополучие полетит к черту! Вы представляете, что было бы, если бы дать этим дьяволам полную свободу?!

Кенли дернул плечами.

— Но ведь об этом никто не говорит. Речь идет о добавочной порции риса и еще о каких-то пустяках.

— Большие неприятности начинаются с пустяков. Я хорошо знаю китайцев. Стоит дать им копейку, как они захотят получить гривенник, а после гривенника потянутся к рублю. Лучшее средство сохранить с ними дружбу — не жалеть их спины. Я решительно против всяких поблажек. У себя на фабрике я вместо школ открыл две новых опиекурильни. Это дало прекрасные результаты.

— Крепкий вы человек, Лип.

— Скажите лучше — осторожный. Колонии, где бы они ни были, — рай на пороховом погребе. Нужно не забывать, что лежит под полом.

— Я же вам сказал, что жизнь сошла с рельс, — мечтательно протянул Кенли. — Война испортила всех людей. Временами я очень завидую лорду Китченеру. Он утонул, как герой, сохранив полностью уважение к самому себе, тогда как нас захлестывают мелочи, оскорбляющие человеческое достоинство.

— Вы сильно тронуты меланхолией, Кенли.

— Я всегда разочарован в жизни перед обедом.

— Тогда вам нужно начинать день с обеда.

— Представьте: я очень дорожу своей предобеденной грустью: благодаря ей я чувствую себя человеком.

В кабинет вошел молодой человек в темно-синем костюме.

— Есть новости? — спросил вошедшего официальным тоном Кенли.

— Да, сэр, — почтительно ответил агент. — В третьем районе...

— Прошу прощения, — поклонился Кенли Ворду. — Дела мешают нам

продолжить нашу беседу. Все ваши замечания приняты мною к сведению.

Ворд с интересом посмотрел на Кенли. Перед ним сидел новый человек, неподвижное лицо которого словно стянуло клеем.

XVI

Коттедж на Сучжоу-крик жил необычной жизнью. Темная дверь с золотым ананасом не открывалась больше на стук посетителей.

Телефонные звонки оставались без ответа. Можно было подумать, что дом покинут; но голубая машина, увозившая по вечерам молчаливую хозяйку, рассеивала эти предположения.

Несчастный Дальтон тщетно опустошал цветочные магазины.

Он оставлял букеты у неподвижных дверей, и цветы лежали нетронутые и печальные, как положенные на могилу.

Китти была в смятении.

Смерть молодого матроса в драке, вызванной по ее вине, неожиданно лишила ее покоя.

Сердце Китти, всегда беззаботное и пустое, наполнилось горечью до краев и дало трещину. Эта горечь медленно просачивалась, причиняя неутихающую боль.

Китти возненавидела себя и свою нелепую жизнь пьяных дебошей и равнодушных страстей, не оставлявших никаких следов, кроме смятой постели.

Ее дом был баром любви, в который являлись с улицы и спокойно уходили, уступая место другим.

Ворд, игравший в жизни Китти несколько большую роль, был таким же посетителем: он только принадлежал к категории завсегдатаев.

Китти была включена в общественный инвентарь, как ипподром, особняки на Бабблинг-вэлл или «аллея любви», по которой совершали приятные автомобильные прогулки джентльмены с Нанкин-род.

Она была неотделима от общей суммы «благ цивилизации», предоставленных в пользование привилегированным жителям международного сеттльмента.

Черные, увлажненные нежностью глаза Сильвио не давали покоя. Они преследовали ее неотступно; мертвые, несуществующие, они согревали душу единственным теплом.

Китти все еще переживала печальную картину похорон. В ушах рыдала медная тоска похоронного марша. Шуршащие шаги матросских колонн шептали уличному асфальту страшную истину: «Она его убила»... «Она его убила».

Этот шепот матросских ног сводил Китти с ума.

Временами он умолкал, но проходили часы, и снова раздавался бормочущий шум: это приближались неумолимые обличители.

У Китти было такое ощущение, словно она потеряла жениха. Ее душа превратилась в склеп, в котором мерцали свечи воспоминаний...

Веселый коттедж на берегу канала охватило безмолвие

Днем Китти лежала в спальне и курила опиум. Коричневые шарики шипели на длинной игле, которую повертывал над лампочкой молчаливый саизец. Он стоял на коленях перед маленьким перламутровым столиком, внимательно следя за трубкой Китти. Как только горошина, вставленная в отверстие фарфорового тюльпана, сгорала с клокочущим свистом, Ру подносил новый шарик.

Плотный голубой дым поднимался к потолку этажами пагоды-призрака.

Забытая хозяйкой обезьянка шевелилась в подушках, как сонная крыса.

Первые дни звонил телефон.

Китти приказала Ру перерезать провод. Этим она как бы порывала связь с прошлым.

Приходили гости, стучали, уходили.

Беспрерывно подкатывал сумасшедший Дальтон, последние дни не вылезавший из автомобиля.

Бары обогатились драгоценным материалом для болтовни.

* * *

Ворд много раз звонил по телефону. Телефон молчал.

Захваченный неожиданными делами, Ворд вначале обрадовался было уединению своей любовницы. Но каприз принимал чересчур затяжной характер, и, попрощавшись с Кенли, Ворд решил навестить слишком увлекшуюся подругу.

У дверей Китти валялись цветы. Многие из них успели уже увянуть.

«Могила знаменитой актрисы» — подумал Ворд, поднимая над дверью бронзовый ананас.

Дверь глухо охнула, но не открылась.

Ворд подождал и стукнул еще раз. Дверь не отворялась.

Ворд пустил в ход кулаки.

Эффект был тот же.

«Подожди же, — стиснул зубы Ворд. — Я найду способ к тебе добраться».

Пройдя под окнами, он подошел к воротам. Ворота были заперты. Ворд ухватился за каменный карниз. Железный прут помог ему взять последнее препятствие. Через минуту он был во дворе.

Большой серый дог соскочил со ступенек, но, узнав Ворда, сразу успокоился.

Сторож-китаец растерянно смотрел на непрошеного гостя.

Ворд вошел в дом.

Комнаты были полны молчания.

Ворд задержался в гостиной. Тихо журчала вода фонтана… Тишина усиливала цветочное благоухание.

Ворд прикоснулся к портьере и вздрогнул. Пальцы его легли на чьи-то холодные пальцы.

Портьера отдернулась… Ворд увидел мутные, дымные глаза Китти.

— Ты зачем пришел? — голос ее был мертв.

— Брось чудить, Китти, — сказал Ворд, пытаясь взять ее за руку. — Кому нужна вся эта комедия?

— Мне, — отстраняя руку, ответила Китти. — Я слишком долго играла для других. Теперь я вспомнила о самой себе.

— Ты окончательно сошла с ума! — воскликнул Ворд. — Что за фантазия отравлять себе жизнь из-за какого-то пустяка?!

— Не смей говорить об этом! — сверкнула глазами Китти. — Ты все равно ничего не поймешь.

Ворд сделал презрительную гримасу.

— Подумаешь, какая загадочная история: молодой дурак неудачно подставил голову под табурет!

— Замолчи! — истерически крикнула Китти. — Уходи отсюда… сейчас же!

Она повернулась к нему спиной.

Ворд сделал последнюю ставку.

— Тебе необходимо покинуть Шанхай. Давай съездим на месяц в Японию. Сейчас там зацветает сакура. Я знаю чудесные места в Киото.

— Уходи!.. — прошептала Китти. — Я уеду, но только подальше и не с тобой…

— Это твое последнее решение?

— Окончательное…

— Ты пожалеешь…

— Не думаю…

— Вспомни Сингапур.

— Я проклинаю его, проклинаю Восток! Здесь я нашла свою гибель.

— Хороша гибель в собственном доме с автомобилем, стоящим двадцать тысяч долларов!

— Этот дом и автомобиль — собственность Шанхая. Вы — мои покупатели — подсунули мне всю эту дрянь в обмен на мое тело. Я кружилась, как белка, неизбежно возвращаясь в свою клетку…

Китти печально роняла слова, и ее поникшая голова казалась большим золотым одуванчиком, надломленным ветром.

— Я уеду подальше от вашей мутной жизни, — продолжала она.— Шанхай отравил мою душу лихорадкой. Недаром летом здесь умирают от жары. Гнилое болото, которое вы покрыли камнем, мстит вам. Чтобы не чувствовать беды, вы пьете виски и коктейли, иначе вы не выдержали бы этой духоты, лезущей из каждой щели. Вы сошли бы с ума или сбе-

жали бы отсюда, как бегу я!

Удивление Ворда поднималось, как ртуть на солнце. Шанхай повертывался к нему неожиданной стороной. А он-то считал этот город лишенным тайн!

— Все, что ты говоришь, удивительно, — сказал Ворд.— Удивительно потому, что это говоришь ты. С каждым днем я убеждаюсь, что хваленый восточный сон пошел к черту! Одалиски превратились в пророков... Скоро камни станут читать мораль.

Китти повернула голову.

— Хочешь, в память нашей прошлой дружбы я дам тебе хороший совет? Но ведь ты, в своей гордости, не воспользуешься им!

— Интересно послушать.

— Уезжай отсюда куда-нибудь. Здешняя земля начинает приходить в ярость... Уж слишком грубо вы ее топчете... Она пересохла от обиды.

Ворд громко расхохотался.

— Если бы я не знал тебя так хорошо, я бы подумал, что тебя купили большевики. Нет, дорогая моя. Шанхайская жизнь мне нравится. Я не страдаю галлюцинациями. А ты поезжай, полечи нервы.

Ворд достал бумажник.

— Тебе, вероятно, нужны деньги?

— Мой счет еще не исчерпан. Кроме того, у меня есть драгоценности.

— Когда же ты собираешься нас покинуть?

— Меня задерживает памятник.

— Памятник?

— Я заказала памятник на могилу Сильвио. Когда его поставят, я уеду.

— Трогательно. Надеюсь, перед отъездом ты все-таки устроишь прощальный ужин для твоих друзей.

— Вряд ли. Я разучилась забавляться и забавлять. Прощай.

Она протянула руку.

Ворд поднес ее к губам.

— Этот поцелуй звучит, как эпилог.

Китти не ответила.

Молчаливый саизец открыл дверь. Увядший букет зацепился за ногу Ворда. Ворд сделал нетерпеливое движение. Букет, шурша, пополз по асфальту.

XVII

Веспа вышел из отеля с твердым решением немедленно приступить к делу.

Рю Консулэйт лениво изгибала свое черное тело, расширявшееся в плечах и бедрах перекрестков.

Остроконечные шляпы полицейских-аннамитов торчали, как чашки, прикрывающие грудь восточной танцовщицы.

Сегодня рикш не было. Веспа не удивился. Он знал, что праздник Нового года — праздник всеобщего отдыха, когда даже рикши позволяют себе роскошь выйти из оглобель.

Веспа пошел по улице.

Трудно было рассчитывать найти резвого рысака, но какая-нибудь изношенная двуногая кляча могла попасться.

Веспа не ошибся. Из-за угла выполз унылый скелет, тащивший за собой поставленный на колеса лакированный гробик. Это был старый бегун, старавшийся использовать отсутствие молодых конкурентов.

Старик охотно пожертвовал праздником: для него это была единственная возможность пополнить заработок. В обычное время пассажиры избегали садиться в его коляску, предпочитая более быстрых, юных рикш, которых всегда было достаточно.

Старик окрасил пергаментное лицо нищенской улыбкой, подобно старой блуднице, зазывающей в свое логово случайного искателя наслаждений.

Веспа влез в колясочку.

Старик дернул оглобли и побежал маленькими шажками, покачивая бессильно вихляющейся головой.

Дома отъезжали назад. Деревья уплывали вместе с домами.

— Нантао! — крикнул Веспа, удобно устроившись на сиденьи.

— Олай, — охнул старик, выкатывая колясочку на главное авеню французской концессии.

Веспа равнодушно смотрел на окруженные пальмами виллы. Его воображение рисовало заманчивые пейзажи, которые ему предстояло скоро увидеть.

Старик задыхался. В груди его шумело и клокотало. Ноги все чаще цеплялись одна за другую. Стал накрапывать дождь.

Раскрывшийся кожаный верх прекрасно защищал Веспу от мелкого, похожего на мокрый дым, шанхайского дождя.

Спина старика намокла и начала блестеть. Черные штаны морщились, уменьшаясь в объеме, словно дождь постепенно вымывал из них дряблое, иссохшее тело.

Начались китайские улицы, темные, липкие, безлюдные. Они были все, как одна. Глина и камень. Ни цветов, ни травы, ни признака деревьев. Дождь и Новый год загнали людей под крышу.

Окна и двери, закрытые деревянными щитами, гноились красными язвами праздничных бумажек.

Всклокоченные псы встречали сиплым лаем катившуюся колясочку.,

Внутри домов и лавок гремела медь гонгов, пронзительно вопили скрипки, перекликаясь с соседями.

Веспа выругался. Его ухо, чтившее сладость итальянских мелодий, не могло привыкнуть к этой какофонии.

Музыканты не жалели сил. Можно было подумать, что они выколачивали душу из живых существ, имевших несчастье принять форму музыкальных инструментов. Словно демоны подняли этот пронзительный визг, захотев напакостить в новогодних домах.

Рикша медленно передвигал ноги.

Мокрые лохмотья плотно прилипли к его усталым костям. Распухшие от глины войлочные подошвы с трудом отрывались от клейкой почвы.

Старик выбился из сил. Он с удовольствием опустил бы оглобли или только постоял на месте. Но улица была пуста; ничто не препятствовало движению.

Старое сердце сжималось и замирало, продолжая тихо стучать впереди катящейся колясочки.

Веспе нужно было попасть в отдаленную часть Нантао, на улицу «Сыновнего почтения», выходящую на самый берег реки. Там, по соседству с пакгаузами и береговыми конторами, помещались владения Тун-Фа, старого чиновника и плута, оказывавшего неоценимые услуги в самых рискованных авантюрных делах.

У ворот двухэтажного грязного дома, спрятанного за глиняной оградой, задохнувшийся рикша опустил оглобли.

Жалко дергающийся рот ловил ускользающий воздух. Ноги дрожали.

Сойдя с коляски, Веспа вошел во двор.

Сейчас же за воротами возвышалась гора пестрых китайских гробов.

Тяжелые колоды сияли красным и желтым лаком, поросшим золотыми цветами и усеянным серебряными бабочками. Гробы были светлой половиной жизни Тун-Фа, председателя «Общества даровых гробов», снабжавшего бесплатными гробами всех нищих и безродных бродяг, окончивших земной путь без средств на покупку достойного посмертного убежища.

За сложенными гробами начиналось облупившееся здание гостиницы «Ста тысяч благоуханий».

Трудно было исчислить количество запахов, струившихся из открытых дверей этого оригинального вертепа, — но, во всяком случае, неиспорченного воздуха оставалось вокруг очень мало.

Дальше под навесом помещались харчевни.

Щедрое чесночное благовоние, смешиваясь с чадом бобового масла, образовывало нестерпимый букет.

Огромные цилиндрические чайники из посеребренной меди оглушали свистками. Выстроившиеся у входа корчаги с рисовой и гаоляновой водкой гордо выпячивали коричневые животы, украшенные лентами новогодних изречений.

Фантастические фонари раскачивались на бамбуковых шестах, как отрубленные головы.)

Веспа окликнул возившегося у чайника китайца.

— Чжангуйда ю?* — спросил он по-китайски.

* Хозяин дома?

— Чжангуйда чифан![*] — радостно осклабился китаец и повел гостя внутрь дома.

Веспа нашел Тун-Фа в полутемной зале за обширным столом, вокруг которого кипело новогоднее пиршество.

Два десятка ртов наполняли комнату дружным и громким чавканьем. Некоторые гости оглушительно рыгали, давая знать гостеприимному хозяину, что они не в состоянии предаваться дальнейшему обжорству. Чайники с горячим пивом и подогретым ханшином, опустошаясь на лету, стремительно уносились обратно, чтобы появиться с новой порцией дымящегося пойла.

Неожиданное появление иностранца не нарушило ритуала торжественной церемонии. Собравшиеся у Тун-Фа гости принадлежали к благовоспитанному классу, умевшему скрывать любопытство под маской невозмутимейшего спокойствия. Кроме того, общественное положение хозяина позволяло ему иметь самые рискованные знакомства, не вызывая удивления окружающих.

Тун-Фа занимал почетную должность «ди-бао», попечителя района, предоставляющую значительные права на подчиненной ему территории. В его распоряжении находились несколько «макуй»[**], на обязанности которых лежал надзор за неблагонадежным элементом околотка.

Как всякий воспитанный в старых традициях китаец, Тун-Фа умело пользовался привилегированным положением, ловко совмещая служение обществу с обслуживанием собственного кармана.

Он не успокоился на лаврах простого чиновника. Первым делом он расширил принадлежавшую ему захудалую ночлежку для игроков, воров и курильщиков опиума до пышных размеров первоклассной гостиницы. Затем, добившись почетного звания председателя, он открыл фабрику гробов, назначив директором своего двоюродного брата.

За короткое время Тун-Фа ухитрился стать пайщиком большинства доходных предприятий района.

Он участвовал в прибылях двух публичных домов и получал негласную ренту со всех игорных притонов и опиекурилен.

Он не брезговал никаким темным делом, если оно сулило приличную прибыль.

Оппозиционно настроенная часть населения дала ему кличку «Резиновая совесть». В глазах зажиточного класса Тун-Фа являлся человеком, заслуживающим всяческого уважения и подражания.

Встретив Веспу церемонным поклоном, Тун-Фа пригласил его сесть за стол.

Веспа опустился на деревянный табурет, подставленный ловким слугой, и начал вылавливать палочками плавающих в сое морских червей,

---

[*] Хозяин кушает.

[**] Быстрые лошади.

запивая их нежно хрустящее мясо горячим, густым, как патока, пивом.

Тун-Фа отлично понимал, что иностранец явился к нему по экстренному делу, обещавшему, вероятно, немалые барыши. Но присутствие гостей обязывало его к равнодушной вежливости, являющейся со времен Конфуция основной добродетелью китайца.

Большинство гостей перешло на десерт, с восхищением обсасывая крылья засахаренных стрекоз, посыпанные имбирной пудрой.

Веспа ел утиные яйца, сгнившие в земле до зеленовато-желтой, янтарной прозрачности. Эти яйца, отдававшие болотной тиной, словно сделанные из студня, образовавшегося в результате полугодового гниения, являлись бесспорным шедевром китайской гастрономии.

Некоторые из гостей развлекались чесанием спин, просовывая сзади за воротник длинные костяные вилки, снабженные на конце птичьими когтями.

Наконец, обед был кончен. Все встали из-за стола.

На маленьких столиках застучали костяшки «мажонга». Появились карты.

Засучив рукава праздничных халатов, гости приступили к игре.

Веспа подошел к Тун-Фа.

— Есть дело, — тихо шепнул он.

Тун-Фа понимающе улыбнулся.

— Если мои драгоценные гости, — сказал он громко, — разрешат мне покинуть на время сладкий воздух, которым они дышат, я покажу вам мои новые постройки.

Гости вежливыми поклонами дали разрешение.

Тун-Фа и Веспа вышли в коридор и уединились в маленькой темной комнате.

Тун-Фа зажег стеклянную лампочку.

— Я дам тебе хорошо заработать, — сказал Веспа.

— Сейчас грех работать, — ответил Тун-Фа. — Праздник. А какое дело?

Веспа выразительно поднял вверх большой палец.

— Первый сорт. Ты получишь пять тысяч долларов.

Глаза Тун-Фа заблестели.

— Хорошо, я согласен.

— Мне нужно тысячу кули.

Тун-Фа подозрительно взглянул на собеседника.

— В Шанхае можно найти сто тысяч кули. За это никто не платит... Зачем шутить?

Лицо Веспы было серьезно.

— Слушай, Тун. Через неделю я хочу погрузить на пароход тысячу здоровых парней. Я повезу их на острова.

— А-а...— протянул Тун-Фа.

— Мне нужно иметь контракты, заверенные китайскими властями. Эти контракты должен заверить ты. Понимаешь?

Тун-Фа начал соображать.

— Мы должны посадить людей ночью, чтобы никто не знал. Для китайской таможни ты составишь другие бумаги.

— Трудно, очень трудно! — вздохнул Тун-Фа.

— За это я и плачу тебе деньги.

— Надо подумать...

— Думать некогда. Берись задело и получай семь тысяч.

Тун-Фа, закрыв глаза, начал высчитывать.

— Семь тысяч мало, — заявил он, кончив вычисления. — Много надо отдать другим людям.

— Хорошо, — сказал Веспа, — ты получишь десять, больше ни одного цента.

Они ударили по рукам.

— Когда будет готово, я пришлю сказать, — шепнул Тун-Фа, пряча в карман пачку долларов.

Веспа спустился по лестнице во двор.

Закипевшие чайники свистели, поднимая тревогу.

За воротами терпеливо ждал промокший старик, задремавший на подножке коляски.

Веспа толкнул его ногой в бок.

Рикша вскочил, виновато осклабясь.

Дождя не было, но воздух был густо пропитан сырым туманом.

Веспа взобрался на сиденье. Старик впрягся в оглобли, и его войлочные подошвы снова зашлепали по липкой глине.

XVIII

— Нет, нет, Фей, в таком виде тебе нельзя спуститься вниз, — запротестовал Лю, входя в комнаты сестры. — Эта кофта слишком оригинальна. А панталоны совершенно немыслимы.

Фей была необычайно эффектна в своей красной кофте и перехваченных у щиколоток бирюзовых шароварах из мягкого, просвечивающего шифона.

— Разве плохо?— повернулась она на каблуках.

— Хорошо для актрисы, но неприлично для молодой китаянки. Не забывай, что сегодня торжественный день. Пожалуйста, будь благоразумна. Зачем напрасно навлекать на себя гнев отца. Видишь, как я одет?

На нем был длинный темно-зеленый халат и черные шелковые туфли.

— Это ужасно,— капризничала Фей.— Кому нужен этот глупый маскарад? Я не вижу ничего веселого в новогодних церемониях!

— Я сам не в восторге, но один раз в году можно помучиться, тем более, что мы не можем пожаловаться на отца. Он совершенно не вмеши-

вается в нашу жизнь.

— А это?! — Фей показала на стопку книг, лежавших на столе.

— Ты тоже получила новогодний подарок, — улыбнулся Лю. — Сегодня утром я нашел у своей двери целую библиотеку.

— В отношении меня отец оказался более милосердным. Он прислал мне всего пять книг. Но ты взгляни, что это за книги! Когда я их открыла, мне показалось, что я подняла крышку старого гроба.

— Да, вкусы отца порядком отстали, — рассматривая книги, усмехнулся Лю. — Рассказам о «замечательных своею добродетелью женщинах» ровно тысяча двести лет. «Книга о соблюдении почтительности» появилась в десятом веке. Самая молодая из всей коллекции — «Поучительные примеры для девушек»: ей всего шестьсот лет...

Фей, набросившись на книги, начала швырять их в угол.

— Вы говорите: «Если я выйду замуж за птицу, я должна летать за ней; если я выйду замуж за собаку, я должна бегать за ней...» Вот вам! Вот вам! Завтра я совсем вас выброшу вон!

Лю хохотал.

— К сожалению, я не могу последовать твоему примеру. Мой подарок в двадцать раз больше твоего.

Фей в ужасе схватилась за голову.

— Сто книг!!

— И каких! Каждая — как твои пять... Полная энциклопедия китайского этикета с древнейших времен.

— И тебе не страшно смотреть на эти чудовища?

— Не волнуйся! Я перетащу их в отцовскую комнату, как только он уедет на свой остров. Ведь отец здесь долго не задержится...

— Скорей бы уезжал! — подхватила Фей. — Я боюсь, что при нем мне грозит опасность превратиться в «поучительную девушку».

Снизу донеслось гудение гонга.

— Скорее переодевайся, — заторопил Лю сестру. — Отец уже вышел в парадную комнату.

Фей, уютно устроившаяся на кушетке, не двигалась с места.

— У меня нет ничего другого! Не надену же я старые тряпки, которые обещала подарить прислуге!

— Покажи, где они?

— Там, — болтая ногами, показала Фей.

Лю заглянул в спальню.

— Это как раз то, что нужно,— воскликнул он, скрываясь за дверью.

— Вот, — бросил он сестре голубую кофту и черные шелковые панталоны. — Я жду тебя на лестнице. Поторопись.

Фей тяжело вздохнула и стала переодеваться.

* * *

Вей ждал детей в парадной комнате.

Окинув внимательным взглядом сделанные приготовления, он остался доволен. Все было так, как предписывал праздничный ритуал.

У передней стены находился стол, покрытый черным шелком с вышитыми на нем золотыми словами.

На столе стояли тонкогорлые бутылки с душистым розовым вином и фарфоровые мисочки, наполненные новогодними лакомствами.

На стене висели две картины. На одной был изображен аист и зеленая сосна; на другой — лежащий на банановом листе голый младенец с тремя смешными косичками на бритой голове. Младенец держал в правой руке летучую мышь, левой он прижимал к животу персик. У ног его лежал вскрытый сочный гранат, полный рубиновых зерен. Вверху летел аист.

Вей задумчиво посмотрел на картину. Ему был понятен язык изображенных на ней символов. Летучая мышь означала счастье; персик и аист — долголетие; гранат — многочисленное потомство.

О том же говорила надпись: «Донфу, донжоу, до нань-цзы»:

Больше счастья,
Больше жизни,
Больше сыновей.

Послышалось шуршанье шелка. Вей повернулся к двери. В комнату вошли дети.

Увидев отца, они остановились.

Лю сделал несколько шагов и отвесил три поклона. То же самое проделала Фей. Оба вместе сказали:

— Гунь-хэ, синь-си...[*]

Сложивши руки на груди, Вей ответил:

— Синь-сянь, синь-си...[**]

Приняв поздравления, Вей подошел к столику, на котором помещался складень с тремя прикрепленными к нему дощечками, расписанными тушью, киноварью и золотом. Дощечки указывали места: богу неба и земли, богу богатства и предкам.

Вей взял пучок курительных палочек, зажег их и воткнул в золу, насыпанную в бронзовую вазу. По бокам он поставил две красных восковых свечи.

Девять раз низко склонилась серебристая голова, сопутствуемая двумя черными.

После этого все направились в комнату предков.

Фей не вытерпела и ущипнула брата за руку.

---

[*] Почтительно поздравляем с Новым годом.
[**] С Новым годом, с новым счастьем.

Лю укоризненно покачал головой.

Фей скорчила страдальческую гримасу и покорно закрыла глаза.

Открыв их, она вздрогнула.

Со стены на нее строго глядела целая толпа стариков и старух.

Это были предки. Их нужно было приветствовать девятью поклонами и, почтительно посмотрев на каждого, посвятить несколько минут безмолвной беседе.

Фей облегченно вздохнула, когда церемония кончилась, и с радостью показала спину своим прабабушкам.

За столом ее ждали новые мученья.

Новогодние пельмени, начиненные смесью моркови, петрушки и имбиря, с трудом проходили в горло. Пшеничные лепешки, жаренные на кунжутном масле, вызывали спазмы.

Она старалась есть как можно меньше. Ее желудок, привыкший к европейской пище, грозил устроить национальным кушаньям стремительную обструкцию.

Душистое приторно-сладкое вино напоминало разбавленное розовое масло. С каким бы наслаждением Фей выпила рюмку чистого вермута!

Праздничный обед протекал в торжественном молчании.

Изредка Вей обращался к сыну с вопросами, какие стихи из Ши Цзин* поразили его, обратил ли он внимание на красоты «Сяо-Я и Да-Я»**.

Фей назвала про себя эту беседу разговором с предками.

В комнате, наполненной дымом курительных палочек, она чувствовала себя, как в скучном театре. На сцене возился один и тот же старый актер: это был отец.

Всецело поглощенный самим собой, он не обращал внимания на зрителей, особенно на Фей, которую он не удостоил ни единым словом.

Некоторое облегчение внес чай. Его благородный тонкий аромат возместил Фей испытанные страдания. Она с удовольствием смыла оставшийся во рту противный вкус новогодних блюд.

Но это еще было не все.

— Оценили ли вы по достоинству мои подарки? — поинтересовался Вей.

— Несколько ничтожных часов недостаточно для оценки того, чему мало посвятить целую жизнь, — искусно вывернулся Лю.

Опустив голову, Фей молчала.

— Я не подарил тебе драгоценностей, — обратился к ней отец, — потому что нет ничего драгоценнее мудрости. Мудрость женщины — послушание. Читай внимательно великие книги, и жизнь твоя будет совершенной. Как жаль, что с тобой нет твоей почтенной матери. С ее помощью ты скорее постигла бы искусство прясть коноплю, сучить шелковые

---

* Книга песен, 1200 лет до Р. Х.

** Большие и малые торжественные песни.

нитки, ткать ленты и вить шнурки. Твоя мать в совершенстве обращалась со священными предметами и расставляла дароприношения.

«Какое счастье, что ее нет в живых», — подумала Фей.

— Теперь, — продолжал Вей, — нравы испортились. Женщины не сидят более на своей половине. В «Запрещениях для женщин» я отметил тушью «правила чистоты». Там сказано: «Пусть мужчина и женщина не передают друг другу ничего из рук в руки иначе, как во время траурных церемоний. Если же мужчине необходимо передать что-нибудь женщине, пусть воспользуется корзинкой». Почаще раздумывай над этими правилами — в них заложена основа женского поведения.

Душа Фей разрывалась от возмущения, но пристальный взгляд брата заставлял ее хранить спокойствие.

— Теперь я пойду, — сказал Вей, поднимаясь с кресла. — Завтра я покидаю вас. Я отправляюсь в Нанкин к моему другу Чан-Шу. Мы будем передавать цветение персиков на струнах лютни. Надеюсь, вы достойно закончите праздник, и ты, сын мой, не забудешь зажигать курительные палочки перед таблицами предков.

Фей потащила брата к себе.

— Я думала, что я умру! «Правила чистоты»! Прясть коноплю и вить шнурки, ждать пока мужчина «найдет корзинку»!..

Она завела граммофон.

Радостное ржанье джаз-банда прокатилось по комнате.

Обняв брата за талию, Фей начала откалывать замысловатый «black bottom»*.

— Вот мое обращение со священными предметами! Вот как я расставляю дароприношения! — кричала она, сотрясаемая фокстротным током.

Лю беспомощно топтался под музыку.

— Мы должны вознаградить себя,— продолжала Фей, дергая брата во все стороны. — Я позвоню Курцу — он остановился в «Астор-Хаус». Пусть захватит Агату и приезжает к нам. Мы устроим маленький пикник на четыре персоны.

— Пусть раньше уедет отец, — возразил Лю. — И потом, мисс Гаррисон, наверное, не захочет приехать... у нее дела...

Фей сорвала телефонную трубку.

— Еще как захочет! Ты бы посмотрел, что мы с ней вытворяли на Монмартре. Запомни раз навсегда, если у мужчин «business before pleasure», то у нас, женщин — «pleasure before business»!..**

———————

* Модный танец.

** Сначала дело, потом — удовольствие ... удовольствие прежде всего.

XIX

«Дорогие родители, — писал взволнованный Курц, — мое путешествие — сказка, с каждым днем все более волшебная. На пароходе я познакомился с наследницей Конфуция, т. е., собственно, не наследницей, а как вам объяснить... Одним словом, ее папа — семьдесят третий потомок китайского святого. Все восхищаются китайской вазой, стоящей у нас в гостиной, ну, так фрейлен Фей лучше этой вазы в сто раз.

Она чудно танцует и так изумительно говорит по-французски, как будто ее вскормил молоком Анатоль Франс.

Молодость мешает фрейлен Фей относиться с уважением к родной культуре, но я уверен, с годами она научится ценить бессмертную китайскую древность.

Вчера я сошел на берег реки Вампу. Я в Шанхае. Незабываемый день!

Шанхайский асфальт не уступает берлинскому. Отели даже шикарней и гораздо дороже. Я взял самый дорогой "set of rooms"*, в котором останавливаются первоклассные европейцы.

Красота начинается у дверей отеля. Главная улица декорирована флагами. На каждом доме красные и золотые паруса. Ветер играет парусами; дома — вот-вот поплывут... Мне вообще повезло. Я попал в Китай в разгар Нового года — настоящего китайского Нового года, который — сплошная музыка и фейерверк. У меня впечатление — будто на мою голову поставили барабан, а в уши воткнули флейту. Ночью я вскакивал. Мне казалось, что моя кровать стоит на эстраде джаз-банда.

Я в Китае, в Китае! Я занимаю те самые комнаты, в которых останавливалась вдова президента Рузвельта (можете похвастаться перед знакомыми). Я купил много редкостей».

Курц взял новый лист бумаги, но телефонный звонок помешал дальнейшим излияниям.

Звонила Фей, приглашая приехать с Агатой.

— У вас гости? — ревниво спросил Курц, услышав в трубку знакомые звуки негритянской мелодии и невольно подтанцовывая.

— Да нет же! У нас только что кончился новогодний обед.

— Ах, как это интересно! Расскажите, умоляю вас!

— Когда приедете — расскажу. Обязательно предупредите Агату. Я звонила ей — ее нет дома. Машина приедет к восьми…

Курц снова сел за письмо.

Перо заспешило, цепляясь за бумагу.

---

* Апартаменты.

«Сейчас звонила фрейлен Фей. У них только что кончился новогодний обед. Она пригласила к себе. Я попаду в китайский аристократический дом. Я увижу “князя, продолжающего род святого”. Разве это не сказка! Как я жалею, что я не Шиллер... или хотя бы Стефан Цвейг. Какую книгу я бы написал! Обнимаю вас и целую.

Ваш любящий сын Отто».

Курц вложил письмо в конверт и позвонил.

Вошел бой.

— Отправьте письмо и узнайте, дома ли номер двести пятый.

Курца распирало от полноты чувств, ему необходимо было разрядиться.

Он вспомнил Спарка и заглянул в газету.

В списке прибывших на «Президенте Монро» значилось: «Никлас Спарк» — «Hotel Plazza».

Курц позвонил.

— Милый Спарк, это я — Курц! Как вы поживаете?

— До вашего звонка — превосходно.

— Неужели вы еще никуда не выходили? Я успел объехать весь город. Мне кажется, я все еще сплю...

— К сожалению, вы уже проснулись. Разговаривать по телефону не под силу даже лунатикам.

— Что вы собираетесь делать сегодня? Мы с мисс Гаррисон приглашены к Фей.

— Воображаю, какие цветы вы ей послали?!

Трубка дернулась в дрогнувших пальцах Курца.

— О, — простонал он. — Где у меня голова? Ведь я совсем забыл о цветах. Видели ли вы когда-нибудь подобного идиота!

Спарк деликатно молчал.

— Вы — мой спаситель, — крикнул Курц. — Если бы не вы... Впрочем, я позвоню вам потом... Бегу... бегу...

Он бросил трубку и схватил шляпу.

В турникете Курц столкнулся с Агатой. Он сделал лишний круг и крикнул:

— Ждите меня. Я сейчас!

Удивленная Агата повернула голову, но стеклянная лопасть вымела Курца на улицу.

На улице Курц вспомнил, что он не в Берлине. Он не знал ни одного цветочного магазина.

Посреди улицы стоял похожий на факира полицейский-индус в красном тюрбане.

— Где я могу купить цветы? — спросил его Отто, приподнимая шляпу.

— Есть магазин за углом, — показывая палкой направление, сказал индус, — но я думаю, он закрыт.

Поблагодарив, Отто завернул за угол.

Цветочный магазин был действительно закрыт.

В окнах было много цветов, но дверь была заперта.

Огорченный Отто вернулся в отель и поведал о своей неудаче портье.

— Напрасно вы не обратились ко мне, я могу достать сколько угодно цветов.

— Отправьте на сто долларов роз по этому адресу, — попросил обрадованный Курц, надписывая на карточке адрес Фей.

* * *

Стол Агаты был завален книгами и бумагами. Открытые страницы пестрели цифрами. Среди желто-серых справочников и папок единственным исключением был изящный томик в переплете из фиолетовой замши с золотой виньеткой, изображающей шута, играющего на старомодном банджо.

На переплете стояло: «Shakespear's Comedy of Twelft night or what you will»*.

Эта пахнущая фиалками, местами очень сентиментальная фантазия играла роль сигнальной ракеты. Она напоминала увлекавшейся цифрами Агате, что «Youth's a stuff will not endure»** и что у нее, кроме обязанностей, есть еще и капризы.

Агата была англичанкой послевоенной формации.

Библию, помогавшую ее матери грешить с легким сердцем, она считала пережитком.

Чековая книжка, маленькая и портативная, заменяла ей Библию.

Жизнью управляли цифры.

Поэтому вместо того, чтобы изучать эстетические теории Рескина, Агата поступила в лондонский Экономический институт.

Ее мать, миссис Ральф Гаррисон, ужасали прозаические наклонности дочери. Миссис Гаррисон была пламенной почитательницей Вордсворта, в честь которого она, вероятно, и наставляла рога своему старому мужу с помощью молодого конюха на берегу одного из озер, воспетых этим несравненным поэтом.

Агата явилась плодом своеобразного увлечения «озерной» поэзией, и в ее жилах текла веселая кровь веснущатого Пата О'Брайна, сопровождавшего миссис Гаррисон в ее прогулках.

От матери к Агате перешел талант маскировки бунтующих чувств. От папаши-берейтора — обилие этих чувств, нередко грозивших сорвать пури-

---

* Шекспировская комедия «Двенадцатая ночь» или «Как вам угодно».

** «Молодость не длится вечно».

танскую маску.

Связи «папа де-юре», мистера Ральфа Гаррисона, дали Агате возможность сделаться экономическим консультантом Международного бюро труда при Лиге Наций.

Агата искусно модулировала свои настроения, желания и потребности. У нее хватало времени на занятие спортом, на работу в библиотеке, на посещение KitKat Club*, на игру в бридж и еще на тысячу разных разностей.

Она не отказывалась и от любовных приключений. Легенда об аисте была разоблачена ею в двенадцатилетнем возрасте, а в девятнадцать лет она знала все ухищрения интимной гигиены. Как и все ее поколение, она не чувствовала никакого уважения к философам, заменив их туманные и сомнительные истины гениально-простой аксиомой «brains are really everything»**.

Когда Курц постучался, Агата все еще возилась с бумагами.

— Я вам разрешаю войти с одним условием: вы будете молчать, пока я не кончу своей работы.

— Надеюсь, я обречен на минуты? — спросил Курц.

— Ваша болтовня может превратить минуты в часы, — не отрываясь от бумаг, сказала Агата.

Курц обиженно замолчал. Он охотно пошел бы к себе, если бы не боялся, что Агата, кончив работу, уйдет куда-нибудь, и он, упустив ее, навлечет на себя неудовольствие Фей.

Он покорно сидел, уныло глядя, как она перекладывала и сортировала бумаги, делая на них пометки синим карандашом.

От скуки Курц раскрыл первую попавшуюся книжку: «Постановления и пожелания Международной конференции труда, принятые на сессиях в 1919-1923 гг.».

«1923 год... Это уже не модно», — подумал он.

Он перелистал несколько страниц.

«Работа женщин после родов должна производиться в строгом соответствии с медицинскими нормами».

— Фу, какая гадость! — вырвалось у него.

— Бедный Курц! — рассмеялась Агата. — Вам приходится развлекать самого себя... Впрочем, вы сами виноваты. Пришли невовремя и вот наказаны.

— Долго ли вы еще будете меня терзать? — взмолился Курц.

— Кончила, кончила... Теперь я готова слушать ваши излияния.

Курц передал приглашение Фей.

— Что ж, я поеду к ней с удовольствием. У нее очень милый брат, — отвечая собственным мыслям, сказала Агата.

Она взглянула на часы.

---

* Клуб в Лондоне.

** Все дело в мозгах.

— В нашем распоряжении два часа — ванна, гимнастика, прическа. Вполне достаточно. Ступайте. Жду вас без четверти восемь.

XX

В платье из серебряной парчи с коралловой розой на левом боку, Агата была похожа на Жанну д'Арк, открыто несшую в бой свое горящее сердце. Парча сияла, как латы. Гладко причесанные волосы лежали золотым шлемом.

Снизу позвонил портье.

— Сударыня, вас ждет машина.

Вошел Курц в смокинге из одних шелковых отворотов.

— Кто бы поверил, что ваша профессия — забота об охране труда! — воскликнул он, помогая Агате надеть манто. — Ваши ноги —решительный протест против ограничения ночного труда.

— Я рассчитываю получить хорошую плату за сверхурочные, — выходя из комнаты, сказала Агата.

В вестибюле их ждал Лю.

— Добрый вечер, — низко наклонил он голову.

Агата протянула руку. Рука была без перчатки.

Лю почувствовал, как кровь его потеплела.

— Мне кажется, я сделал ошибку, приехав на открытой машине, — сказал он. — Я боюсь, вам будет холодно.

На улице было свежо.

Влажный воздух коснулся лица губами тумана.

Агата плотнее запахнула манто.

— Пустяки, я сяду рядом с вами, это меня согреет.

— Путешествие займет не больше пяти минут, — нажимая стартер, сказал Лю.

— Как жаль, — прошептала Агата, и Лю почувствовал ее ногу рядом со своей.

Город вел себя странно.

Река и набережная сторонились автомобиля, как зачумленного. Дома убегали в улицы и прятались друг за друга.

Лю казалось, что колесо руля стало резиновым, а тормозная педаль окаменела. Бензин вдруг запах духами. Стеклянные ширмы впереди автомобиля потеряли прозрачность — в них поселилось лицо, заслонившее мир.

Огненная рука обожгла колено.

— Что с вами?

Лю пришел в себя.

— Простите... Мечты сделали меня невежей.

Заглушенный вздох тормоза... Поворот... Арка... машина въехала в сад.

— Какая красота! — заволновался Курц. — Вот где можно нащелкать

снимков!

— Господин Курц смотрит на мир с точки зрения видовых откры-ток, — пояснила Агата.

— Неправда, неправда, — запротестовал Курц.

Они подъехали к белой террасе.

— Как много ступенек, — сказала Агата, опираясь на руку Лю.

Отороченный мехом подол льнул к ногам, как ласковая борзая.

Внимание Курца было поглощено новогодними наклейками. Он с благоговением смотрел на красную бумагу, испачканную типографской краской. Она окрыляла его воображение.

— Живущие в этом доме — не умерли, — пошутила Агата, — а у вас вид человека, разбирающего могильные надписи!

Вестибюль утопал в цветах. Белые розы делали лестницу похожей на катафалк. Фей сидела на мраморных перилах. В черной парче, отделанной оранжевыми перьями, она напоминала траурного фазана.

— Сумасшедший, — набросилась она на Курца. — Как можно посылать столько цветов! Их так много, что они кажутся оскорблением.

Курц начал оправдываться.

— В наказание вы будете весь вечер трясти «shaker».

Фей кинулась целовать Агату.

— Как я рада вас видеть! Сегодняшний день был невыносим. Я так много страдала, что яд показался бы мне райским напитком. Кстати, я отыскала пропавший рецепт, и вы сможете насладиться коктейлем «Паради», возвращающим радость жизни.

— Я боюсь, что это слишком детский напиток, — пристально глядя в глаза Лю, сказала Агата.

— Не беспокойтесь! Мой «Паради» достаточно горек, — крикнула Фей, возившаяся у столика с напитками.

Столик напоминал походную аптеку. Хрустальные флаконы с разноцветными жидкостями, щипчики для льда, длинные ложечки деловито толпились вокруг алюминиевых мешалок. Тут же стояла ваза со льдом и тарелка, наполненная лимонной цедрой.

Фей, отмеряя порции стаканчиками, наполняла мешалки. Она делала это с быстротой провизора, набившего руку на приготовлении лекарств. Некоторые жидкости она лила на глаз. Потом она бросила несколько кусочков льда и завинтила крышку. «Shaker» загрохотал, сотрясаемый старательным Курцем.

Лю с Агатой сидели на диване.

Агата рассматривала Лю внимательно и не стесняясь, как лошадь, которую ей предлагали купить.

«Он, по-видимому, хорошо вымыт, — думала она, — умеет молчать (качество, особенно ценимое Агатой). У него прекрасные зубы… А самое главное — он будет повиноваться…»

Резким движением она положила ногу на ногу. Красный каблук мелькнул окровавленной шпорой.

— Чем вы теперь увлекаетесь?— играя носком туфли, спросила Агата.

— Ах, он увлечен разной чепухой, — вмешалась Фей. — Представьте, он до сих пор еще не научился танцовать!

— Сестра считает меня величайшим преступником, — смущенно улыбнулся Лю.

— Ваша сестра чересчур строга. Я бы назвала это простым воровством.

На лице Лю появилось недоумение.

— Не танцующий фокстрота обкрадывает себя и тех, кому он приятен. Это трудно объяснить. Это надо почувствовать.

— Я уже пробовал танцевать и уверяю вас: я не испытал ни малейшего удовольствия.

— Это подтверждает мои слова... фокстрот, подобно бактериям, нуждается в благоприятных условиях. Он благоденствует только при соответствующей температуре. Хотите, я помогу вам раскрыть его тайну?

— Сначала выпейте, — воскликнула Фей, — это придаст вам находчивости.

Длинные рюмки, наполненные зеленоватой смесью, потянулись к губам.

— Название оправдано, — сказала Агата, — мне кажется, я гуляю под райскими деревьями.

— Остается только предложить Адаму запрещенный плод, — захохотал Курц.

— Ваши остроты напоминают граммофон, — бросила Агата, — с той существенной разницей, что под них нельзя танцевать. Потрудитесь найти что-нибудь в медленном темпе. Этот темп незаменим для начала.

Курц начал рыться в граммофонных пластинках.

— Хотите «Бок о бок»? Поют Хайлин Стэнли и Джонни Мэрвин.

— Сойдет, — кивнула Агата.

Курц пустил граммофон.

Сонное бормотанье банджо заблуждало по комнате. Мужской голос запел негритянский псалом, звучавший торжественной страстью. Это была любовная молитва. Черная девушка, которой пел мужчина, отвечала ему. Ее голос был нежен и чист.

— Держите меня удобнее, — сказала Агата, положив руку на плечо Лю. — Вы должны прислушиваться к моему телу. Я вас поведу.

Они медленно пошли, глядя в глаза друг другу. Пальцы Агаты обращались с шеей, как с грифом скрипки.

Тело Лю послушно вибрировало.

Слова Фей сбылись... Девушка с шелковыми ногами, прижавшись, смотрела ему в глаза. Мерно гудел негритянский псалом. Эхо коктейля замирало во рту.

— Для начала прекрасно, — ободряла Агата. — У вас очень вимательное тело...

Девушка и ее возлюбленный продолжали в граммофоне свое объяс-

нение.

— Мы не знаем, что будет завтра, — задумчиво пел мужчина.

— Может быть, несчастье и печаль, — подхватывала девушка.

— Но мы будем идти вдвоем, — клялся мужчина.

— Не переставая петь, — добавляла девушка.

— Бок о бок! — торжественно заканчивали они вместе.

— Браво, Агата, — хлопала в ладоши Фей. — Вы делаете из него человека!

Лю чувствовал себя побежденным.

Пальцы Агаты, пройдя сквозь шею, добрались до сердца, покорили его нежным прикосновением, и сердце, подобно ногам, готово было идти, куда его поведут.

XXI

— Хорошо мы удирали от полиции! Помнишь, Чен? — задорно улыбаясь, сказал Юн.

— Мне после этого приходилось не раз бегать, — спокойно ответил Чен. — Полицейские все равно, как блохи. Везде прыгают.

Юн хлопнул приятеля по плечу.

— Ты отчаянный парень, Чен! Когда ты несешь в корзине литературу, у тебя более беспечное лицо, чем у продавца пельменей.

— А какая разница?.. Он разносит пельмени, я разношу революцию. Мы оба разносчики. Мое ремесло опасное, но это не значит, что я должен дрожать, как рисовый студень.

Чен, неторопливо захватывая палочками рис, ловко засовывал его в рот.

— Теперешняя забастовка — пустяк. Шанхайская полиция почти не мешает. Вот, когда иностранцы возьмутся за дело — тогда береги голову.

Чен аккуратно вытер палочки и положил их на опрокинутую чашку.

— Я помню работу иностранных консулов в Ханькоу. Вечером они устроили совещание, а наутро У Пей-Фу расстрелял больше ста человек. Это у них называется «защита иностранных интересов».

— И все-таки им не удалось похоронить революцию, — перебил Юн.

— Для этого им пришлось бы уложить в могилу весь Китай! Они чувствуют, что их жизнь приходит к концу, и потому лишают жизни других. Но они выпустили из виду главное: их здесь триста тысяч, нас — четыреста миллионов.

— Как жаль, что у нас нет пушек! — вздохнул Юн.

— Не беспокойся, они у нас будут. У нас есть большее, чем пушки — вера в свое будущее, тогда как у наших врагов — только страх перед ним. Я пять лет сею революцию и могу смело сказать: ничто не может сравниться с ней в урожае.

Чен допил чай.
— Спасибо, Юн... Теперь я пойду.
— Ты можешь переночевать здесь... Это избавит тебя от лишней встречи с полицией.
— За ночь полиция не станет другой. Чтобы избавиться от нее, я должен заснуть навсегда. Кроме того, мне нужно обойти еще много фанз.
— Ну, иди, — сказал Юн, — а я займусь печатанием. Завтра ты придешь?
Чен кивнул головой.
— А как поживает молодой Кун? Все еще мечтает переделать мир при помощи стихов?
— Я его почти не вижу. С тех пор, как приехала его сестра, мы с ним перестали встречаться.
— Два класса — две дороги.
— Ты пристрастен. Лю — не плохой.
— Не спорю. Я только говорю: он — не наш.
— Неправда! — заволновался Юн. — Я его знаю так же хорошо, как себя. Он не виноват, что его отец бывший мандарин...
— ... а теперь фабрикант.
— Лю не имеет никакого отношения к фабрике. Он мне клялся, что у него с отцом ничего общего. Он — искренний революционер. Его взгляды страдают расплывчагостыо, но он подтянется... Он не виноват, что у него поэтическая натура.
Чен свистнул.
— Поэтическая натура! У Пей-Фу — тоже поэт. Он воспевает цветы и тишину, любит жену и очень ласков к детям. И эта поэтическая натура приказывает стрелять в рабочих. Рубит голову всякому, кто думает не так, как он. Сжигает целые кварталы.
— Неудачный пример. Разве мало революционеров не рабочих?
— За них говорят их дела.
— Неизвестно, какие дела будут у Лю. Не можем же мы отказываться от всех, кто не живет, как мы.
— Я знаю одно: Лю сидит и пишет стихи, а мы бегаем от полиции.
Чен ушел. Юн вернулся в оранжерею.
Длинная вереница комнат, одетых в стекло, дышала искусственным зноем.
Юн спустился вниз, в небольшую землянку, загроможденную столами.
Это была лаборатория его отца, в которой старый садовник проделывал свои замечательные опыты.
Бутылки, горшки, тарелки, вазы содержали всевозможные лекарства и притирания, необходимые для капризной и избалованной земли.
Здесь были эликсиры из бычьей крови, пудра из молотых костей, паста из отборного навоза — все, что восстанавливает, укрепляет, холит, придает блеск.

Этот первоклассный институт красоты расходовал весь свой богатый опыт на обслуживание оранжереи, цветы которой никогда не покидали отведенного им места. Они были обречены от рождения. Их даже не брали в дом. Так приказал старый Вей, построивший эту оранжерею в память умершей жены.

Старый Яо занимался служением смерти. Он холил и украшал склеп.

Единственным оправданием цветочного морга являлась маленькая типография, перенесенная сюда Ченом. Она готовила удобрения для человеческих душ.

Сын садовника был счастливее отца. Он работал для жизни.

Юн положил на стол доску с рельсами. Поставил на нее заключенный в раму готовый набор. Поправил деревянным молотком буквы. Накатал краску. Приладил бумагу. Навалившись на ручки, двинул небольшой вал.

Оттиск получился ясный и четкий. Юн проверил текст и принялся за работу.

* * *

Бертон жаловался Ворду:

— Не люблю австралийцев... Удивительно дурно воспитанный народ.

— Что вас заставило вспомнить об этом?

— Визит сиднейского журналиста, сидевшего у меня до вас. Он вел себя так, как будто мы с ним родились от одной лошади.

— Зачем он приехал?

— Его газета поручила ему посмотреть, что делается в Китае.

— Послушайте, а нельзя ли его использовать для нашей Лиги?

— У меня нет охоты лишний раз его видеть. Да и на что он вам нужен? Писак у нас и без того достаточно.

— Его можно представить, как гостя из Австралии. Это будет эффектной демонстрацией популярности наших идей.

— Вряд ли защита цивилизации его интересует. Впрочем, может быть, вам удастся с ним сговориться. Его зовут — Спарк. Он живет в «Plazza».

Название отеля заставило Ворда вспомнить о своих неприятностях.

— Последнее время мне решительно не везет, — сказал он. — У меня двойное несчастье: я лишился способной любовницы и потерял изумительного агента...

Бертон раскрыл глаза.

— Да, да, и все это внезапно, как паралич... Китти влюбилась в мертвеца и возненавидела всех живых, а Веспа вдруг потянуло путешествовать. Оба на днях уезжают.

— Убейте меня, если я что-нибудь в этом понимаю! — воскликнул Бертон. — Китти покидает Шанхай! Это — ненормально! Игорные дома

без Веспы?! Сумасшедший бред!

— Приходится принять этот бред. Он существует, как вы, как я, как дом, в котором мы сейчас находимся.

— После таких вещей можно усомниться даже в собственном существовании!

— Ну, мы-то существуем, — властно сжал губы Ворд, — нам нечего беспокоиться. А вот они — потеряли почву. Мне жаль Китти. Прежде всего, она — англичанка. Веспа меня не трогает. Итальянцы — путаный народ. Они любят собственную жизнь превращать в извержение Везувия.

Бертон машинально перебирал бумаги.

— Да... Я забыл вам сказать, — внезапно оживился он, — сейчас сюда явится мисс Гаррисон. Помните, я вам говорил — «Международное бюро труда».

— Новый экземпляр человекоподобной лошади? — рассеянно бросил Ворд.

— Что вы! Очаровательное существо! Будущее Лиги Наций начинает рисоваться мне в радужном свете.

— Для полного успеха им нужно переменить всех старух на девушек из ревю.

— Как правило, это не годится. Как отступление, заслуживает всяческой похвалы. Во всяком случае, я доволен. Скука обследований, в которых мне предстоит участвовать, будет компенсирована веселыми вечерами.

—Не преждевременны ли ваши восторги? Эти юные реформаторши обычно так влюблены в работу, что у них ничего не остается для флирта.

— Только не мисс Агата... Я не хочу сказать ничего дурного, но — ее глаза все время поют.

Раздался звонок.

— Это она! Сейчас вы сами ее увидите, — вскакивая с кресла, сказал Бертон.

В комнату вошла Агата.

Ее с трудом можно было узнать в бесформенном, мохнатом балахоне, прикрывавшем плоские ноги в туфлях, подбитых велосипедными шинами.

В руках она держала плотный кожаный портфель и портативный ремингтон.

— Я пришла со всем этим, — сказала она, не обращая внимания на изумленного Бертона, — потому что я терпеть не могу возиться с карандашом.

Она спокойно положила вещи на консульский стол.

— Я думаю, нам сегодня удастся поработать, не правда ли?

Ее глаза, обведенные темными кругами очков, плавали за стеклами, как голубые рыбки.

К Бертону вернулся дар слова.

— К вашим услугам, — поклонился он. — А это мой друг — мистер Ворд.

Агата равнодушно повернулась к Ворду.

— Прежде всего, мне бы хотелось проверить те сведения о шанхайских фабриках, которыми меня снабдили в Лондоне.

Она расстегнула ремешки и вынула из портфеля желтую папку с бумагами.

— Шелкопрядилен — семьдесят шесть. Текстильных фабрик — шестьдесят. Эти цифры правильны?

Бертон начал рыться в бумагах.

Ворд встал.

— Не буду вам мешать...

— Не говорите ерунды, — накинулся на него Бертон. — Вы будете нам весьма полезны.

Голубые рыбки плеснулись в сторону Ворда.

— Ничего не понимаю, — бормотал консул. — Вот список предприятий по национальностям. Вот таблица английского капитала, вложенного в Шанхае... А списка отдельных производств нет. Лип, вы не знаете, сколько в Шанхае текстильных фабрик?

Ворд взял со стола «Китайский ежегодник».

— Не беспокойтесь, — сказала Агата, — я выписала все, что может дать эта книга. Я думала, что господин консул располагает более свежими сведениями?!

Бертон начал оправдываться.

— У нас много сведений, но их надо привести в порядок. Все драгоманы заняты предками, а я сам ничего не знаю. Придется подождать конца праздников.

— Придется, — нехотя согласилась Агата.

— А вы за это время составите список интересующих вас вопросов, — сказал Бертон.

— Я не заставлю вас ждать, — сказала Агата, — это дело одной минуты...— и, вставив бумагу, она застучала на машинке.

Консул удивленно посмотрел на Ворда. Тот тихо посмеивался.

— Вот, пожалуйста, — протягивая исписанный лист, сказала Агата. — Здесь — восемнадцать пунктов. Главные вопросы подчеркнуты. Думаю, я ничего не пропустила.

Она покрыла машинку футляром.

— Мне не хотелось бы терять много времени... Нельзя ли приступить к осмотру фабрик?

— Они стоят, — сказал Бертон, — рабочие празднуют Новый год. Ваше нетерпение меня удивляет. Неужели, кроме дела, вас ничто здесь не интересует?

— Я приехала выполнять определенные поручения...

— У меня тысячи поручений, и они не мешают мне находить время для приятных развлечений.

— Каждый работает по-своему. — Агата застегнула портфель.

— Но ведь вечера у вас свободны, — настаивал Бертон. — У вас нет здесь знакомых. Я чувствую себя обязанным принять меры, чтобы вы не скучали.

— Очень вам признательна, — ответила Агата. — Но вечерами я работаю с особенным увлечением. Как-нибудь днем я выпью с вами чашку чая. Прощайте.

Ворд молча поклонился.

Бертон пошел провожать гостью. Слышно было, как он ее упрашивал. Агата отвечала односложным «No, no»*.

Когда Бертон вернулся в комнату, его лицо было красно.

— Видели чучело?! — огорченно воскликнул он. — Не понимаю, как может женщина так себя изуродовать. Ничего похожего на то, о чем я вам говорил.

— Да ведь она же сегодня играла, — сказал Ворд. — Она спрятала глаза за стекла очков, потому что не хотела, чтобы мы видели, как они поют.

XXII

Китти молча смотрела на сломанную мачту, у основания которой закрывала лицо руками мраморная девушка.

Это был памятник Сильвио.

Пальмы обметали могильные плиты зелеными вениками и тихо шушукались — заботливые старушки, посвятившие мертвым остаток своих дней.

Туман покрывал камни водяным бисером. На памятниках собиралась гусиная кожа. Многие камни плакали.

Тревожные мысли перестали беспокоить Китти.

Памятник снял с души мучительную тяжесть.

Мраморная девушка переложила на свои плечи ее печаль. Китти получила прощение.

Теперь ничто ее не удерживало. Она могла уехать.

Кладбище было похоже на опустевший бар. Обелиски торчали высокими табуретами. Чугунный ангел с трубой напоминал негра, дующего в саксофон.

«Куда я поеду? — подумала Китти и сейчас же ответила: — Не все ли равно!»

Десять лет произвели в ней опустошение.

Все, что когда-то цвело в душе и таилось в сердце, было дочиста выжжено пожаром военных и послевоенных лет.

---

* Нет, нет.

Дом перестал быть домом... Что сталось с братьями? Куда делись отец и мать? Китти не знала. Война сорвала ее с дерева и пустила по жизни засохшей веткой.

Вернуться домой? Засохшая ветка не пристанет к дереву...

Оставалось одно: катиться дальше и дальше, пока дорога не приведет к концу.

«Куда угодно, — только не домой», — решила Китти. Лондонская земля слишком колола бы ноги. Ходить по осколкам надежд — слишком дорогая плата за воздух родины.

Сан-Франциско? Нью-Йорк? Париж?

Облик этих городов расплывался, как лица случайных любовников.

Все равно, который... Сухой ветке не для чего выбирать.

Китти погладила мраморную девушку, словно благодаря за взятые заботы, и пошла по заплаканной дорожке к воротам, за которыми голубела ее машина.

Шофер тронул рычаг.

Дома потянулись похоронной процессией.

Намокший балдахин свинцового неба заколыхался над улицей.

Полицейские в чугунных плащах стояли надгробными памятниками.

Китти казалось, что она едет по бесконечному кладбищу.

У похожего на пышный фамильный склеп здания машина остановилась.

Китти по ступенькам поднялась к резным дверям. На них надгробной надписью висела табличка «Royal Steamer Line»*.

Китти толкнула дверь и очутилась в большой зале с электрическими лампадами.

За барьером из черного дерева сидели благообразные клерки. Китти подошла к одному из них.

— Могу я получить билет на ближайший пароход?

— Да, мадам... Вам куда угодно?

— Мне все равно... Только поскорее.

Клерк с удивлением посмотрел на странную пассажирку.

— Может быть, мадам не откажет более точно назвать место поездки?

— Я повторяю: мне все равно... Если завтра пароход идет на северный полюс, я поеду на северный полюс.

Клерк был озадачен. Не убежала ли эта леди из сумасшедшего дома? Должен ли он продавать ей билет?

— Одна минута, — сказал он и пошел к управляющему разрешить сомнение.

— Она здесь? — выслушав рассказ, спросил управляющий.

— Да, мадам стоит у барьера.

Управляющий приоткрыл дверь.

---

* Королевская пароходная линия.

— Да ведь это Китти Сингапур! — воскликнул он. — Мы ни в каком случае не можем продать ей билет, особенно после истории с матросом. Ее присутствие вызовет скандал! Ни одна приличная дама не согласится ехать вместе с ней!

Управляющий потер лоб.

— Вот что... Скажите, что все билеты на ближайшие рейсы проданы. Пусть обратится в другое место.

Клерк пошел исполнять приказ.

— К сожалению, мадам, — обратился он к Китти, — все места разобраны. Вам придется попытать счастья в других конторах.

Китти ничего не понимала.

— Минуту назад вы сказали, что я могу получить билет. Сейчас вы говорите: билетов нет. Что это значит?

— К сожалению, я ошибся, мадам: все билеты проданы, — повторил клерк.

— Этого не может быть! Тут что-то неладно! — вскипела Китти. — Я сама поговорю с управляющим.

И она направилась в кабинет.

Распахнув дверь, Китти увидела смущенную физиономию своего старого поклонника Перкинса.

— А-а!.. — воскликнула она. — Вот кого мне надо благодарить! Никогда не думала, Перкинс, что вы можете оказаться такой свиньей!

— Шш!.. шш... — растерянно зашипел Перкинс. — Кругом люди.

— Наплевать мне на ваших людей! — кричала взбешенная Китти. — Скажите лучше, что заставило вас отказать мне в билете?

— Be a lady!..* — умолял Перкинс. — Be a lady...

— Провалитесь вы вместе с вашими леди! — бушевала Китти.

— Какие слова! — стонал уничтоженный Перкинс. — Хорошо, что вас не слышат наши пассажиры.

Китти побледнела от обиды.

— Теперь для меня все ясно! Вы не считаете меня достаточно приличной для ваших хваленых леди?! А пить со мной вы находили приличным?! А безобразничать у меня дома вы считали достойным?!

Китти схватила чернильницу и запустила ею в Перкинса.

Чернильница ударилась в стену.

Черный дождь щедро оросил Перкинса.

Китти захлопнула дверь и пронеслась мимо шарахнувшихся клерков. На тротуаре она столкнулась с Веспой.

— С каких пор вы стали кегельбанным шаром?! — воскликнул маленький итальянец.

— Благодарите Перкинса, — вскакивая в автомобиль, бросила Китти.

— Зачем вам понадобился этот тихий идиот?

---

* Будьте благоразумны (дословно: «будьте леди»).

— Он устроил вам пакость?
— Эта свинья не продала мне билета!
— Разве вы уезжаете?
— Как можно дальше и как можно скорее... Помогите мне найти пароход, который не постыдился бы пустить меня на свою палубу.
— Я знаю один, который сочтет за честь.
— Вы шутите?
— Нисколько. Гонзальво и я будем очень рады.
— Послушайте...— Китти высунулась из автомобиля, — вы меня страшно обрадовали. А куда направляется ваш пароход?
— На край света.
— Это как раз то, что мне нужно. Садитесь скорее и поедемте знакомиться с вашим Гонзальво.

* * *

Лю бродил по опустевшему дому.

Лица предков были злы и угрюмы: с отъездом Вея никто не зажигал перед ними курительных палочек.

На столе в комнате Лю лежала статья для журнала «Новая молодежь».

Статья называлась «О долге и мужестве».

Начальные столбцы крупных иероглифов говорили о всепоглощающем чувстве долга, о радости отречения во имя борьбы. Они говорили о нерасторжимости братских клятв, о красоте верности, о презрении к смерти. Они призывали чаще вспоминать надпись на могиле героя, выдолбленную на камне его врагами. Они повторяли эту надпись:

«Здесь мы взяли его в плен. Он дрался, как тигр. Мы предложили ему стать в наши ряды, но он выбрал смерть.

Мы раздробили ему ноги, — он руками посылал привет отсутствующим друзьям.

Мы лишили его рук, — он громко кричал о своей верности.

Мы вырвали язык, — его глаза выражали гордое упорство.

С почтением мы сняли ему голову и, похоронив, начертали:

— Когда ты родишься вновь, окажи нам честь родиться среди нас».

Статья была почти готова.

Она просила конца настойчивым строем прерванных фраз, но мысли Лю, остывшие и лишенные мужества, отходили все дальше.

Любовь взяла его в плен. Она накрыла его тонкой сеткой, под которой его сердце билось, как пойманная бабочка.

Вероятно, Лю понимал свое состояние... Иначе зачем бы он стал признаваться в собственном бессилии?

Над чашкой остывшего чая
Вьется бабочка...
Улети, легкокрылая,
И скажи ей:
Мое сердце запуталось
В сетях любви,
Освободить его я не в силах.

Эти стихи он написал на другой день после встречи с Агатой.

Лю подошел к окну.

Дождь покрыл стекла водяными чешуйками. Старый Яо возился с деревьями.

Скверная погода не мешала ему исполнять долг.

«Зачем она приехала? — думал Лю. — Зачем она спутала мои мысли?.. Что подумает Юн? Что подумают другие товарищи? Целую неделю я не виделся с ними... Надо непременно кончить статью и сегодня же отнести в редакцию...»

Лю направился в свою комнату.

Он перечитал статью. Все было правильно. Это были его убеждения. Он разделял их всем своим умом. Но сердце его молчало... Оно было наполнено знойной тишиной, вызывавшей в теле странное томление.

Лю попытался писать. Слова упрямились, не желая сдвинуться с места; фразы надламывались и падали. Тщетно Лю напрягал внимание, — работа не двигалась.

Неожиданно выплыли пристальные глаза Агаты. Они внимательно разглядывали Лю... Потом они исчезли... Мечты бросились им вдогонку. Погоня длилась.

Когда Лю пришел в себя, на столе лежал исписанный листок.

Неужели ему удалось окончить статью? Он начал читать:

Много лепестков упало
С персикового дерева
В темный пруд.
И все же —
Лепестков не так много,
Как моих мыслей о тебе...

Лю был поражен.

Кто сложил слова, предназначенные для восхваления долга, в любовную жалобу?

Он начал думать.

Но чем больше он думал, тем меньше он понимал.

Его охватило волнение.

Снова мечты повели его неверной дорогой... Он покорно шел за ними... И вдруг на самом крутом и темном повороте его сознание озарили

слова: «Любовь — подобна граве: она растет там, где захочет».

XXIII

— Вы должны обязательно поехать со мной в «Горы верхних небес», — наклонившись к Фей, говорил Курц.— Там побывали все великие путешественники от Марко Поло до принца Орлеанского.

Фей отодвинулась.

— Пожалуйста, сидите спокойно, — вы мешаете мне рулить.

Они мчались по Рубикону в новом зеленом «спидере», купленном Фей на второй день после отъезда отца.

— Это будет восхитительное путешествие, — уверял Курц. — Мне предлагают старинную джонку, очаровательную, как игрушка. Ее корма украшена резным павильоном, а на парусах вышиты серебряные аисты. Я найму матросов и музыкантов, и мы поплывем по Голубой реке, как два...

— Вы поплывете один, — перебила Фей. — Я никогда не соглашусь на подобную поездку. Если же вам непременно нужна дама для вашего павильона, я подарю вам портрет моей прабабушки.

— Мне нужны вы, а не ваша прабабушка, — запротестовал Курц. — Мы захватим граммофон, и, когда нам надоест китайская музыка, мы будем наслаждаться европейской.

— У вас удивительно скверный характер, — возмутилась Фей. —Сколько раз я просила не портить мне настроения вашими фантазиями. Я вообще не понимаю, как можно мечтать о какой-то лодке, сидя в автомобиле...

— Вы не понимаете возвышенных настроений!.. — вздохнул Курц.

— Как бы я хотела, — воскликнула Фей, — чтобы кто-нибудь вылечил вас от вашей возвышенности. Вы не представляете, как она вас портит...

Они неслись по асфальтовой ленте, брошенной самоуверенным городом на унылую китайскую землю. Эта лента дразнила длинным языком придвинувшиеся поля, словно издеваясь над ними. Она катилась, резвясь и играя, как серсо, пущенное рукой беспечного шалуна.

Дорога, созданная для загородных прогулок, пользовалась прочным вниманием шанхайских автомобилистов. Шестьдесят километров, выложенных асфальтом, служили хорошей приманкой.

На Рубикон ехали дышать свежим воздухом, пробовать скорость машин, целоваться.

Щуплые фанзы дырами скудных окон смотрели на беготню разноцветных машин. Клочья грязного дыма мотались над крышами, как сигнал потерпевших крушение. Голые дети и высохшие старики издали показывали свое горе. Они стояли часами, пока темнота не проглатывала их; тогда тяжелая ночь надвигалась на город. От нее пахло потом и нечисто-

тами; она забиралась в окна, расползалась по комнатам, давила и угнетала, заставляя обитателей сеттльмента отмахиваться электрическими веерами.

Внимание Фей было поглощено новой машиной. Она то замедляла ход, заставляя автомобиль ползти, как провинившуюся собаку, то внезапным нажимом акселератора бросала его вперед и гнала на полном газе до тех пор, пока гладкий лоб радиатора не покрывался крупными каплями горячего пота.

Фей ничего не понимала в устройстве машины, но ее приводила в восторг убедительная мощь восьмицилиндрового мотора, легко развивавшего скорость ста восьмидесяти километров в час.

Она забавлялась остроумными приспособлениями и прежде всего ящичком для пудры и губного карандаша, приделанным к рулевому колесу.

— Как вам нравится моя «изотта»? — спросила Фей. — Не правда ли — душка?

— Она не может не нравиться, раз список ее почетных владельцев открывают румынская королева и японский микадо.

— Вы — сноб! — сказала Фей, превращая руль в туалетный столик. — Я уверена, если бы вас приговорили к смерти, вы попросили бы отрубить вам голову гильотиной только потому, что этим способом отправляли на тот свет королей.

— Вы ошибаетесь. Я — демократ, как и мой отец, который говорит, что в наш век можно нажить капитал только на народных бедствиях.

— Вы такой же демократ, как Агата, — подводя губы, сказала Фей. — Заботы о грязных детях дают ей средства для беззаботной жизни.

— Серьезные проблемы недоступны вашему пониманию, — важно заметил Курц.

— Я предпочитаю менее ответственные темы для болтовни.

— Как мало вы похожи на вашего брата!

— Он слишком изуродован чужими влияниями.

Фей закрыла туалетный ящик и нажала акселлератор.

Автомобиль рванулся, как ужаленный. Курц стукнулся затылком о кузов.

— Так можно расколоть череп!

— Он у вас крепче, чем вы думаете.

Они въехали в город со стороны Вузунга.

Длинный спидер, управляемый гаменом в синем шлеме, поворачивал головы любопытных. Никто не узнавал Фей.

На Банде «изотта» перегнала лимузин фон Гойера. Фон Гойер с любопытством посмотрел вслед:

— Надо узнать, кто эти мальчики...

Зеленый спидер повернул к «Астор-Хаус».

* * *

— Как жаль, что я не застала вашу сестру, — сказала Агата, играя перчатками.

Лю сидел рядом, взволнованный ее духами.

Девушка с гладкими соломенными волосами все туже затягивала узел его судьбы. Вот она пришла опять, чужая и непонятная, неведомыми путями поселившаяся в душе; голубыми клешнями глаз впилась в сердце, — и сидит спокойная и ласковая, поднимая в крови сладкую боль и туман.

— Сестра скоро вернется,— солгал Лю.

Он не видел Фей и не знал, когда она будет дома, но ему хотелось во что бы то ни стало удержать Агату; он не знал, что она пришла ради него.

— Расскажите мне о китайской любви, — попросила Агата. — Она, вероятно, очень своеобразна?

— Я не думаю, чтобы китайская любовь сильно отличалась от какой-либо другой, — тихо сказал Лю. — Голос чувств у всех одинаков.

— Вы в этом убеждены?

— Я в это верю.

— Я бы очень рекомендовала вам проверить вашу веру на опыте. У меня никогда не было китайского романа, но я ясно представляю себе его особенности.

— В чем же они выражаются?

— Прежде всего, в темпе. Переведите мне первый припомнившийся вам любовный отрывок. Только типично китайский... Это поможет мне конкретизировать мою мысль.

Немного подумав, Лю прочел:

— «Есть немало высоких деревьев, почти лишенных ветвей. Под их тенью нельзя отдохнуть; они не имеют тени. По берегу глубокой реки гуляют девушки, но добродетель их так же трудно поколебать, как перейти вброд глубокую реку».

— Достаточно! — перебила Агата. — В Европе добродетель не вдохновляет. Стиль вашего отрывка — стиль медлительного Востока. Это не наш стиль. Наши чувства наделены скоростью.

— Они исчезают так же стремительно, как появляются?

— Они не плетутся шагом усталого нищего. Они несутся, как кровь. У нас нет времени для любви пешком!

— Как жаль!.. — прошептал Лю. — Медленная любовь сладка, как созревшее яблоко...

— Вот видите: в вас заговорил Восток?

— Я не верю в быстрые чувства. Их итог — катастрофа. Надо долго смотреть и еще дольше слушать — тогда только души начинают понимать.

— Какая мистика! У вашей любви борода мудреца!

— Любовь всегда мудрость. Там, где нет мудрости, нет любви.

— А что, по-вашему, поцелуй?

— Поцелуй?.. — Лю запнулся.

— Ага, вот и не знаете, а я знаю. Поцелуй это — вот что!

Агата внезапно поцеловала Лю в губы.

Лю полетел в пропасть. Когда он достиг дна, его снова бросило вверх.

Агата смеялась.

— Быстрота победила. Если делать любовь по рецепту «глубокой реки», можно лечь в могилу, не узнав вкуса вашего поцелуя.

Лю ничего не понимал. Его губы были опалены огнем. Сердце замирало. Он боялся взглянуть на Агату. А она, спокойная, как каменщик, положивший первый кирпич, смеялась, вздрагивая довольным телом.

Она не ошиблась. Юноша с вымытым в шафране лицом был тих и покорен. Она сорвала его, как плод с незнакомого дерева. Он был сочен и свеж. Его чужая, как бы отсутствующая душа сообщала телу приятную легкость. Им можно было владеть, не чувствуя бремени, не связывая себя общностью расы, не боясь любовной привычки. Он был удобен, как ночлег у костра, после которого к утру остается лишь груда пепла... И, кроме всего, он мог быть полезен...

Лю сидел, оглушенный восторгом, затерянный в чуде, погруженный в свершившееся.

В золотой ширме, стоявшей сбоку, отражалась Агата.

Душа Лю медленно перемалывала первые зерна счастья и тихо пела:

Другие глядят на тебя
Широко раскрытыми глазами.
Я же только украдкой
Слежу за твоей тенью,
Движущейся на золотой ширме.

XXIV

Веспа, Гонзальво и Спарк вошли в широкий вестибюль «Карлтона», заклеенный афишами с обнаженными атлетами.

«Boxing today»*, — вопили анонсами стены.

Вестибюль, начиненный гремучим студнем интернациональной толпы, дымился, как зажженная бомба.

Матросы, чиновники, банкиры, кокотки, биржевики, толкаясь и споря, затопляли лестницу.

— Сегодня Джерри нехорош, — уверенно заявлял какой-то высокий блондин. — Я пил с ним вчера в Дельмонте.

— Держу пари — Кинг не даст кантонцу продержаться дольше трех раундов! — кричал толстяк с сигарой во рту.

* «Сегодня — бокс».

Каждый шаг усиливал ажитацию.

Огромный зал, в котором обычно командовал джаз, превратился в стадион.

Вместо столиков стояли ряды сомкнутых стульев. Посередине возвышался огороженный веревками помост. Над помостом покачивалась перевернутая тарелка с приросшей снизу стеклянной электрической грушей.

Нетерпеливая публика рассаживалась по местам.

Спарк с любопытством оглядывался.

— Первые две схватки — ничего особенного, — предупредил Веспа, — но зато последняя поднимет крышу.

— Почему? — спросил Спарк.

— Китаец против англичанина! Оба — первый класс!

Зазвонил звонок. Задержавшиеся в баре с грохотом хлынули в зал.

Балконы наполнились нарядными туалетами. Спарк узнал Фей. Она сидела рядом с Агатой.

На помосте появился арбитр.

— Сегодня, — объявил он, подняв руку, — мы порадуем вас исключительной программой. В первой паре Джо Гейм и Бен Адамс. Вы знаете их не хуже меня. У обоих каменные кулаки и железные челюсти. За ними идут Джерри Джером и Фред Вильборо. Знаменитые «косые» первого и «апперкоты» второго не требуют рекламы... В третьей паре...

Арбитр сделал вид, что у него перехватило дыхание.

— В третьей паре, — справившись с горлом, крикнул арбитр, — встречаются несравненный Эдди Кинг, прозванный «Британским львом», и только что вернувшийся из Америки кантонец Сю, известный под кличкой «Надежда Китая»!

Свист, грохот, аплодисменты заглушили арбитра. Он ждал, пока зал успокоится.

— Эта пара украсила бы лучшие ринги мира! — патетически продолжал он. — Обратите внимание... Схватка до результата.

Он дал свисток.

Из боковой двери выскочили Джо Гейм и Бен Адамс — стройные, в мохнатых халатах. За ними шли ассистенты в фуфайках, с полотенцами и ведрами в руках.

Боксеры вскочили на помост.

В расположенных по диагонали углах стояли табуреты. Противники, сбросив халаты, вышли на середину ринга. Арбитр сблизил кожаные кулаки и отошел в сторону. Боксеры стали в «стойку».

Несколько секунд они стояли неподвижно, широко расставив ноги, плотно привинчивая к бокам согнутые в локтях, похожие на обвязанные копыта руки.

Затем у одного шевельнулся мускул. Это заставило другого податься вперед, склонить голову на плечо и, прицелившись, пустить в ход кулаки.

Схватка началась.

Быстрота движений и вихревое верчение не мешали знатокам обсасывать детали.

Однако первая пара не была особенно заманчивым блюдом. Противники дрались добросовестно, но в их схватке не было остроты. Публика ела салат, в который не положили горчицы.

Наградив друг друга одинаковым количеством ударов, боксеры закончили первый раунд.

Ассистенты, вытерев боксеров полотенцами, принялись их массировать. Через минуту противники сошлись вновь.

Второй раунд прошел так же вяло, как первый.

Зрители скучали.

— Wake up! Wake up!* — летели отовсюду недовольные крики.

Однако это не действовало и только на четвертом раунде бойцы начали зажигаться.

Гейм повел стремительную атаку. Он скользил по рингу, словно танцуя. Его кулаки били наискось, отрывались от плеч, вылетали откуда-то снизу. Туловище поворачивалось, как уличный семафор, ноги складывались и раздвигались, как циркуль.

Рыжий Адамс вел бой, не сходя с места, раскачиваясь телом из стороны в сторону. Временами быстро изогнув туловище, он нырял навстречу руке, наносящей удар, заставляя руку Гейма пролетать над собой.

Неистовый свист и топот ног были наградой его ловкости.

Неожиданно Адамсу повезло — он наградил Гейма сильным ударом в челюсть. Гейм пошатнулся и подался назад. Кулаки Адамса обсыпали его градом ударов.

Гейм сделал несколько скачков; голова у него отошла от плеча и потянулась назад. Видимо, ему не хватало дыхания.

Удар в живот бросил его на веревки; он скользнул на спине и, зацепившись руками, повис, как кошка, упавшая на телефонные провода.

— Finished... finished!..** — радостно загудела толпа.

Звонок, возвестивший конец раунда, выручил Гейма из беды.

Подбежавшие ассистенты сняли его с веревок и, усадив на табурет, облили лицо холодной водой.

Гейму удалось, наконец, глотнуть воздух. Глубокий вздох поднял грудную клетку до самого подбородка; освежив рот полосканьем, Гейм, улыбаясь, поднял кулаки.

— Молодец, Джо! — радостно заорал какой-то доброжелатель, — постарайся выколотить душу из Адамса в следующем раунле.

Гейм обещающе качнул головой.

Стремительность пятого раунда походила на катастрофу.

---

* Проснитесь!

** Готов, готов!

Противники столкнулись, как два паровоза. Кулаки отлетали оторванными колесами; головы кувыркались, словно летя под откос. И только дергавшиеся рычаги рук и беспрерывно менявшиеся углы локтей говорили о непрекращающейся работе.

— Десять долларов на Гейма, — раздавались возбужденные голоса.

— Тридцать на Адамса.

— Отвечаю... Отвечаю!..

Публика, чувствуя близость конца, поспешно заключала пари.

Вдруг Гейм, бивший резкими косыми ударами, попался на блокировку. Руки Адамса, скользнув по его рукам, приблизились к плечу. Гейм отдернулся и ударил справа косым в челюсть. Не растерявшийся Адамс сделал нырок влево, выпрямил ноги и, подбросив туловище, ответил косым ударом в живот. Гейм взмахнул руками, как бы цепляясь за воздух, и, накренившись, рухнул на помост.

Он лежал на спине, вытянув ноги и раскинув руки, как распятый.

Зал выл и стонал.

Электрический звонок равнодушно отбивал секунды.

— Раз... два... три... четыре...— считала хором публика, впиваясь глазами в Гейма. Адамс ждал, выставив кулаки.

— Десять!.. — охнул взволнованный зал.

Гейм не шелохнулся. Арбитр поднял правую руку Адамса.

— Молодец, Адамс!! — кричали со всех сторон.

Адамс кланялся, встряхивая растрепавшимися в схватке рыжими волосами.

Молчаливые ассистенты покрыли Гейма мохнатой попоной и, подхватив под руки, поволокли, как убитую лошадь. Никто не поинтересовался, умер он или только в глубоком обмороке.

Люди в белых фуфайках приводили в порядок ринг. Победитель, накинув халат, шел, улыбаясь, среди беснующихся рядов. Многие, пользуясь перерывом, устремились в бар.

— Давайте промочим горло, — предложил Веспа. Гонзальво и Спарк поднялись с мест.

В баре было душно и шумно. Тревожно гудевшие вентиляторы не успевали вытягивать табачный дым.

Многие вытирали раскрасневшиеся лица.

— Великолепное начало! — слышались голоса.

Не было ни одного безразличного лица. Все переживали сильнейшее волнение; всех озарил необыкновенный душевный подъем. Можно было подумать, что эти люди объединены прекрасным порывом или охвачены вдохновенной мечтой. Дружно взлетали стаканы с вином; весело горели глаза; плечо прижималось к плечу.

Чудесный час глубокой гармонии и внезапного мира — такой редкий на этой земле!

— Только подготовленная хорошей рекламой Голгофа Христа могла бы поспорить количеством публики с сегодняшним побоищем,— сказал

Спарк. — Чем богаче делается культура, тем беднее становятся вкусы людей. Работа кулаков, приводящая в восторг чемпионов цивилизации! Разве в этом нет жала иронии?!

— А чем была бы без драки наша история? — поднял брови Гонзаль-во. — Эпохи начинаются кулаками и погибают от кулаков. Я всегда получаю больше удовольствия от гениальной драки, чем от гениального музыкального произведения.

Из зала донесся звонок.

Публика потянулась на места.

— Я предлагаю продолжить антракт, — сказал Спарк. — Оставаясь здесь, мы запасемся свежестью, которая поможет нам лучше прочувствовать нюансы обещанного кулачного шедевра.

Бар опустел. Через плотно закрытые двери донеслось глухое рычанье. Очевидно, вторая пара людей была отдана на потеху разлакомившейся толпе.

— Я не особенный поклонник бокса, — заявил Веспа. — В боксе нет грации... Его нельзя сравнить с фехтованием...

По лицу Спарка пробежала улыбка.

— Увы, — сказал он, — тонкая полоска стали, ловко прокалывающая сердце, безнадежно устарела. Кожаная перчатка — вот что дразнит воображение современников.

— То, что нравилось до войны, после войны стало скучным, — протянул Веспа. — Многих война восстановила даже против родины. Я помню, как я, вернувшись домой, возненавидел дом. Я бродил по Неаполю и думал: «Зачем нужна была война? Что принесла победа, кроме негритянского воя, сделавшегося единственной музыкой Европы?!» И я уехал скитаться... Но я глохну от пустоты и бегу под пылающие небеса... Будет ли это мой последний вояж?!

— Не думаю, — сказал Спарк. — Небо загорается теперь над каждой пядью земли. Беда в том, что не все это видят.

— У меня достаточно зоркие глаза, но все, что я вижу, меня не радует.

— Вы ищете покоя, а его нигде нет... Мир переживает полосу циклонов. Земля потеряла равновесие и долго будет раскачиваться, прежде чем станет на место.

Грохот, вой, свист проаккомпанировал словам Спарка. Двери раскрылись. Возбужденная толпа хлынула в бар.

— Я говорил, Джерри подгадит, — торжествовал блондин.

— Бокс — создание белой расы, — объявил лысый великан с жемчужиной в галстуке.

— Бедный негр, — посочувствовал кто-то. — Европеец для него слишком умный противник.

И сейчас же о негре забыли.

Надвигался решительный момент состязания двух первокласных чемпионов; битва Европы с Азией.

Публика заняла места задолго до звонка.

Арбитр взошел на помост торжественной поступью герольда.

— Сейчас, — протрубил он, поворачиваясь во все стороны, — Эдди Кинг и Сю покажут свое искусство.

Из двух разных дверей вышли чемпионы.

Гром аплодисментов встретил Кинга.

Все хорошо знали этого самоуверенного баловня ринга, не получившего в Шанхае ни одного поражения. Он стоял, спокойный и надменный, восхищая формами тренированного тела. Чуть заметным наклоном головы он укрощал незатихавшую бурю.

Но, аплодируя Кингу, зрители жадно разглядывали Сю. Их интересовал загадочный китаец, о чьих успехах кричала американская пресса. Он одержал несколько крупных побед в Сан-Франциско, и его встреча с Кингом сулила много неожиданностей.

Он был ниже и тоньше англичанина. Его тело, похожее на старое дерево, натертое воском, казалось более жестким.

Сю поражал своим необыкновенным спокойствием. Он напоминал юношу, задумавшегося на берегу реки в лунную ночь.

Арбитр объявил начало.

Противников разделяло некоторое расстояние.

Кинг зорко смотрел вперед. Глаза Сю казались закрытыми.

Кинг не хотел первым начинать схватку. Он и так пошел на уступку, согласившись драться с желтой собакой. Правда, этого китайца признавала Америка, но он был все-таки китаец, а американские восторги не стоили многого.

Кинг ждал нападения.

Сю сохранял мечтательную позу. Кинг обозлился:

«Ага, не решаешься начать атаку?! Хорошо же, я окажу тебе честь первой зуботычиной...»

Кинг выпрямился, как освобожденная пружина. Резкое движение плеча выбросило левую руку вперед; кожаная бомба полетела в лицо Сю.

Сю, откинувшись вправо, левым кулаком подбросил вверх руку Кинга. Правые кулаки противников столкнулись на перекрестке.

Зал встретил неудачу Кинга тревожным ропотом.

Кинг пустил в ход несколько запутанных комбинаций, но они не озадачили Сю.

Первый раунд не открыл Кингу слабостей противника. Он выяснил только, что Сю предпочитает бой вплотную бою на дистанции. Кинг решил доконать противника длинным ударом.

Ассистенты старательно растирали Кинга, положившего руки на веревки. Сю сидел прямо, как Будда, свесивший ноги с трона. Тело его, сохранившее сухость, не нуждалось в полотенце. Ладони массажистов скользили, словно по дереву.

Толпа дала волю своим чувствам.

Ее симпатии были на стороне Кинга.

Кинг был идеалом этих упитанных дельцов, шумных матросов, ко-

коток и контрабандистов. Его удары отдавались сладкой музыкой в их сердцах. Ему одному желали они победы.

Сю должен был сопутствовать триумфу — он служил мишенью для ударов и давал Кингу возможность блеснуть прославленной техникой. Кинг вел атаку. Сю только защищался.

— Кончай с ним скорей, Кинг!

— Не давай ему бегать...

После четырех раундов безуспешной атаки Кинг забеспокоился.

Китаец оказался серьезным противником. Несколько быстрых ответных ударов заставили Кинга забыть о цвете его кожи.

Начался пятый раунд.

Кулаки Кинга замелькали, как поршни пущенного мотора. Кинг хотел во что бы то ни стало сорвать Сю с места, оттеснить в угол, где ему легче было покончить с ним.

Сю принимал удары с удивительной легкостью. Кинг начал выходить из себя. Он наседал всем своим весом. Сю отступил на несколько шагов назад.

Кинг торжествовал.

Он бил двойными ударами, усиливая их перекачками. Сю отнесло вихрем почти к самой веревке.

И вдруг Сю сделал остановку. Левая рука его, мелькнув молнией, ударила Кинга в открытый живот. Удар, угодивший в солнечное сплетение, оглушил Кинга. Не давая ему опомниться, Сю нанес один за другим четыре страшных коротких удара. Кинг повалился на помост.

Все это произошло в одну секунду.

Публика была оглушена не менее Кинга. Зал охнул из конца в конец, и, когда Кинг падал, можно было подумать, что вместе с ним валится весь зал.

Грохот сменила странная тишина.

Онемевшие зрители всматривались в чудо. Оно было бесспорно. На помосте лежал Кинг. Над ним стоял спокойный, невозмутимый Сю.

Находившиеся среди публики китайцы устроили робкую овацию.

Зал продолжал хранить молчание. Расовая обида заглушила спортивный восторг. Китаец победил европейца — это переживалось, как оскорбление.

Уже давно отсчитал секунды звонок. Растерявшийся арбитр догадался, наконец, подойти к Сю.

Волновались китайцы. И все же публика не замечала победы — вернее, она не хотела ее признать.

Сю набросил на плечи халат. Молчание толпы его не удивляло. Там, в далекой Америке, белые люди аплодировали каждой его победе, потому что он был их гость. Сегодня дело обстояло иначе. Он побил гостя у себя дома. Он понимал, что это не могло понравиться остальным гостям.

Сю не испытывал радости, тем более — злорадства.

Он получил только профессиональное удовлетворение. Недаром он

происходил из рода кантонских вышивальщиков, чьи шали считались лучшими среди лучших. Пальцы его предков не ошибались. И его руки, переменившие тонкую иглу на кожаные перчатки, обладали фамильной непогрешимостью.

XXV

Спарк просматривал газеты. Обычно они состояли из биржевых котировок, телеграмм о результатах теннисного матча, советов, как выводить пятна, и обывательских писем с проклятьями по адресу большевиков. Сегодня — целые столбцы были посвящены описанию сенсационной схватки в «Карлтоне».

«Случайность одержанной противником г. Кинга победы не подлежит сомнению, — писал какой-то необузданный патриот.— Английский чемпион в реваншной схватке легко восстановит свое первенство, что совершенно необходимо для хорошего настроения английских граждан, испорченного неожиданным поражением г. Кинга.

Мы надеемся, что на этот раз г. Кинг не забудет, что он сын великой нации, удерживающей трехсотлетнее мировое первенство, и своими кулаками достойно поддержит ее славу».

Далее следовали прозрачные намеки на некрасивое поведение американцев, участвующих во всякой авантюре, направленной против британского влияния в Китае.

«И эти чудаки думают, что они делают здесь большую политику!...» — Спарк отшвырнул газеты.

В комнату вошел Курц. Он был в сиреневых шароварах, заправленных в пестрые чулки, и яркой фуфайке.

— Я пришел к вам с исключительным предложением, — затараторил он, — как журналист, вы должны заинтересоваться.

— Выкладывайте, — кратко ответил Спарк.

— Речь идет о путешествии к истокам Голубой реки, в «Горы верхних небес», которые прошел Марко Поло в тринадцатом веке!

— Вам надо как можно скорее собираться домой, — сказал Спарк, — иначе вашим родителям придется разыскивать вас на небесах.

— Неужели вы отказываетесь от поездки?.. Я вас не понимаю! Интересуясь Китаем, вы обязаны заглянуть в его глубины.

— Китайские глубины давно переместились. Изучать Китай надо в Шанхае... Отсюда берут начало действительные истоки...

Курц не соглашался.

— Вы страшно любите все упрощать. Всюду вы видите одно и то же. А между тем, мир так разнообразен, так богат красками, так неисчерпаем.

— Ерунда! — отчеканил Спарк.

— Совсем не ерунда! — воскликнул Курц. — Увидеть женщин с зуба-

ми, выкрашенными черным лаком, из племени, происходящего от собаки, — это чего-нибудь да стоит!

— Испорченные зубы встречаются на каждом шагу, а что касается собачьих племен, то ими населена большая половина современной Европы.

— И все-таки вы меня не переубедите, — упрямо заявил Курц. — С Китаем надо знакомиться в местах, сохранивших первобытную свежесть.

— Этой первобытности и здесь достаточно! Загляните в китайские кварталы — вы сразу перенесетесь в тринадцатый век.

Курц встал.

— Я уезжаю завтра утром... Прощайте.

Спарк обменялся с ним молчаливым рукопожатием. Курц ушел.

«В сущности говоря, — подумал Спарк, — этот мальчик — жертва моды. Европе скучно без идеалов, и вот она культивирует китайскую старину и негритянскую музыку. “Свет с Востока”... Это не что иное, как философский фокстрот. Изречения Конфуция — своеобразные синкопы, щекочущие европейский ум непривычной экзотикой».

Спарк решил навестить Веспу.

Выйдя в коридор, он постучал в соседнюю дверь.

— Войдите! — донеслось изнутри.

В комнате Веспы царил хаос. Дверцы шкафов были открыты. На полу стояли чемоданы. Веспа укладывался.

— Готовлюсь к отплытию, — встретил он Спарка. — Никогда в жизни не завязывал чемодан с таким удовольствием.

За дверью послышалось царапанье. В комнату вбежала белая лайка. Следом за ней показался раскрасневшийся, счастливый Дальтон.

— Она согласна, и я еду, — еще на пороге объявил он. — Она согласна... она согласна...

Он завертелся по комнате вместе с лайкой.

— Что с ним? — спросил Спарк.

— Не обращайте на него внимания, — успокоил Веспа. — Это — сумасшедший влюбленный. Он счастлив, что ему разрешили поджариваться возле предмета его любви.

— Она сказала: «Я готова вас полюбить за то, что вы хотите покинуть этот город...» — захлебывался Дальтон. — Я так несся по Банду, что полицейские не успевали прочесть мой номер. Она сказала: «Я готова вас полюбить». Вы знаете, я могу вылететь из этого окна! У меня за спиной крылья!

— Вылететь вы можете, но только тогда мы поедем без вас, — сказал Веспа. — Нам даже не удастся проводить вас в больницу или на кладбище...

— Не сердитесь на меня — я говорю глупости, — начал извиняться Дальтон.

— Вы бы лучше привели в порядок свои дела. Мы уходим сегодня после полуночи. В три часа вы должны вместе с Китти быть на берегу.

Она вам сказала?!

— Да, мы условились. Вы правы, я совершенно забыл, что мне еще нужно устроить свои дела.

— Помните, в три часа возле Вузунг-отеля, — напомнил Веспа.

* * *

К вечеру с реки поднялся туман. Он разливался по улицам, подступал к домам, обволакивал кварталы, разъедая город тяжелым кислотным газом.

Стены, углы, колонны ветшали, крошились, таяли, превращаясь в муть, в чад, в непроходимую, непроезжую мглу.

Вода, земля, небо текли дымовой завесой, и там, где катились огненные яблоки — автомобильные фонари — была земля.

Веспа ехал на рикше.

Воздух был взболтан, и, казалось, рикша стоит на месте, а бегут обломки домов, оторванные ветки деревьев.

Туман сравнял город. Улицы сеттльмента обнищали, как китайские переулки. Шанхай тянулся маревом.

Глухо, будто из-под земли, пролаяли собаки, обнаруживая Нантао.

Несколько раз рикша оступался. Вот он, замедлив шаг, пошел в гору. Начинался берег... Наконец, он опустил оглобли.

Вокруг маячили призрачные силуэты построек. В таком тумане с трудом можно было узнать собственный дом... Но запахи, запахи! По ним Веспа безошибочно определил — он во дворе гостиницы «Ста тысяч благоуханий».

Рикша протяжно крикнул в темноту.

Темнота ответила несколькими голосами. Показались огни фонарей, выраставшие с каждым шагом. Веспа пошел навстречу.

— Хорошая ночь.

Круглое лицо Тун-Фа выплыло мутной луной.

— Лодки готовы? — спросил Веспа.

— Все готово, — ответил Тун-Фа. — А деньги?

— Деньги тоже готовы. Они на пароходе. Кончишь работу — получишь. Сколько приготовил?

— Тысячу человек.

— Все здоровы?

— Все.

— Смотри! Я проверю. За каждого больного скину двадцать долларов. Где они?

— Все здесь.

— Пускай по одному. Считать будем на пароходе.

Сильный луч света золотым конусом раздвинул муть. Веспа держал в

руке электрический фонарь.

Двор ожил. Из тумана начали появляться люди. Они шли сплошной массой. Фонарь освещал лица, тела оставались в темноте.

— Гони скорей, — крикнул Веспа.

Тун-Фа отдал приказание. Головы посыпались, как тыквы, пущенные с горы.

Веспа внимательно осматривал мелькавший живой груз.

Тун-Фа хорошо выполнил заказ. Все кули были молодые и крепкие.

Когда последний кули исчез за воротами, Тун-Фа шепнул:

— Очень хитрый народ, насилу уговорил. Дальше Сингапура они не хотят.

— Ты только помоги посадить в трюм. Документы сделаны?

Тун-Фа протянул лист с печатями.

— Хорошо, — сказал Веспа, просмотрев бумаги.

Они пошли к реке.

Грузные джонки поскрипывали у берега. Два буксирных катера ждали сигнала.

Веспа с Тун-Фа, спустившись к воде, сели в ближайший катер.

— Трогай, — сказал Тун-Фа.

Застучали моторы. Взрезали воду проснувшиеся винты. Дрогнули и натянулись тросы. Джонки качнулись и медленно поплыли за катерами, уткнувшись носом в туман.

XXVI

Саизец доставил Ворду записку, ключ и автомобиль.

«Твое возвращаю тебе...» Китти, вероятно, писала одетая: буквы кривились, нервничая, словно им тоже было некогда, а последние и совсем едва были заметны; на них уже не хватило ни терпенья, ни карандаша.

Саизец с опущенными до пола руками стоял у дверей.

«Ключ, — думал Ворд, вертя в руках маленькую полоску стали. — Ключ от покинутого, опустевшего дома...» Пальцам стало холодно. Ворд положил ключ на курительный столик.

Китти поступила, как крестьянская девушка, которую насильно сделали королевой. Улучив минуту, она бросила дворец и ушла в поля, не взяв ничего, кроме старого платья.

«Что ж, может быть, так лучше, — подумал Ворд. — Ни дом, ни автомобиль не останутся долго без хозяйки».

Он невольно вспомнил вчерашнюю встречу с Айей Борг — любовницей итальянского консула, только что вернувшейся из Европы.

Рыжая непоседа дала ему понять, что она с удовольствием переменит надоевшие итальянские макароны на английский ростбиф.

А Агата? Ведь он сразу почувствовал неопровержимую женщину в

этой притворщице, несомненно, более интересной, чем Китти.

Но не женщины и выбор любовницы занимали сейчас Ворда.

Обращение Лондона за помощью к шанхайской колонии — вот что волновало его. Открывалось новое поле деятельности, создавалась новая политическая рулетка, колесо которой сулило соблазнительный выигрыш.

Честолюбивые замыслы овладели Вс рдом.

Положение премьера контрабандистов и чемпиона мошенников больше не удовлетворяло его. Ему мерещилась головокружительная карьера в масштабе эпохи.

Люди, поднявшиеся до вершин международной мощи, подхлестывали его своими успехами.

Василий Захаров, безвестный грек, в несколько лет ставший влиятельным банкиром, получивший от английского правительства титул «сэра», от Оксфордского университета — звание доктора, от Франции — орден Почетного легиона...

Лорд Берстед, до 1921 года называвшийся просто Самуэлем Маркусом, разбогатевший на торговле рисом во время голода в Индии и, в благодарность за особо важные услуги, оказанные британскому флоту, произведенный в лорды...

Канадский выходец Айткин, также сумевший заработать ловкостью и увертками имя лорда Бивербрука...

Все эти герои захватывающих авантюр возбуждающе действовали на воображение Ворда.

Как знать, какими милостями будет отмечена его работа по искоренению большевиков в Китае! Разве можно предугадать, во что выльются намеченные планы? Ведь Лига только начало...

Ворд считал себя созданным для большой игры.

Снабжать оружием хунхузов и продавать кокаин — это дело простых торговцев! Политика — вот спорт, которому он должен отдаться целиком!

Ворд начал подсчитывать данные.

Он решителен, смел, энергичен; он популярен, но не настолько, чтобы эта популярность вредила его деловой репутации; ни перед чем не останавливающийся, он никогда не страдал ограниченностью человека, локтями пробивающего себе дорогу.

Европейцы, живущие в Китае, признают две вещи: «make money» и «spend money»*. Делать деньги они хотят с наименьшей трудностью, тратить — с наибольшим шиком... Для остального у них нет ни времени, ни желания... Они будут рады свалить с себя политическую работу, лишь бы им не мешали курить трубку и играть в покер...

Обстоятельства складывались благоприятно.

* Делать деньги… пратить деньги.

Пусть большинство английской колонии тупоумно и инертно. Тем лучше! Он один потянет груз и один получит награду!

Действовать, действовать, действовать!!

Ворд вскочил с тахты и заходил по комнате шагами охотника, взволнованного решением отправиться на львов.

«Надо создать из Лиги грандиозный бум! Надо рекламировать ее, как новое мыло».

Ворд позвонил в контору.

— Послушайте, Хилл! Немедленно разыщите кого-нибудь в «Олимпике» и снимите театр на субботу. Уплатите чеком вперед... Сколько попросят.

Следующий звонок был Рейнелю.

— Рейнель? Говорит Ворд... Пора выходить на публику. Я снял на субботу «Олимпик». Надо обставить митинг как можно торжественней. От первого впечатления зависит многое. Подумайте и давайте завтра соберемся для выработки окончательной программы.

Телефон работал не переставая. Ворд звонил в «North China Daily News», в «Gazette» и даже в «Chinese Courier». Он просил все газеты оповестить читателей о первом публичном выступлении Лиги — в субботу в театре «Олимпик».

Потом он разговаривал с представителями разных телеграфных агентств.

Представителю «Рейтера», не раз прибегавшему к его помощи в денежных затруднениях, Ворд продиктовал в телефон:

— «Шанхай. Для борьбы с коммунистической пропагандой, по инициативе английской колонии, здесь организовалась “Лига защиты конституции”, в которую входят одиннадцать национальностей, включая китайцев и японцев. Избран временный комитет, возглавляемый популярным коммерсантом и общественным деятелем Липтоном Вордом. За короткий срок своей деятельности Лига провела значительную работу по объединению разрозненных антибольшевистских группировок и подготовке общественного мнения для решительного противодействия советскому влиянию в Китае».

Ворд напоминал капитана, через трубку отдающего приказания в машинное отделение.

Последним, кому он позвонил, был Спарк.

— Мистер Спарк! С вами говорит председатель «Лиги защиты конституции». Наша организация приглашает вас на свой митинг. Вы не откажетесь в числе других высказать свое мнение об охране культуры? Заранее приносим вам свою благодарность.

Отправив саизца стеречь опустевший коттедж, Ворд вышел из дому.

Голубой автомобиль ждал, растянувшись вдоль тротуара.

Ворд сел за руль и понесся на Нанкин-род.

Был час ленча. Улицы сеттльмента пестрели машинами, толпившимися у дверей кафе. Бровка тротуара возле кафе «Cold Cream» была усея-

на иностранными флажками.

— Консульский час, — вспомнил Ворд, — удобный случай передать консулам приглашение на митинг.

Пополнив голубой краской радугу автомобильных кузовов, отражавшихся в ослепительно-белом фасаде, Ворд вошел в кафе.

Внутри, по обыкновению, царила мрачная торжественность.

Столики из черного мрамора и черная лакировка стен открыто враждовали с белоснежными халатами прислуги, двигавшейся с грацией привидений.

Пухло-розовое, как нашлепанный детский зад, лицо американского консула Хена маяком светило над консульским столиком.

Ворд ясно расслышал кудахтанье итальянского консула Гаффи, а подойдя ближе, увидел и его преувеличенный монокль, прикрывший правый глаз.

Черные усы бельгийского консула, забрызганные бело-рыжей пеной, подтверждали устойчивые вкусы мсье Канна, неизменно пившего в этот час коньяк с холодными сливками.

Консулы оживленно обсуждали несчастье, постигшее их французского коллегу д'Анжу, «жена» которого (занимавшийся в канцелярии консульства молодой метис) сбежала с подлинной супругой консула.

— Неблагодарный! — возмущенно кудахтал Гаффи. — Предпочесть женщину такому нежному, заботливому другу.

— Что можно требовать от дилетанта? — купая усы в сливках, вздохнул Канн. — Этот метис обладал слишком бурным темпераментом, мешавшим ему довольствоваться нюансами.

Появление Ворда прервало беседу.

— Что заставило вас вспомнить о существовании «Острова мертвых»? — игриво воскликнул Гаффи. — Неужели траур по ушедшей любовнице?

— Лучший памятник неудачной любви — новое удачное увлечение, — подсаживаясь к столу, ответил Ворд.

— Уже? — заинтересовались присутствующие. — Скажите нам скорее имя заместительницы.

— Ее зовут Лига.

— Лига?! — раздались недоумевающие голоса. — Это, конечно, псевдоним?

— О нет, это настоящее имя моего нового увлечения. Все мои чувства принадлежат «Лиге защиты конституции», первый митинг которой, я надеюсь, вы почтите своим присутствием?

— Очень оригинальная любовница, — одобрил Хен. — А где состоится встреча?

— В «Олимпике», в субботу, за полтора часа до премьеры «Ненавистников женщин».

— Se non e vero, e ben trovato*, — прокудахтал Гаффи.

---

* Если это и неправда, то хорошо придумано.

Канн посмотрел на экспансивного итальянца с явным недоверием. Гомосексуальные симпатии Гаффи пока что висели в воздухе. Они не шли дальше эффектных фраз. В их основе могло лежать стремление не отставать от моды или просто хитрый дипломатический ход.

Наличие любовницы, с которой Гаффи, по-видимому, не собирался расстаться, еще более усиливало подозрения.

И, словно вызванная силой внушения, в кафе влетела стремительная Айя Борг.

Скользнув рукавами мехового кимоно по встречным столикам, она заиграла ногами у консульского стола.

— Не вздумайте отнести мой приход за счет ваших отсутствующих достоинств, — бросила она вместо приветствия. — Я забежала в кафе только потому, что увидела голубой «непьер» и почувствовала, что среди вас случайно затесался мужчина. Как долго, Лип, собираетесь вы торчать в этом похоронном бюро?

— Я готов, — сказал Ворд, — и охотно подвезу вас куда прикажете.

Меховые рукава метнулись.

— Прежде всего, я хотела бы добраться до вашего сердца.

— Нестоящее путешествие, — пропуская даму вперед, рассмеялся Ворд. — Итак, господа, — попрощался он, — в субботу в «Олимпике».

XXVII

— Если верно все, что вы здесь написали, — перебирая листы, сказала Агата, — я просто в отчаянии... Шестилетние крошки работают на фабрике по двенадцать часов в день! Ад может похвастаться большей гуманностью!

— Не забывайте, мисс Гаррисон, где вы находитесь, — возразил Бертон.— Вы в Китае. В Китае, где все не так, как у нас, все наоборот: мысли, вкусы, костюмы. Мужчины ходят в юбках, женщины в панталонах. Мы едим свежие яйца, китайцы — тухлые. Вы новичок, и потому вас удивляют самые заурядные вещи.

— Я понимаю, что Китай — не Англия, — согласилась Агата, — но ведь нельзя представить, чтобы ткач, получающий шестнадцать центов за пятнадцать часов работы, находился в нормальных условиях?!

— Для Китая — это нормально. На фабриках работают целыми семьями. Пятьдесят центов на семью — этого вполне достаточно.

— Пятьдесят центов — цена рюмки коктейля!

— Кули не пьют коктейлей. Они довольствуются чаем без сахара. У них дешевые вкусы.

— Нет, нет... Я с вами не согласна! Есть какой-то минимум человеческого существования. Точно так же, как есть максимум человеческой эксплуатации. Здесь написано: «Рабочий день продолжается от двенадцати

до шестнадцати часов, а в некоторых случаях доходит до восемнадцати часов в течение круглой недели». Мириться с этим — значит мириться с убийством.

Консул снисходительно улыбнулся.

— Вы — женщина, мисс Гаррисон, и поэтому вы наделены чрезмерной чувствительностью. Повторяю: то, что вредно на берегах Темзы, весьма полезно на берегах Ян-Цзы. Кули привыкли работать и, если им дать больше денег, они их истратят на опиум.

— Но ведь забастовки опровергают ваши слова. Очевидно, кули не совсем довольны.

— Забастовки в Китае — импортный продукт. Они — результат деятельности русских коммунистов, на которых мы, к сожалению, обращали мало внимания. Теперь мы приняли меры, и вы увидите, как все устроится...

— Я несколько иного мнения о природе социальных конфликтов.

— Мы, правительственные чиновники — люди практики, — возразил Бертон. — То, что вы объясняете разными книжными теориями, мы относим к недостаточной бдительности полиции.

Консул был явно обижен.

— Кроме того, — добавил он, — у нас есть предприятия, которыми мы можем гордиться. Условия работы на фабриках «Англо-американской табачной компании» способны привести в восхищение самого требовательного защитника рабочих интересов.

— Приятно слышать! — воскликнула Агата. — Находятся, значит, предприниматели с современными взглядами?

— К счастью, их немного, — сказал Бертон.— Ровно столько, сколько нужно для колониальной рекламы. Иначе это слишком невыгодно отразилось бы на дивидендах.

— Мои планы не меняются, — решительно заявила Агата. — Я приложу все усилия для проведения закона об охране детского труда. Вы должны мне в этом помочь.

— Сочту приятной обязанностью, — расшаркался Бертон. — Полагаю, что меньше чем через четверть века мы с вами добьемся какого-нибудь успеха.

— Вас нельзя обвинить в оптимизме!

— В тех случаях, когда дело касается Китая. В этой стране не торопятся. Здесь все живут так, как будто у каждого в запасе целая вечность. Здесь ценят привычки, а не реформы. Сонная нация!

— Европа говорит о пробуждающемся Китае.

— Детские страхи! Европа читает телеграммы о портовых забастовках и бьет тревогу. Но мы, живущие здесь, знаем цену этим волнениям. Несколько зерен риса, брошенных в грязную чашку; несколько голов, сброшенных с плеч, и — все будет по-старому...

— Я не симпатизирую революции, тем более большевистской, — сказала Агата, — и буду очень рада, если цивилизации удастся удержать здесь свои позиции.

— Смешно думать иначе! Восемьдесят лет мы тратим здесь энергию и капитал: строим фабрики, создаем города. Китай — наш вечный должник!

Из передней донесся шум.

В кабинет вошел секретарь.

— Мисс Кун хочет вас видеть, сэр.

— Вы позволите? — обратился Бертон к Агате.

— Конечно.

Приход Фей обрадовал Бертона, не терпевшего серьезных разговоров.

Комната наполнилась духами и легкомыслием.

— Я покинута, — весело гримасничая, объявила Фей. — Мой немецкий мальчик бросил меня ради каких-то красавиц из собачьего племени. Я нуждаюсь в срочном утешении...

Бертон с удовольствием смотрел на оригинальную китаянку.

— Я не вижу ничего мокрого, — удивилась Фей. — Разве бой не успел еще принести?

— Мы с консулом вели сухой разговор, — пошутила Агата.

— Тем более, — воскликнула Фей. — Кто же в наши дни разговаривает без коктейля?

— Бой! — радостно позвал Бертон.

— А что вы можете предложить? — поинтересовалась Фей.

— Все, что хотите.

— Я хочу что-нибудь соответствующее моему настроению.

— Разве коктейль должен соответствовать настроению?

— Еще бы! После ссоры не та же жажда, что после сентиментального рандеву. Пить в саду при луне — это совсем другое, чем пить в комнате при электричестве!

— Целая теория!

— А вы думали! Сейчас я бы выпила «New Alexandra». Это располагает к дружбе.

— Скажите, из чего он составляется — и бой приготовит, — засуетился Бертон.

— Стакан русской горькой, полстакана коньяку, стакан «crème de cacao» и столовая ложка свежих сливок.

— Чудесная смесь! — воскликнул Бертон. — Я чувствую, что знакомство с вами расширит мое образование.

Бертон с увлечением передал бою полученный рецепт.

Испорченный подросток с коротко остриженной волчьей головой и мальчишескими манерами очаровывал консула своей изощренностью.

— У вас необычайно веселые духи, — сказал Бертон, подходя к Фей.

— Когда я заказывала их в Париже, я просила выразить запахом мою сущность.

Агата с любопытством наблюдала триумфальный въезд Фей в консульское сердце.

XXVIII

Спарк несколько часов блуждал в путаных закоулках Чапея. Немытые ребятишки ползали по земле, забиваясь в глиняные щели и снова выползая наружу. Сосредоточенные псы вели на буксире слепых стариков, медленно шагавших за четвероногими проводниками.

Улицы жужжали сигналами бродячих цирюльников, перекликались звонками рикш, клокотали водой кипящих котлов, в которых плавали ушастые свиные головы.

Дома были одинаковы. Глина. Грязь. Битая черепица. У дверей — лысые старухи с черными ртами.

Низкорослые ослики тащили скарб буддийских монахов, заполнявших развевающимися мантиями незначительное пространство между домами.

Темные переулки тянулись траншеями, заваленными крошевом тел. У этих безрадостных кварталов было страшное лицо нищеты, вплотную прильнувшее к нарядным улицам сеттльмента.

Непостижимое соседство лачуг, до потолка наполненных порохом горечи, навевало тревожные мысли.

Спарку почудилось, что он ступает по руслам пересохших каналов, обступивших со всех сторон европейскую часть Шанхая. Ему казалось, что он идет по отмели, обнаженной отливом, тинистой, липкой, полной отбросов и влажных запахов. Море ушло куда-то, его не было видно, но каждую минуту оно могло нагрянуть, и тогда пересохшие каналы вздуются от воды, и кто знает, не захлебнется ли в волнах беспечное благополучие сеттльмента!?

В раскрытые двери мастерских было видно, как внутри склонялись над работой резчики, сапожники, паяльщики, кузнецы.

Странный скрежет привлек внимание Спарка. Он заглянул во двор. Навалившись грудью на длинный шест, двое молодых китайцев, идя по кругу, вертели тяжелый жернов. Это он скрипел каменными зубами, перемалывая засыпанное зерно.

Люди сеттльмента не интересовались судьбой соседних кварталов.

— Там живут кули, — презрительно поясняли проводники и везли откормленных туристов в универсальные магазины, где те с жадностью набрасывались на игрушечных будд и шелковых драконов.

Похоже было, что сеттльмент, отгородившись старыми ширмами, подменил действительность угодливым вымыслом.

На широкой площадке набережной, освещенной огнями Нанкин-род, под дирижерские взмахи полицейских дубинок, разыгрывались колониальные пасторали.

Стоны кули заменяли пение хора. Гудки пароходов звучали новым оркестром. Зрители занимали ложи ночных притонов, кресла клубов, бельэтажи особняков, упоенные своей силой, которая позволяла иметь в

качестве труппы четырехсотмиллионный китайский народ.

Это было странное развлечение — подкладывание бомб под собственный стул, — но люди сеттльмента не умели веселиться иначе.

На волнах катастроф они въехали в Китай, и гребни гнева должны были вынести их оттуда.

Трагедия мировой войны, разыгравшаяся на другой половине материка, не научила их мудрости.

Развращая чиновников и покупая генералов, они забыли о кули, в сознании которых зрели решения, неожиданные для Европы.

Спарк вышел на Бабблинг-вэлл.

Белые постройки ипподрома разлеглись, как туристы на деке парохода. Многочисленная свита укатывала дорожки, заботясь об удобстве чистокровных копыт. Щеголявшие крупами тонконогие лошади походили на красавиц, разгуливающих по пляжу в разноцветных трико.

Взобравшись на площадку, разрезавшую трамвайный вагон на две половины, Спарк дернул дверь.

— Вы ошиблись, сэр, — обернулся к нему кондуктор. Это — второй класс.

Спарк увидел, что в отделении, куда он хотел войти, на простых жестких скамейках сидели одни китайцы.

Передняя половина вагона, сиявшая полированной фанерой, была отведена для европейцев.

— Внутри много места, — предупредительно отодвинул дверцу кондуктор.

— Maskee*, — ответил Спарк и остался на площадке.

XXIX

С половины шестого чернобородые сикхи, стоявшие на ближайших к «Олимпику» углах, едва успевали поворачивать лопасти семафоров, пропуская автомобильный поток, обрывавшийся у подъезда театра.

Манто и плащи соскальзывали с подножек и скрывались в дверях, настигаемые раздувавшимися регланами.

Непьер Ворда высадил облитую голубовато-серым паном Айю Борг с серебряными ногами, похожими на влюбленных змей, вытянувшихся рядом под одеялом беличьего манто.

Из подплывшей зеленой «изотты» выпорхнула красно-желтая Фей.

Конкурс туалетов и машин расширялся с каждой минутой. Автомобильная стена делалась непроходимой. Тротуары заставились караулом зевак.

Темно-вишневый «фиат» с итальянским флагом привел флотилию

* Сойдет, ладно.

консульских машин: оливковый «рено» — опечаленного д'Анжу, широкоплечий «гудзон» — Хена, маленький, хрупкий «ситроен» — Канна.

В старомодно высоком «роллс-ройсе» приехал с женой и сыном Мак-Николь.

Кобальтовый лимузин под английским флагом привез Агату и Бертона.

Скучающий на киноплакате среди обнаженного гарема русский князь вызывал любопытство женщин и недоумение мужчин.

В навощенном линолеуме фойе отражались ноги. Дамы в мехах и мужчины в темных костюмах мало походили на участников митинга.

Задержавшийся у дверей Гаффи искал моноклем интересных впечатлений.

— В Шанхае появились свежие креветки, — сказал он, обращаясь к французскому консулу, — и Бертон первым хочет полакомиться...

Необычайный туалет и своеобразная красота Фей привлекали всеобщее внимание. Бархатное платье цвета настурции плотно облегало мальчишескую фигуру. Желтый плащ, подбитый синими перьями марабу, делал ее похожей на закутавшегося в ночь бедуина.

Спарк разговаривал с Агатой, спрятавшей в кринолин из салатных листьев свое притаившееся, лукавое тело.

Новые женщины и мужчины входили в театр.

Голосистый звонок потянул на места. Партер и бельэтаж начали ткать причудливый ковер.

На шелковой ленте, протянутой по темному занавесу, золотыми буквами была выбита надпись: «Лига защиты конституции».

Придвинутый к рампе длинный стол и трибуна с графином говорили о торжественности предстоящего митинга.

В консульских ложах сидели представители значительных, менее значительных и совсем незначительных держав.

Америке, Англии, Франции, Японии были отведены первые места; за ними шли — Бельгия, Италия, Испания, Норвегия.

Задние ряды занимали Португалия, Дания, Швейцария.

Советскую Россию вычеркнули совсем.

Угроза «культурному миру», собравшемуся сегодня ее судить, она могла занять в этой зале только скамью подсудимых.

Переполненный зал вмещал всех блестящих представителей европейского Шанхая.

Банкиры, таможенники, муниципал-генералы, владельцы пароходных контор, торговцы шелком, контрабандисты, главари опийных трестов, магнаты публичных домов с женами и любовницами явились на митинг, подогретые анонсами хлопотливых газет.

Представители прессы приготовили бумагу. Из-за занавеса с торжественными лицами вышел комитет Лиги, занявший места за столом.

В центре сели Мак-Николь и Ворд. Слева от Ворда устроился нагруженный книгами Рейнель. Рядом с Мак-Николем и Рейнелем размести-

лись остальные члены комитета.

Когда в зале прекратились разговоры, Ворд поднялся с места.

— Леди и джентльмены, — начал он. — Как представитель «Лиги защиты конституции», объявляю митинг открытым. Мы постараемся не задержать вас дольше, чем понадобится; но я должен предупредить, что особая важность предпринятого нами дела требует внимательного обсуждения. Поэтому в первую очередь мы прослушаем доклад нашего дорогого Рейнеля, взявшего на себя тяжелый труд познакомить вас с коммунизмом. Выяснение вопроса «что такое коммунизм» поможет нам отчетливее наметить цели. Организованное нападение на общечеловеческую культуру должно быть отбито. Доклад адвоката Рейнеля приподнимет завесу, скрывающую истинные причины забастовок и прочих волнений, появившихся в этой стране. Давайте же внимательно прослушаем доклад, после которого каждый может высказать свое мнение. Итак, с ваше-го разрешения, я попрошу мистера Рейнеля приступить к делу.

Рейнель разместил на трибуне нужные материалы и, пустив в ход маятник головы, начал:

— Мистер председатель, леди и джентльмены. Мы организовали Лигу, называемую «Лигой конституционной защиты». Почему мы ее так назвали? Потому что в основе человеческой цивилизации всегда лежало право добровольного сотрудничества, а не насильственное принуждение. И еще потому, что большевики-коммунисты желают заменить право народа свободно выражать свою волю насилием над человеческой личностью.

Рейнель сделал красноречивую паузу.

— Что такое коммунизм? Коммунизм — это идеальная утопия, выдуманная восемьдесят лет назад двумя горячими неуравновешенными головами Карла Маркса и Фридриха Энгельса, занимавшихся профессиональным мечтательством. Коммунизм — это общество, в котором все принадлежит всем и никому в частности. Для того, чтобы установить коммунистический строй, нужно перебить и переломать всю цивилизацию. Это избиение называется социальной революцией.

Зал зааплодировал.

— Мозгам Маркса, — продолжал ободренный Рейнель, — нельзя отказать в оригинальности, но эта оригинальность специфического свойства. Подобно Аттиле и Тамерлану, прусский доктор оказался гением разрушения, подарившим человечеству дьявольскую теорию, реализованную русскими большевиками с необузданностью, превосходящей чудовищные фантазии. Самое страшное в наследстве Маркса — это диктатура пролетариата — жесточайшая из тираний, когда-либо существовавших на земле! Эта тирания ужасна тем, что она уничтожает все, над чем человечество трудилось тысячи лет: религию, семью, мораль, законы. К счастью для судеб вселенной, эти дикие идеи пустили корни только в дикой стране. Русские крестьяне, привыкшие к угнетению со времен сумасшедших царей, покорно подчинились безумствам большевиков. Вы

спросите: а как же другие страны? Ведь семена большевиков разбрасываются всюду? Разбрасываются, согласен, но культурная почва мало пригодна для красных зерен. Большевики носятся по свету кукушками, пытаясь подкладывать свои яйца в чужие гнезда, но эти яйца тотчас же выбрасываются вон.

Голос Рейнеля звучал победно.

— Европа обманула коммунистические надежды. Здравый смысл и бдительность правительств, — Рейнель сделал поклон в сторону консульских лож, потянув за собой внимание зала, — свели на нет отчаянные усилия коммунистов. В настоящее время не найдется ни одной европейской страны, где бы коммунистическое влияние было заметно. Коммунизм потерпел крах, но опасность еще не миновала.

Рейнель схватил графин за горло, как символического большевистского гуся, и эффектно отвернул ему хрустальную голову. В подставленный стакан хлынула прозрачная, белая кровь.

Публика с удовольствием смотрела мимическую интермедию. Дамы, вытащив туалетные ящички, принялись подрисовывать потускневшие рты.

Лю не спускал глаз с Агаты. Айя Борг из первого ряда дразнила Ворда открытой до колена шелковой ногой.

Напившись воды, Рейнель возобновил атаку.

— Разгром коммунизма в Европе и надежный барьер, воздвигнутый объединенными усилиями наций, заставил большевиков перекинуться на Восток. Почти исключительно в Китай.

— Леди и джентльмены! — Рейнель угрожающе вытянул руку, — Китай, вот где гнездится сейчас мировая опасность!

Зашевелившиеся ряды с напряженным вниманием уставились на руку докладчика, словно в ее тонком дупле скрывалось злополучное гнездо.

— Русские, — патетически продолжал Рейнель, — не вполне европейская раса. В расовом и культурном отношении они представляют любопытный тип с значительным азиатским уклоном. «Нас разбили в Европе, — сказали они себе, — перенесемся в более родственную обстановку. Будем распахивать поля, близкие нам по духу. Пойдем по путям, протоенным еще при царях, к берегам Тихого и Индийского океанов!» И вот они в Китае, открывающем, благодаря своему хаосу, блестящие возможности для коммунизма.

Рейнель понизил голос до зловещего шопота.

— Они забрались в Кантон, открыли школы в Пекине, разослали своих агентов во все порты Китая. Они проникли в Шанхай, наводнили его прокламациями... Посадили в университеты коммунистических профессоров, развращают студентов, заставляя их отказываться от великих китайских традиций... На каждой фабрике они учредили тайную, заговорщическую организацию. Они натравливают на нас кули...

Публика нервно заерзала.

— Не ограничившись городами, они устремились в деревни, разлив-

шись по Китаю красным наводнением.

Лицо Рейнеля приняло глубокомысленное выражение.

— И еще находятся люди, не верящие в успехи коммунизма в Китае, утверждающие, что консерватизм китайских крестьян и вековые традиции — надежная защита против коммунизма! Это не довод! Зубы дракона посеяны по всему Китаю, и уже зреют всходы грядущих катастроф.

Рейнель протянул к публике скрюченные пальцы, как бы демонстрируя зловещий посев.

— Думаете ли вы, леди и джентльмены, бороться с надвигающейся бедой? Тревожит ли вас сознание, что ваша цивилизация может быть уничтожена?! Удручает ли вас вымирание славных китайских обычаев?!

Сделав паузу, он начал забрасывать зал словами.

— Мы собрались сюда, чтобы поразмыслить над способами защиты старой цивилизации, организовать отпор врагу всех народов — русской революции. Мы не только должны подумать о защите, мы должны также изыскать способы двинуть по старой дороге остановившуюся колесницу прогресса. Величайшее наше зло — апатия. Мы должны побороть это зло. Мы должны освободить себя и Китай от большевизма!

Рейнель сошел с трибуны под громкие аплодисменты. Он рассеянно погладил лоб, сложил брошюры и. откинувшись на спинку стула, усталой улыбкой встречал одобрение зала.

Непривычное умственное напряжение облагородило его приторное лицо.

«Если бы у него было больше денег, его можно было бы назвать интересным», — подумала Айя, облизывая пробку, слезящуюся духами.

Спарк страдал. Его соседка с наклеенными бровями пахла, как нагретый резиновый макинтош.

Покрытые инеем виски Ворда поднялись над столом.

— Леди и джентльмены! Вы очень красноречиво выразили одобрение блестящей характеристике коммунизма, сделанной мистером Рейнель. Я очень доволен, что он говорил так долго и высказал многое из того, что я предполагал сказать сам, конечно, не так блестяще, как сделал это наш дорогой адвокат.

— Группа шанхайских дельцов всех национальностей, — продолжал он, переходя к делу, — решила положить конец красной пропаганде. Наша Лига открывает запись волонтеров обоего пола. Должен порадовать: уже много крупных торгово-промышленных и финансовых предприятий обещали Лиге значительную поддержку! Успех нашего сегодняшнего митинга окрыляет нас! Тот факт, что я вижу перед собой много очаровательных женщин, пожертвовавших ради общественных нужд своими привычками, еще более подкрепляет веру в наши успехи. Напрасно нас упрекают в изнеженности! Мы не против отдыха и забав всякого рода, но мы сумеем сочетать их с политической активностью. Нашим девизом должно стать: «Сначала политика, потом развлечения».

Польщенные женщины устроили Ворду овацию. Они с гордостью по-

чувствовали, что взоры гибнущей цивилизации с надеждой устремлены на них.

«Какой он чудный! — нервничала каблуками Айя. — В его автомобиле я готова на всякий подвиг!»

— С сегодняшнего дня Лига выходит на широкую дорогу. Я не сомневаюсь, что большинство присутствующих будет ее членами. Наши единомышленники разбросаны по всему свету. Цивилизация мобилизует лучших своих детей. Попросим австралийского журналиста, мистера Спарка, присоединить свой голос к нашим речам...

Спарк без сожаления расстался с прорезиненной соседкой и понес на трибуну широко раскинутые плечи.

Вот показалась его голова, похожая на сноп спелой пшеницы, и правая рука скакнула вверх, как бы подбрасывая монету.

— Я боюсь, что не оправдаю надежд, возложенных на меня любезным председателем. Мой взгляд на цивилизацию не имеет ничего общего с тем, что я здесь слышал. Мы, австралийцы, ценим труд и считаем его единственной основой жизни. Только тот, кто трудится, должен благоденствовать. Европейская цивилизация заменила труд изворотливостью. Эту изворотливость она перенесла в колонии, заставляя других работать на себя. Но обман, удавшийся сегодня, завтра становится видимым!

Стулья дрогнули, словно испытав подземный толчок. Большинство лиц носило выражение растерянности.

Рейнель снова подурнел: покрасневшие щеки пополнели от негодования.

— Что дала Китаю европейская цивилизация? — громко спросил Спарк. — Вы скажете: все. А я говорю: ничего! Отели и виллы на китайской земле цивилизация воздвигла для своего пользования. Сады, которые она развела, она развела исключительно для себя! Кто строил виллы и разводил сады? Китайцы! А что они получили за свою работу?

В зале послышался громкий ропот.

— Вам не нравятся мои слова? Но я и не собираюсь говорить комплименты. Лучше узнать правду в начале, чем открыть ее, когда приходит конец. Цивилизация заботилась в колониях только о себе. Колониальным народам ничего не оставалось, как самим позаботиться о своей судьбе. Вы говорите о заслугах цивилизации? Где они? Китай не знал опиума — цивилизация насильно заставила его отравляться, потому что это сулило крупные барыши. Китайское крестьянство попробовало улучшить свое положение, подняв восстание тайпингов — цивилизация пушками подавила его. В пяти минутах езды отсюда начинаются кварталы, где задыхаются люди, построившие этот город!

— Он защищает кули! — раздался негодующий голос.

— Кули сами себя защитят, — спокойно ответил Спарк. — Они уже двинули колесницу прогресса по новой дороге. В забастовках и волнениях виноваты не большевики, а европейцы, смотрящие на Китай, как на скотный двор. Неумно искать виновников всюду, только не в самих себе!

Можно пожалеть старую цивилизацию, не желающую отказаться от своих ошибок, но защищать ее — бесполезно.

Спарк сошел с трибуны, и его плечи плавно поплыли над буграми притихших рядов.

Долго сдерживавший себя Мак-Николь дал волю накопившемуся гневу.

— Этот молодой человек, — погрозил он вслед Спарку, — такой же англичанин, как я — лошадь. С трудом дослушав его до конца, я могу сказать одно: если бы на его месте был мой сын, я стащил бы его с трибуны собственными руками. Все, что он говорил, — чепуха, не заслуживающая внимания. Так может говорить только фантазер. Пока не было русских большевиков, мы спали спокойно. И, если мы желаем комфортабельно спать и дальше, мы должны очистить Китай от красных. Он советует нам подумать о кули! Я двадцать лет вижу этих животных и меньше всего хочу о них думать! Наша Лига организована для приличных людей. Все приличные люди — наши друзья. Мы должны дружно взяться за работу, и нарушенный порядок будет восстановлен...

Мак-Николь грузно опустился на место под шумное одобрение всего зала. Публике были приятны слова, оправдывающие ее поступки, вкусы, преступления. Но уже чувствовалась некоторая пресыщенность. Многие поглядывали на часы. Приближался час джаза и флирта, священный для всех присутствующих.

Ворд уловил настроение публики, начинавшей тяготиться затянувшимся митингом.

— Леди и джентльмены! Позвольте поблагодарить вас. Ваша готовность стать на защиту цивилизации заслуживает самой высокой похвалы. Закрывая митинг, я горжусь своей привилегией, позволяющей мне надеяться еще не раз поговорить с вами.

Щедрые аплодисменты проводили Ворда.

Розовые, бежевые, песочные женские ноги радостно вырвались на электрический свет.

«Файв-о’клок, а не митинг», — подумал Спарк, направляясь к выходу.

Возле киноплаката его ждали несколько молодых китайцев в европейских костюмах.

— Мы, студенты-журналисты, — отрекомендовались они, — благодарим вас за то, что вы иначе думаете о Китае, чем ваши соотечественники. Вы не откажете нам дать статью в журнал и прийти к нам в редакцию в гости?!

— С удовольствием, — пожимая руки, сказал Спарк.

Он был рад неожиданному знакомству со студентами. Их упрямые лица и горящие глаза были полны мужественной энергии. Это был тот Китай, с которым Спарк давно искал встречи.

———————

XXX

С того дня, как «Долорес», распустив белую фату парусов, повенчалась с ветром, жизнь на ней стала похожа на сон.

Низкие китайские берега, кинувшиеся в погоню, давно отстали и скрылись из виду. Обиженно вздрагивая, сторонились туманы, раздвигаемые уверенным килем. Шуршали волны, осыпаясь назад. «Долорес» неслась по голубому лугу навстречу звездам, с каждой ночью становившимся все крупней.

Мелькнул Гонконг... Показалась Манила... «Долорес» останавливалась и уходила дальше в обнимку с ветром, шарившим в юбках парусов. Океанские зори засыпали цветами. От Манилы волны покрылись фиалками, и «Долорес» шла по лиловой дороге под небом, полным сиреневых облаков.

Три недели промелькнули, как час любви. Каждый день звучал неслыханной сказкой.

Китти полюбила золотую малагу, брови Гонзальво, песни Паскуале. Она примирилась с обожанием Дальтона. Ее не оскорбляло равнодушие Веспы.

За весь путь не выпало ни одного ненастного дня. Ветер переживал медовый месяц.

Последняя остановка была в Минданао.

Китти рассматривала шляпы моросов* с лыковыми цепями, заковывавшими подбородки.

Дальтон принес ворох цветов, росших у океана на высоких деревьях.

После Минданао счастье изменило «Долорес». Ветер неожиданно скрылся куда-то. Вместо него появилась жара, подступившая белым туманом. Паруса съежились и обмякли. Стало трудно дышать. Трюм застонал и начал громко бредить.

Гонзальво охватила тревога.

— Куда провалился этот проклятый ветер! — недовольно бормотал он, всматриваясь в океан.

Но ветра не было. Паруса, ошпаренные зноем, покрывались волдырями. Палуба потела. Дерево, кожа, железо, канаты испускали дурной и тяжелый запах. «Долорес» шаталась, близкая к обмороку.

Никто не обращал внимания на закат.

Китти ворочалась в гамаке, как задыхающаяся рыба. Веспа, у которого пропала охота фехтовать с Дальтоном, подошел к Гонзальво.

— Мы, очевидно, проезжаем над адом! Что вы думаете о веере из брезента, подвешенном к рее? Десяток кули, дергающих веревки, живо охладят этот зной.

— Можно распорядиться, если хотите, только вряд ли это поможет.

---

* Племя, населяющее некоторую часть Филиппинского архипелага.

Мы застряли на пороге экватора. В этих местах корабли всегда превращаются в горшки, засунутые в печь.

Закрытые люки трюма затряслись от ударов.

— Желтые черти ведут себя отвратительно, — сказал Гонзальво. — Им, должно-быть, здорово жарко внизу!

Обнаженный до пояса матрос открыл люк. Тревожный вой вырвался на палубу. Из трюма высунулись встрепанные головы. Веспа подошел к люку. Китайцы, размахивая руками и перебивая друг друга, отчаянно кричали.

— В чем дело?—спросил Гонзальво.

— Они говорят, что в трюм проникли злые духи, напустившие на них страшную болезнь. Уже умерли двое, которых духи затрясли до смерти. Они просят отвезти их назад, так как духи против поездки.

— Дьявол бы побрал их вместе с духами! — загремел Гонзальво. — Опустите люк, — приказал он матросам.— Куда пропал этот проклятый ветер?! Он нам нужен, как никогда.

Матросы запихнули в дыру воющих китайцев и опустили люк.

Гонзальво схватил Веспа за руку и потащил к борту.

— Вы знаете, что за гостья пожаловала к нам? — зашипел он. — Это может быть холера, — холера, которая унесет все наши надежды, если не нас самих.

Веспа вздрогнул. В летнюю жару в узких переулках Шанхая он видел немало скрюченных трупов.

— Проклятая духота уничтожит весь груз! — стонал Гонзальво. — Ах, если бы ветер! Если бы ветер! При хорошем ветре «Долорес» за сутки домчит до Тимора!

Но ветра не было. Мутная ночь бродила по волнам белым привидением.

— Почему вы подумали о холере? — спросил Веспа. — Они просто могли задохнуться.

— Ах, если бы они задохнулись! Это было бы счастье! Я согласен подарить жаре еще целую сотню кули. Нам все-таки останется хороший барыш.

Они перешли на корму.

— Как узнать, что там у них внизу? — бормотал озабоченный Гонзальво. — Холера или только духота?

— Есть способ! — воскликнул Веспа. — Надо сказать, чтобы они выбросили на палубу трупы. Мы узнаем холеру по рукам мертвецов...

— Пойдемте, пойдемте, — заторопил Гонзальво.

Подозвав матросов, они направились к люку. Матросы немного приподняли люк. Веспа, наклонившись к щели, крикнул по-китайски. Кули ответили пронзительным воем.

— Они не желают отдавать мертвых. Они требуют, чтобы их всех выпустили на палубу.

— Пусть сначала их передушит холера! — сердито крикнул Гонзальво.

Матросы снова закрыли трюм.

— Я задыхаюсь!.. — просипел Гонзальво. — Пойдемте немного промочим горло.

Подвешенный на ремнях бочонок качался, как детский гробик.

Гонзальво остановил его и, повернув кран, подставил стаканы. В стаканы полился жидкий мед.

— Если это холера — они начнут дохнуть, как мухи, — бормотал он. — Кто бы мог подумать, что удача станет бедой.

— Мы слишком пожадничали, — сказал Веспа. — Надо было оставить больше места. Они лежат друг на друге.

— Какой толк об этом говорить? Меня беспокоит отсутствие ветра. Через день мы задохнемся от трупной вони!

Веспа мрачно тянул малагу.

— Я тоже хочу пить, — сказала Китти, входя с Дальтоном. — Никогда в жизни не испытывала такой жажды.

Гонзальво достал коньяк.

— Как было хорошо ехать!.. — жаловалась Китти. — Зачем мы застряли в этом аду?!

Стакан коньяка подбодрил ее.

— Ветер, ветер, — повторил Гонзальво. — Все дело в ветре.

Китти вдруг заметила тщательно завязанный галстук Дальтона.

— Вы с ума сошли! — крикнула она. — Сейчас же снимите галстук. Глупо задыхаться от избытка воспитанности.

— Тогда разрешите, я пойду переменю эту сорочку на теннисную.

— Ступайте, меняйте, а еще лучше, если вы наденете пижаму. Возвращайтесь, и мы будем пить.

Дальтон пулей вылетел из каюты.

Гонзальво все чаще наполнял стаканы.

— А что с Паскуале? — спросил Веспа.

— Я здесь, синьор,— раздался жалобный голос, и в дверях показался Паскуале с гитарой, волочившейся по полу.

— Santa Madonna!* — страдальчески закатил он глаза. — Это место плохо даже для каторжников! О, Портичи, Сорренто, Кастелламаре!

Гонзальво поставил ему стакан.

— Я тоже знаю неаполитанские ночи...

— Помните залив? — оживился Паскуале. — Белые дома, и песни, и апельсины, и...— он вздохнул, — и... прохладный ветер.

— Особенно ветер, — подхватил Гонзальво. — Выпьем за прохладный ветер.

Вошел Дальтон в голубой пижаме.

Китти вспомнила свой автомобиль.

Кто теперь в нем сидит? Ей стало немножко грустно. Расстояние сообщает прелесть многим надоевшим вещам!

---

* Пресвятая Богородица!

Паскуале ласково ущипнул струны.

— Guarda guá chisti ciardine... — начал он упрашивать умоляющим шепотом. — Siente sié st'addore 'e arancio...*

Его голос завораживал: тихо подкрадывался, незаметно уводил, преодолевая пространство. И вокруг зацветали душистые рощи, и тонкий аромат наплывал, как мечта, и каждый шаг, каждая пядь земли наполнялись любовью, с которой мучительно не хотелось расстаться.

Каждый по-своему переживал очарование песни — упоительное наваждение, рожденное природой, музыкой и любовью. У каждого было свое Сорренто, куда зазывало тоскующее сердце. И, отвечая общему настроению, Паскуале пел, разрывая струны:

Ma nun me lassà
Nun darme stu turmiento.
Torna a Surriento,
Famme campà!**

Невероятный грохот уничтожил Сорренто.

— Тысяча дьяволов, — вскочил Гонзальво. — Пойдемте, Веспа, прекратим эту музыку.

— Что там такое? — встревожилась Китти.

— Кули немножко нервничают. Они захотели вернуться домой.

— В Шанхай? — сверкнула глазами Китти. — Негодяи. Я готова расколотить им головы!

— Этим, кажется, дело и кончится, — сказал Гонзальво, стоя на пороге. — Сидите и пейте — мы скоро вернемся.

Китти щедро наполняла стаканы.

— За будущее,— чокнулась она.

— Avanti***, — радостно поддержал Паскуале.

— Я хочу танцевать, — заявила вдруг Китти.

— Танцевать? — всполошился Дальтон. — А музыка?

Паскуале заиграл «Валенсию».

Гонзальво и Веспа вернулись сумрачные. Страшная гостья сорвала маску. Трюм наполнялся мертвецами. Обезумевшие кули рвались на палубу.

Ветра не было. Восковая ночь оплывала нагаром неподвижных свечей. Желтое пламя коптило небо и, дергаясь, потухало в мраморных облаках.

У люков стояли вооруженные матросы. Гонзальво приказал приготовить лодки. Они раскачивались, стукаясь о борт, готовые спуститься в любую минуту. Какая-то птица, страдающая бессонницей, перелетала с реи на рею.

---

* Взгляни на эти сады... Вдохни аромат апельсинов...

** Не оставляй меня,—
Не мучай понапрасну!
Вернись в Сорренто,
Моя желанная…

*** Вперед!

В капитанской каюте кончились песни. Полупьяная Китти увела Дальтона и отдавалась ему в своей каюте, катаясь по полу и задыхаясь от жадности.

Паскуале уснул на табурете, положив на гитару усталую голову. Веспа задремал, отягченный малагой. Гонзальво храпел, бормоча во сне: «Ветер, ветер!..»

«Долорес» затихла. Из трюма перестали доноситься удары. На реях тревожно кричала птица.

Вдруг под ногами матросов стал дымиться пол. Корма ощетинилась рыжей шерстью. Запахло гарью. Испуганные матросы заметались по палубе.

— Пожар! Пожар! Кули подожгли трюм!

Когда Гонзальво выбежал из каюты, нижняя палуба была сплошь устлана коричневым войлоком дыма.

— Миллион чертей! — рявкнул сразу протрезвевший чилиец. — Желтые собаки сыграли с нами худшую из дьявольских шуток. К насосам! Все к насосам!..

Встревоженные матросы, разматывая, тянули к люкам длинные ленты пожарных рукавов.

— Как можно больше воды! — надсаживался Гонзальво.

Матросы открыли люки. Сильные струи воды серебряными гарпунами вонзились в дымящуюся пасть трюма; вместе с тучами дыма рванулось и полезло на палубу воющее человеческое безумие.

— Стреляйте!! Не давайте кули выходить! — разряжая револьвер в первую показавшуюся голову, вопил Гонзальво. — Или мы погибли.

Команда нестройными выстрелами встречала бушующую стихию.

Трюм выбрасывал новые охапки дыма и ярости. Огонь колесом катился по палубе, пугая людей и насгигая животных. Опаленные попугаи падали с рей... Шерсть обезьян издавала тяжелый, тошнотворный запах.

Сраженные пулями и холерой кули наметали курганы тел. Между холмами трупов ползали уцелевшие, ловили за ноги стрелявших матросов, валили на пол и скрюченными пальцами душили, отнимая оружие.

Стоны людей, треск горящего дерева, вой животных создавали неслыханный джаз. Световые эффекты пожара фантастически украшали палубу; пары и одиночки дергались в чарльстоне смерти.

Веспа стоял на корме. Нетронутая смятением, она была последним убежищем. Распахнутое кимоно Китти подставляло приближавшемуся зареву розовый живот. Дальтон валялся на полу, все еще пьяный от вина и любви.

— В лодку! — донесся снизу хриплый крик Гонзальво. На ступеньках лестницы показались знакомые брови. — Отвязывайте веревку... Корабль идет ко дну!..

Это были последние слова чилийца. Голова его вдруг мотнулась, и он сполз вниз, взмахнув дымящимися руками. Вместо него на лестнице показались искаженные лица кули.

Китти с криком бросилась в лодку. Веспа, втолкнув Дальтона, развя-

зал веревки. Взвизгнул блок. Лодка пошла вниз...

Уже совсем близко была вода, как вдруг сверху посыпались кули. Они падали, засыпая беглецов тяжелыми телами. Лодка наполнилась до краев и, не вмещая больше, ссыпала лишний груз в воду, как корзина, изнемогающая от обилия плодов.

Пламя распустило павлиний хвост. Трюм захлебывался водою. С грохотом упала мачта... «Долорес» погружалась в воду — большая клумба настурций, догорающих среди кладбищенской зелени...

XXI

Агата осматривала фабрики с добросовестностью провинциалки, выбирающей платье в столичном магазине. С утра она покидала отель, волнуясь и спеша, точно отправлялась на любовное свиданье. Она носилась по Шанхаю в авто и рикшах, в поисках самых грязных и зловонных фабрик, с удовлетворением отмечая отсутствие ванн и уборных. Особенно нравились ей спичечные фабрики, где хилые мальчики с лицами более желтыми, чем самый ядовитый фосфор, кашлем встречали ее появление. Она откровенно радовалась удаче, когда счастье посылало ей дырявый чердак в переулке, похожем на открытую помойную яму.

С бьющимся сердцем она взбиралась по шаткой лестнице. Да! Это было то, что ей нужно! В конурах, напоминавших каменные пещеры, валялись больные, изнуренные кули. Тут же на полу дымил огонь. Дети, обсыпанные экземой и паршами, молча играли у ведра с нечистотами.

Часто, задолго до рассвета, застегнув вокруг шеи удобный макинтош, Агата, крадучись, спускалась по лестнице. На ближайшем углу ее ждал Лю в плотно закрытом знакомом автомобиле. Она торопливо отвечала на поцелуй и, замирая в объятиях, трепетно ожидала сиплого хрипа фабричных гудков, призывавших работниц с настойчивостью любовников.

Обрывая ласки, нервничая, она заставляла Лю гнать машину к ближайшей фабрике, выливавшей на улицу густое месиво ночных смен.

Выбежав из автомобиля, Агата погружалась в вонючий поток, в котором плавали все возрасты, начиная шестидесятилетними старухами и кончая грудными младенцами. Она жадно вылавливала женщин с поврежденными ногами, усаживавшихся в одноколесные тачки, стонавшие протяжными человеческими голосами. Восхищенно рассматривала покрытые золотушными болячками шеи, останавливая с помощью Лю туберкулезных стариков с вытекающими глазами.

Днем она обходила неприглядные больницы, заботливо коллекционируя болезни и увечья. Мужчину с оторванной ногой, девочку с ободранными мышцами она ценила выше старого «челси»*.

* Знаменитый английский фарфор.

На столе, рядом с шекспировской комедией, в особой папке хранились газетные вырезки. Заметка о маленькой девочке, втянутой за ногу в машину в то время, как она заснула, утомленная работой. Маленькие индустриальные поэмы, вроде следующей:

«Вчера на хлопчатобумажной фабрике на Гордон-род погибла от несчастного случая китаянка-работница. Шарф, захваченный колесом машины, затянулся на шее так туго, что она была задушена. Ее подняли мертвой».

Агата работала от ванны до ванны. За свое пребывание в Шанхае она сменила на ремингтоне две ленты. Каждый день отмечался новой папкой. Она заставила консервативный муниципальный совет организовать комиссию по детскому труду; провела длинный лист «Пожеланий»; послала доклады Лиге и в министерство.

Шанхайские газеты, не имевшие сенсаций после поражения Кинга и выступления Спарка, охотно помещали задорные статейки Агаты, вызывавшие поток «писем в редакцию».

Большинство не одобряло предполагавшейся реформы, считая ограничение детского труда безжалостным актом по отношению к детям.

«Неужели, — содрогались эти заступники, — дети должны быть изгнаны с фабрик, чтобы умереть с голоду?!»

Появились письма китайских родителей, посылавших проклятия на голову комиссии, вмешивающейся в чужие дела. Оскорбленные женской активностью мужчины сеттльмента призывали бойкотировать «бабьи выдумки».

Деловое увлеченье захватило Агату. Нередко в самый интимный момент она приводила в отчаяние Лю:

— Дайте скорее карандаш! Я вспомнила постановление Бернской конференции, запрещающее употребление белого фосфора в спичечном производстве...

Китайский союз владельцев хлопчатобумажных фабрик прислал Ага-те в подарок две старинные вазы, доставленных в отель делегацией из трех стариков в шелковых юбках. Старики, сложив кулаки на груди, долго кланялись, доказывая Агате, что прием детей на фабрики — акт милосердия, снимающий с родителей тяжесть забот.

Агата, пришедшая в ужас от ваз, занявших добрую четверть комнаты, вернула их растерянным делегатам. Делегаты, понявшие это как намек на недостаточную ценность подарка, принесли на следующий день двух бронзовых будд, которых, к счастью, нельзя было протиснуть в дверь.

Британское консульство превратилось в канцелярию детского дома. Драгоманы были заняты переводами постановлений конференции, собиранием справок о фабриках фейерверков и выяснением возраста малолетних проституток.

Бертон страдал, зажатый между Агатой и письмом мистера Чемберлена, одобрявшим «меры, изложенные в вышеупомянутом письме» (кста-

ти сказать, составленном Агатой) и желавшим знать, какие шаги могут быть предприняты, если затруднения примут затяжной характер.

«Некуда шагать», — с горечью думал Бертон, вспоминая ежедневные шутки по своему адресу, особенно анонимную карикатуру, изображавшую его в виде няньки, намыливающей губкой грязных китайчат.

Общественное мнение сеттльмента было явно против реформы.

Агата устраивала заседания, писала статьи, рассылала письма, привлекала к работе скучающих бездельниц, забросивших дом и кормивших мужей пережаренными бифштексами. Мужья винили во всем Агату; меньше чем в две недели ее отношения с большинством женатых шанхайцев были испорчены.

Опубликованное во всех газетах приглашение принять участие в работе комиссии встречено было молчаливой обструкцией.

На приглашение отозвались двое: миссионер-француз, проживший много лет в Китае, высказал мнение, что китайские дети отличаются живостью и понятливостью, чего нельзя сказать о взрослых китайцах, которых отсутствие образования делает неповоротливыми и тупыми. Вторым был китаец, владелец двух публичных домов, обслуживаемых преимущественно детьми; он явился узнать, в какой степени намеченные комиссией мероприятия могут затронуть его интересы.

За неделю до заседания иностранных налогоплательщиков, которые должны были утвердить закон, Бертон получил из посольства копию письма, окончательно его расстроившего.

«Мистер Остин Чемберлен сэру Кэплею — Пекин.
Министерство иностранных дел, 4 марта 1925 года.

Сэр! Представительница Международного бюро труда при Лиге Наций, мисс Гаррисон, сообщила о принятии муниципальным советом иностранного сеттльмента Шанхая пожеланий доклада комиссии по детскому труду. При сем прилагаю копию письма «Общества защиты китайских детей», ходатайствующего, чтобы консульство в Шанхае употребило все свое влияние и добилось особых постановлений, необходимых для проведения этих пожеланий в жизнь. Если вы не имеете никаких возражений, то предложите генеральному консулу Его Величества поддержать это пожелание и попытаться получить согласие своих коллег.

Имею честь...
Остин Чемберлен».

— Эти дети сведут меня с ума! — взялся за голову «консул Его Величества».

Он велел бою подать ему два «мартини» и, проглотив их, пошел советоваться с Вордом.

Ворд был занят не меньше Агаты. Бертон застал его окруженным

людьми.

— Начальники десяток, — объяснил Ворд. — Я вам говорил, что Лига состоит из сотен, а сотня складывается из десяток?

— Итальянское влияние, — поморщился Бертон.

— У вас ноет зуб? — участливо спросил Ворд.

— Хуже... У меня в голове дизентерия. Дети мисс Гаррисон испортили мне мозги.

— Дети мисс Гаррисон?!

— Ну да, фабричные дети, которых она приехала охранять. Вы знаете, я совершенно терроризирован! Она распоряжается в консульстве, как у себя в спальне! У меня впечатление, будто я живу среди пеленок!

— Напрасно церемонитесь! В конце концов, у вас не детский сад.

— Я того же мнения, но, представьте, эти проклятые дети получили популярность даже в министерстве. Прочтите.

Бертон подал Ворду копию лондонского письма.

— У этой девушки редкий темперамент, — сказал Ворд. — Она начинает мне нравиться!

— Что вы мне посоветуете? — спросил Бертон.

— Вам? Ждать! Я уверен, что заседание налогоплательщиков провалит детский закон, и мисс Гаррисон можно будет взять голыми руками.

— Я не собираюсь ее брать... Она и так замучила меня до смерти.

— Ничего... Найдутся другие охотники, — потягиваясь в кресле, успокоил Ворд.

XXXII

Спарк встретился с Юном на набережной у городского сада. Юн был вдвоем с товарищем.

— Почему вы ждете здесь, а не в саду? — удивился Спарк.

— Вы забыли, что китайцам не все разрешено, — с горькой улыбкой напомнили студенты. — Вот, полюбуйтесь...

Они подвели Спарка к садовому входу. На белом железе в черной траурной рамке стояло четкое английское приказание: «For Chinese no admittance»*.

— Какая гадость! — вырвалось у возмущенного Спарка.

— Эта надпись — не единственная, — сказали студенты. — Вы увидите их на каждом шагу.

Они шли по берегу реки в сторону Нанкин-род. Река трудилась и хлопотала без устали. Темные баржи кормили углем пароходы. Кули, среди которых половина была женщин, вытянувшись в живую цепь, передавали друг другу корзины. По ступеням рук уголь поднимался на палубу.

* Китайцам вход воспрещен.

Вдоль берега были расставлены скамейки. Почти все они пустовали.

— Давайте посидим, — предложил Спарк.

Студенты молча показали на надписи.

По выгнутым спинкам скамеек тянулись красноречивые черные буквы: «Not for Chinese»*.

— Сидеть на скамейках нам тоже нельзя...

Спарк посмотрел студентам в глаза.

— Сейчас мне стыдно, что я — европеец. Но думаю, я смело могу сказать, что лучшая часть белой расы стыдится этих надписей вместе со мной!

— Мы знаем, знаем, — заторопились студенты, — европейцы не все одинаковы, но вы должны видеть все стороны Шанхая, чтобы глубже почувствовать нашу трагедию...

Они свернули на Нанкин-род.

— Европейские купцы гордятся, — сказал товарищ Юна, с трудом подбирая английские слова, — что они выстроили на болоте прекрасный город! Но ведь мы до сих пор сидим в болоте! Вы видели наши китайские кварталы — Лунхва, Нантао, Чапей, Путун. Редко кто из иностранцев заглядывает в наши трущобы. А если и бывают, то только из любопытства. Вы знаете, как помогает сеттльмент, когда у нас возникает пожар? Он ставит полицию у входов на концессию, а сам взбирается на крыши и оттуда в бинокли любуется на пламя.

— Ублюдочные нероны, — пробормотал Спарк.

— Самое страшное, когда приходит холера. В каждой фанзе начинают плясать мертвецы. Все переулки охватывают судороги. В эти дни Нанкин-род отгораживается колючей проволокой и ругает кули «грязными собаками»...

Пестрые витрины Нанкин-рода заставляли дома саженными натюрмортами. Фотографические аппараты, термосы, велосипеды вываливались из окон на грудь прохожих.

— Вы знаете, кто покупает эти товары? — показал на витрину Юн. — Генералы, сдающие армии внаем... чиновники, меняющие законы на взятки... проститутки, разоряющие богатых купцов... Бедняку, зарабатывающему шесть долларов в месяц, нечего делать в этой улице!

Громкие звуки труб, доносившиеся сверху, заставили Спарка остановиться и поднять голову. На крыше дома неистовствовал оркестр. Медные рупора, опущенные вниз, наполняли улицу оглушительным ревом.

— Кто посадил туда ангелов, возвещающих конец мира?

— Конечно, тот, кто может платить, — рассмеялись студенты. — Это магазины Вингон и Сенсир, наполовину принадлежащие англичанам. Музыка — их звуковая вывеска.

Необъятные этажи были изрыты пещерами окон. В каждое мог бы въехать трамвай. С балконов спускались широкие полотнища красной,

---

* Не для китайцев.

синей и желтой материи.

— Можно наделать много знамен, — заметил Юн. — Знамена — единственное прикрытие кули.

— Не только кули, но и доброй половины мира,— серьезно ответил Спарк. — И неплохое иногда прикрытие, кстати сказать. Красное знамя — в особенности.

Глаза студентов вспыхнули.

— Красное знамя — знамя радости. Это знамя сильных и смелых. Кто не выпускает его из рук, тот непременно придет к победе.

Мимо промчался автомобиль-карета. На подножках стояли вытянувшиеся «бодигары»*. За стеклом виднелись кукольные головы с золотыми шпильками в лакированных волосах.

— Губернаторские наложницы возвращаются с прогулки, — начал Юн и, вдруг забеспокоившись, быстро добавил: — Сюда, сюда, идите за мной...

Юн юркнул в открытую дверь ресторана. Студент и Спарк поспешили за ним. Сказав что-то на ходу возившимся у котлов поварам, Юн спрятался за высокий куб. Спутники сделали то же.

Едва теплота меди сделалась ощутимой, как с улицы быстро вошли двое: европеец, по-видимому, англичанин, и китаец, размахивающий бамбуковой тросточкой.

Китаец, стукнув тросточкой по столу, закричал высоким неприятным голосом. Повара неохотно повернули головы. Китаец, взвизгнув, сделал паузу. Повара ответили медленно и спокойно. Не удовлетворенный ответом китаец вместе с европейцем зашагал по лестнице.

Юн, высунув голову, проводил их насмешливым взглядом.

— Можем идти, — сказал он. — Они долго будут искать нас в ресторане.

— Не удивляйтесь, — повернулся он к Спарку. — Муниципальные детективы, гоняющиеся за китайскими студентами — обычная подробность шанхайской улицы. Наша скромная жизнь полна приключений. Наш журнал и тот бегает вместе с нами... Прошлый месяц редакционные собрания происходили в кумирне. Теперь мы нашли себе приют в аптеке.

— Эти сыщики охотятся за воздухом, — зорко оглядываясь по сторонам, продолжал Юн. — У нас есть пословица, которая говорит: «У великой армии можно взять полководца, но никто не отнимет желания у бедняка». Наше желание — видеть Китай свободным, и мы добьемся своего, хотя бы нам пришлось умереть!

Они пересекали улицу, облицованную огнями. Каждый дом светился, как изразцовый камин. Девушки в парче, отливавшей глазурью, заполняли окна восточной майоликой.

Юн задержался у одного из домов.

— Вот что восхищает европейцев в Китае! Живописный порок и безмолвная нищета. Они хотели бы вытянуть весь Китай в улицу барышей

---

* Телохранители.

и улицу удовольствий. Улицу барышей они убрали бы подальше, чтобы дым фабрик не лез в глаза, а улицу удовольствий придвинули бы вплотную, как этот базар кукольной любви. Китай из двух улиц... какое удобство! Никаких революций. Никаких беспокойств.

Сразу за углом поползли фанзы, показались смутные морды каменных тигров, нестройно загорланили парикмахерские. Спарк остановился, пораженный. В каждой парикмахерской вопили одновременно несколько граммофонов. Граммофоны исполняли разные пьесы: скрипичный концерт, фальцетную арию, перепалку гонгов, героический монолог... Занеженные теплотой мыльной пены, посетители упоенно внимали катастрофической музыке. Тут же играли в кости ожидающие, пересыпая игру громкими восклицаниями.

Переулки наполнялись своеобразной музыкой. Ее творили уличные разносчики-водоносы, пельменщики, продавцы каштанов. К ней присоединялись колокольчики нищих, песни склонившихся над утюгом портных, торопливое бульканье закипающих чайников.

— Здесь, — сказал Юн, останавливаясь у двухэтажного дома.

В окнах, освещенных зеленоватым светом, виднелись банки с неподвижными змеями и подвешенные за ногу сушеные жабы.

Юн постучал. Дверь отошла внутрь. Спарк очутился в комнате колдуна: пучки трав, бутыли, фарфоровые урны и на полке апельсинные глаза совы.

Открывший дверь человек в длинном халате провел всех в заднюю комнату, откуда неслись оживленные голоса.

Спарк увидел оклеенные темными обоями стены, непокрытый стол и небольшой «кан»*. На столе стояла керосиновая лампа, валялись бумаги и разорванные пачки сигарет. Стены пустовали, как в солдатской казарме. Единственным украшением комнаты были молодые головы.

— Вот где нам приходится строить нашу новую культуру! — знакомя Спарка с присутствующими, сказал Юн. — Нас гоняют с места на место. Хорошо, что у нас есть такие друзья, как Вень.

— Таких, как я — много,— ответил хозяин.

Спарк с интересом рассматривал аптекаря. Этот человек мало походил на энтузиаста. Чуть-чуть сгорбленный, старый и сухой, он скорее напоминал равнодушного монаха.

Это был новый Китай, рост которого проглядели самонадеянные властители колоний, — Китай, таящийся в расширяющихся трещинах накаленной почвы, готовый захлеснуть и сжечь беззаботные островки концессий и сеттльментов.

Перебивая друг друга, студенты знакомили Спарка со своими радостями и печалями, и перед Спарком возникали мужественные черты нового китайского поколения.

---

* Нары.

Эта буйствующая молодежь дышала воздухом очистительной эпохи, одинаковым на всех широтах и меридианах, — в Шанхае, в Москве, в Буэнос-Айресе, в Стокгольме. Революционные действия являлись ее буднями, начиненными волей, движущей к одной и той же заветной цели — освобождению человечества.

Эти студенты не имели никакого родства с теми трудолюбивыми школярами, жизнь которых проходила в зазубривании классических изречений. Тридцать пять тысяч иероглифов, священных для предшествующих поколений, без сожаления были сданы в музейный архив.

На смену древним письменам пришли сорок графем, неся всеобщий язык, объединяющий все провинции.

Спарк слушал торопливые, горячие слова, чувствовал их раскаленное дыхание. Он был в потайной кузнице новой китайской культуры.

XXXIII

Ворд оказался пророком. Шанхайские купцы провалили закон о детском труде.

Лю первыv сообщил Агате печальную весть. Бедняга не подозревал, что вместе с судьбой детей решалась и его собственная.

Первые пять минут Агата переживала волнение. Уязвленное самолюбие, спортивная досада (чувство жокея, у которого из-под носа вырвали финиш); некоторая деловая растерянность (что она напишет в Лондон, авансом поздравивший ее с победой?), но в общем (Агата пощупала икры) — нужно было сделать гимнастику и лечь в ванну.

Агата сняла пижаму и, положив руки на бедра, стала выбрасывать левую ногу.

Зазвонил телефон.

Агата не обратила внимания. Покончив с левой — пустила маятником правую.

Телефон звонил восемь раз. Когда осталось вращение левой руки — телефон закатил девятую истерику. Не прекращая гимнастики, Агата сняла трубку.

— Алло!.. (суставы левой приятно похрустывали). Это вы оглушали меня, Лю? Короче, короче! Нет! Сегодня — нет! Завтра? Не знаю... Мне холодно... Прощайте...

Агата закурила сигаретку.

На набережной автомобили играли огненными мячами в футбол.

— Хорошо бы выпить! — Агата заглянула в ящик стола. — Ну, конечно — все вычищено!

Она позвонила. В зеркале плеснулось обнаженное тело. Заинтересовавшаяся Агата начала рассматривать себя пристально, как чужую.

Бой вошел бесшумно. Войдя за перегородку, он поперхнулся удивле-

нием и быстро попятился к дверям.

— Бой, виски-сода! — крикнула Агата.

Ее занимала узенькая родинка под левым соском, похожая на имбирное семя.

«Отчего бывают родинки? — размышляла Агата. — Белое, белое — и вдруг капелька негра!»

Сигаретка поседела до пробки. Агата ссыпала пепел в бронзу и, насвистывая «Bananos», направилась в ванную.

Вода из крана вырывалась с завидной упругостью. Агата подставила ногу. Тело обрызгал холодный фонтан.

На этот раз бой постучал.

— Да! — крикнула Агата и пошла пить виски.

Вышколенный бой водил глазами по стене. Он был ногами подноса.

Агата, наливши «три пальца», разбавила виски содовой. Горло словно смазали легким раствором иода: десны стянуло, язык высох.

Агата перенесла телефон в ванную и погрузилась в голубоватую теплоту. Вода баюкала и щекотала. Ресницы сонно скользнули вниз.

Телефону сделалось скучно. Он зазвонил.

— Алло!.. — Агата не открывала глаз.

Бертон, про себя радовавшийся провалу, строил в трубку грустное лицо (как жаль, как жаль!).

— Есть о чем жалеть, — зевнула Агата.

— О-о... (Агата видела вытянувшееся лицо).

— Надо жалеть шанхайцев. А, в общем, мне надоела детская возня (последнее касалось также и Лю).

Бертон не верил своим ушам.

— Сегодня я хочу посмотреть Шанхай. Помните ваше обещание? Дела кончены, я могу развлекаться. — Агата забарабанила пятками по воде.

Трубка передавала сильные эмоции.

— Что я делаю? Смываю свои грехи. Я говорю с вами, лежа в ванне!

В трубке застряло перехваченное дыхание (как жаль, что шанхайские телефоны еще не передают изображений!).

— Довольно... — Агата поднялась вместе с трубкой. — Через час вы можете заехать за мной.

Накинув мохнатую простыню, она снова выпила виски.

Щеки кольнуло легкое электричество. На кончики ушей снизошла благодать. Простыня сжимала тело в объятиях (Агата незаметно затянула концы).

Большеголовый гипсовый апаш с сигареткой во рту напомнил Агате монмартрские проделки. Наклонившись к статуэтке (подарок Фей), она зубами вытащила сигаретку.

Взгляд ее упал на разбухшие папки. Она открыла первую попавшуюся.

«На шелкопрядильнях, — прочла Агата, — работают исключительно женщины и девочки. Дети чистят коконы над чанами с кипящей водой,

в которую попадают детские пальцы».

Агата захлопнула папку.

«Пальцы детей попадают в воду (в голове шумело от виски), а эти папки попадают в корзину...» Она швырнула бумаги под стол.

Агата подошла к шкафу. Обрадованный шкаф взвизгнул дверцей. На вешалках дремали разноцветные платья.

«Не годится... не годится...» — перебирали пальцы. — «Это подойдет...» — Агата вытащила розовое платье.

Зазвонил телефон.

Бертон спрашивал, можно ли захватить Ворда.

«Волчьи глаза», — пробежало в памяти.

— Конечно...

Сбросив простыню, она начала одеваться.

* * *

Агата сидела между двух мужчин. Шанхай рассыпал электрические розы. Река подмигивала скользящими огоньками.

Розовый с золотом плащ Агаты легким шуршанием аккомпанировал Бертону.

— Автомобиль — усовершенствованная гондола... Ночные улицы — венецианские каналы... Вы — Венера, рожденная из розовой пены...

— А вы, — перебила Агата, — Казанова, замаскированный консулом. Эта набережная — площадь святого Марка. А вот это здание — дворец дожей.

Они проезжали мимо Гонконг-Шанхайского банка.

— Ваша очередь фантазировать, — повернулась Агата к Ворду.

— Разрешите мне наслаждаться действительностью: она давно обогнала фантазии. Сравнения уменьшают красоту автомобиля; этот банк удивительней палаццо дожей; Казанова слишком скромное имя для консула...

— Вы забыли набережную, улицы и меня...

— Улицы и набережная — невыразимы, как вы... Слова намного примитивнее чувств...

Автомобиль плавно остановился.

— «Новый Карлтон», «Новый Карлтон», — суетилось электричество.

Турникет вертелся стеклянной каруселью, с каждым оборотом меняя публику.

В вестибюле было черно от смокингов. Груди мужчин, высеченные из мрамора, казались обломками белой лестницы.

Когда Агата и ее спутники вошли в зал, зеленоватая мгла окутывала столики. Откуда-то донеслась печальная музыка, прерываемая глухими ударами барабана.

Мужчины с застывшими лицами медленно вели окоченевших дам. Мертвецы бродили по морскому дну. Совершались многолюдные морские похороны.

Зеленый туман внезапно исчез, сожженный ликующим электрическим солнцем. Морские глубины превратились в зал. Бутылки шампанского подняли головы. Женщины открыли вырезанные рты, наклеенные на лица маленькими сердцами.

Бертон и Ворд раскланивались со знакомыми. Публики было много и как всегда — разная.

— Здесь очень мило, — сказала Агата, опускаясь на подставленный Вордом стул. — Я ощущаю прилив доброты. Ночные рестораны примиряют со многим.

— Это самые вкусные часы нашей жизни. Здесь мы блаженствуем. Днем нас занимают бесчисленные дела, мы возимся с цифрами, делаем политику... Боремся друг с другом... Защищаем карманы. Но вечером в этих благоухающих залах мы празднуем освобождение от всех забот. Мы оставляем деловую душу вместе со шляпами и садимся за столики с чувствами дикарей.

— Признание, не особенно лестное для цивилизации! — заметил Бертон.

— Вы забываете наши смокинги! — возразил Ворд. — Мы слушаем пение птиц по радио и переносим Гавайи под крышу отелей.

Принесли вино с беспокойными искрами и фрукты, с которых не сошел загар.

Ворд положил апельсин на тарелку Агаты.

— Виноградники, заключенные в стекло, и тропики, поданные на серебряном блюде, — вот в чем прелесть цивилизации...

Заглушенные стоны наполнили зал. Голубая ночь упала на столики. Пальмы шире раскинули зеленые перья. Меж столов застыла большая луна — светящийся барабан на балконе джаз-банда. На балконе, как в клетке, метались негры, выдувавшие в трубы вековую тоску. Это были жалобы тихоокеанского мира, полные нежности и глубокой грусти. Неизменная, трагическая мелодия повторялась на бесчисленные лады. Ее громогласно объявлял саксофон; перехватывало нервное банджо; повторяли наперебой отчетливые маримбы; протяжно заканчивал плачущий флекстон.

Агата скользила в густой толпе, ловко управляемая рукой Ворда. Она чувствовала каждый намек. Они молча плыли меж человеческих зарослей.

— Я в восторге, — сказала Агата, возвращаясь к столику, — черные ребята играют прекрасно.

— Негры в джазе, как кули на фабрике, — добавил Ворд. — Каждый хорош на своем месте.

На транспаранте вспыхнули буквы.

— Интересно, какая сегодня программа? — заерзал на стуле Бертон.

Оркестр заиграл бурное вступление.

На середину зала выбежала рыжая танцовщица. Ее преследовал партнер, превращенный в негра маской из черного трико.

Негр схватил девушку и, подбросив вверх, завязал у себя на шее причудливым галстуком. Рыжая голова свесилась вниз, нога вытянулась рапирой. Это было начало акробатического танца.

Но публика не оценила ловкости артистов. Вместо аплодисментов поднялся ропот, возраставший с каждой минутой. Растерявшиеся артисты прекратили танцы.

— В чем дело? — недоумевала Агата.

— Неподходящий танец, — поморщился Бертон.

— Публику шокирует костюм этой девушки?

— Публику шокирует идея танца... Негр, обращающийся грубо с белой — это нетерпимо даже в дансинге.

Оркестр заиграл снова. Топот ног и свистки заглушили музыку. Смущенным танцорам пришлось удалиться.

— Бедные артисты, — пожалела Агата.

— Им надо считаться с вкусами публики. Этот танец оскорбляет белую расу.

Транспарант замигал новыми буквами.

Из дверей появилась вереница девушек в туфлях, чулках и треугольных фартучках. Они шли, раскачивая головами, как лошади, отмеряя такты автоматическими шагами. Это была злая издевка над человечеством, заменившим грацию точной механикой.

Девушки проделывали фокстротные фигуры с однообразием заведенных кукол. Тела их казались сделанными из папье-маше. Неподвижность лиц соперничала с масками.

Сухое, жесткое, как сталь, исполнение до неузнаваемости изменило характер джаз-банда. Барабан стучал, как поршни машины. Скрипка пилила твердое дерево.

Безрадостная прогулка закончилась бурей. Публика была вне себя от восторга. Со всех сторон серебряные доллары покатились к ногам сухопутных купальщиц.

Ворд не давал высыхать бокалам. Агата не отставала от мужчин.

Бертон взглянул на часы.

— Пора отправляться в другие места.

— Поедемте, — согласилась Агата. — Начало ночи многообещающе...

XXXIV

На старой джонке, стоявшей на мостках боком к каналу, начинался ранний трудовой день.

Первым проснулся одноглазый дрозд, заменявший будильник. Он от-

крыл глаз, вытянул отсиженную за ночь правую лапку и деловито посмотрел вверх. Может быть, он проснулся раньше времени? Небо позеленело достаточно — сомнений не было: начинался рассвет. Дрозд встал, встрепанный от сна, и пустил первую утреннюю трель: «Я уже встал — вставайте и вы».

Самым чутким из всех обитателей джонки был корзинщик Син. Он просыпался вместе с дроздом.

И Син и дрозд спали в верхнем этаже в шалаше из сплетенных Сином циновок. Тут же помещался уличный певец Ма, которому спина собаки заменяла подушку.

Слепой Ма подымался вслед за Сином. Его будил не столько дрозд, сколько блохи и едкий дым, заползавший в шалаш от дырявой жаровни, на которой Син кипятил чай. Ма сердито толкал собаку, прекращая пинком собачье блаженство. Собака зевала, расправляя язык и сопровождая зевок чуть слышным поскуливанием.

Последним продирал глаза рыбак Нон, спавший по привычке в обветшалом трюме. Син просовывал в трюм бамбуковый шест и выуживал оттуда заспавшегося рыбака.

Нон открывал глаза неохотно: ему жаль было расстаться с волшебными снами, которые навевал благодатный опиум. Старый рыбак пристрастился к иллюзиям, пробиравшимся по мундштуку бамбуковой трубки в его тосковавший по наркотикам мозг.

Днем, не разгибая спины, он закидывал в Вампу свои сети, рискуя быть опрокинутым катерами, не обращавшими внимания на дряхлый сампан. В сети попадалось мало рыбы. Испуганная грохотом лебедок и бурлением пароходных винтов, рыба уходила ближе к устью, куда пробраться у Нона не было сил. Он еле двигал веслом вдоль набережной, счастливый, когда в сети попадала пустая жестянка или оторванный от берега рак. Он не брезговал ракушками и водорослями, пробками, щепками, гнилыми тряпками, напоминая старьевщика, роющегося в мусорной куче. Всякая мелочь шла на пользу: ракушки и водоросли употреблялись в пищу; высушенные пробки продавались уличным докторам; тряпки умягчали рыбацкое ложе.

Нон не ленился шарить по реке: после удачной ловли его ждала награда — несколько затяжек маковой смолы, полученной за копперы* на знакомом лотке. Маковая смола творила чудеса. Недаром рыбак забирался в берлогу! Он законопачивал выход циновкой, оберегая каждую выпущенную струйку и, улегшись на тряпки, начинал курить.

Ночь приносила сладкие обманы... Нон переселялся во дворцы и павильоны гейш. Получал во владения целые земли; обжирался самыми лакомыми яствами, хозяйничал в лавках, ломившихся от товаров... пока равнодушный бамбуковый шест не возвращал его к нищей действитель-

* Медяки..

ности.

Син, Ма и Нон владели джонкой. Пять лет назад они вместе нашли ее на берегу, выброшенную тайфуном.

Приятели поставили джонку на мостки; одноглазый дрозд, привязанный за ногу, начал петь над каналом.

Скоро рыбаки, проезжавшие мимо, и соседи-лодочники привыкли к птице и назвали жилище трех друзей «джонкой с одноглазым дроздом».

Постепенно джонка получила отделку. Вырос шалаш, сделанный руками Сина; Нон натаскал тряпок; Ма принес блох и скрипку.

Два этажа были слишком велики для хозяев, и они решили сдавать свободное место бедноте, искавшей дешевого крова. «Джонка с одноглазым дроздом» превратилась в постоялый двор.

Консульства, выстроившиеся дальше по берегу, и особняки, помещавшиеся напротив, не различали джонку в муравейнике лодок, придававших каналу «живописный вид». Но джонку с дроздом хорошо знали кули.

Молодые крестьяне, мечтающие о карьере рикш; больные текстильщики, мечтающие о смерти; бродячие учителя и безвестные агитаторы; нищие, безработные портовые грузчики находили на джонке радушный прием.

Каждый жилец оставлял память: деревенский парень — зеленого сверчка; грузчик — ярлык от виски с забавным старичком, шагающим с тросточкой; агитатор — портрет Ленина; бродячие учителя — изречения, написанные малярной кистью на иностранных газетах, подобранных на улице. Одно из таких изречений, удостоившееся бамбуковой рамы, встречало входящих своей мудростью: «С простой водой, неприхотливой пищей, с руками, подложенными вместо подушки, также можно изведать счасть». Шестидесятилетний Син, укладываясь на кулак, неизменно повторял эти слова.

Чен жил на «джонке с дроздом» неделю. Полицейские, шнырявшие в рабочих кварталах, загнали его сюда. Здесь, под боком английского консульства, с видом на набережную, полную полисменов, он чувствовал себя в безопасности. На рассвете Нон отвозил его к докам, а вечером он возвращался с рабочими, проплывавшими мимо в тяжелых лодках.

За короткое время Чен сдружился со всеми жильцами джонки, особенно с Ноном. Рассказы Чена о Советской России вызывали в Ноне восторг и удивление. Один только слепой Ма был упорен в своем упрямстве — «так как люди не могут жить сотни лет — глупо думать о том, что будет через тысячелетие». Ма, не знавший ничего, кроме мрака, был настроен печально.

Вечером, вернувшись после утомительного дня, он долго молчал, тяжело вздыхая. Но рис и чай возвращали ему силы. Он брал свой «хуцин»* со смычком, зажатым между двух струн, и начинал жаловаться. Любимой его песней была «Рыбаки и ласточки».

* Однострунная скрипка.

— «Утром и вечером, в молодости и в старости, — заводил он высоким дрожащим голосом, — та же лодка и та же река...»

По набережной метались автомобили. Вдали полыхало зарево реклам. Телеграфные провода гудели, нагруженные телеграммами. Одноглазый дрозд ерошил перья, собираясь на боковую.

— «Тысячи дней рождаются и проходят, — уныло продолжал Ма, — но все они в тумане и мгле... Каждая ночь напоминает предшествующую. Каждый день, как лодка на берегу... А вот — ласточки, — неожиданно оживлялся Ма, — они собираются в стаи и улетают...»

Голос его снова срывался в безнадежность и он заканчивал, вздыхая словами:

— Они счастливы... Они улетают...

Эта песня пользовалась любовью стариков и бродячих учителей. Первые слышали в ней эхо своей жизни; учителя находили утерянные современностью классические красоты. Чен не находил в песне самого главного — современности.

Современность! Это были упорные забастовки, заставлявшие предпринимателей бояться рабочих; рост профсоюзов; воззвания, которые приходилось разносить в корзинах; ночные собрания на чердаках; выпущенный из котлов пар на сопротивлявшихся заводах.

Зелень неба светлела. День спешил вместе с рабочими, торопившимися к своим станкам.

Черный дрозд уже несколько раз успел крикнуть: «Чифан»* — единственное человечье слово, покорившее его своей значительностью.

Ма, ворча, натирал канифолью смычок; Нон возился внизу, убирая лохмотья.

По набережной летели стремительные автомобили: гуляки продолжали веселую ночь.

Чен смотрел на канал, наполнявшийся приливом, который быстро поднимал осевшие лодки.

В глубине шалаша раздавался кашель.

— Ты сегодня опять поедешь? — вылезая из трюма, спросил Нон.

Чен, к которому относился этот вопрос, молча кивнул головой.

— Не бережешь ты голову!.. — вздохнул Нон.

— А зачем ее беречь?— рассмеялся Чен.

— Чтобы дольше жить?

— А зачем дольше жить?

Нон был повержен в недоуменное молчание.

— Вот видишь, ты и не знаешь!

Слепой Ма вмешался в разговор.

— Я не вижу твоего лица, но ты беспечен, как дрозд... Мудрый не спрашивает, зачем он живет.

— У каждого человека своя мудрость, Ма! — воскликнул Чен. — Твоя

---

* Кушать рис, обедать.

мудрость жить, не видя радости. А моя мудрость жить, не жалея головы.
С задней кормы донесся голос Сина.

— Берите чашки. Рис готов.

Чен пошел за чашками.

— Хотел бы я видеть этого парня,— сказал Ма. — Он или дурак или большой мудрец!

Собака, разыскивавшая по берегу завтрак, вернулась с прогулки разочарованная.

— Чифан! — зашепелявил дрозд.

Собака посмотрела на дрозда и облизнулась.

Чен принес поднос с чашками и палочками; Син — закоптелый котел с рисом.

Котел был большой; рис лежал на самом дне. В синей чашке плавали поджаренные улитки.

— Чифан! — торжественно объявил Син.

Все уселись вокруг котла на цыновках.

— Давно я не слышал хороших изречений, — с сожалением заметил Син, раскладывая рис по чашкам.

— Больше забастовок — больше рису кули, — сказал Чен. — Разве плохо?

— Твои изречения очень просты, — ответил Син. — Им недостает фантазии!

— И не надо! — воскликнул Чен. — Зачем подкрашивать жизнь фантазией?! Надо делать жизнь такой, чтобы не нужно было искать утешения в мечтах.

— Такой жизни нет, — возразил Ма.

— Есть! — крикнул Чен. — А если нет, то будет! И сделают эту жизнь кули.

— Кули, — Ма щелкнул палочками, — существуют тысячи лет, и ничего для себя не сумели сделать. Недаром слово «кули» означает — «горькая жизнь».

— Раньше не умели, а теперь сумеют. Тысячи лет кули спали в лодках, думая, что для них нет лучшей постели... Тысячи лет кули умирали с голоду, думая, что для них не найдется рису... Теперь они почувствовали свою силу, и «горькой жизни» больше не будет!

— Сладкая жизнь приятнее горькой, — сказал Нон. — Много риса лучше, чем мало... Теплый «кан» милее холодного трюма...

— Будет и сладкая жизнь, и теплый кан, и рис. Но все это нелегко дается. Нужно много борьбы, много усилий... Немало голов упадет на землю прежде, чем наступит полная победа...

Ночь была совсем на исходе. Канал налился тяжелой водой. Лодки, переполненные рабочими, проплывали мимо.

Дрозд, съевший свою порцию риса, радостно приветствовал сытый день. Ма привязывал к ошейнику длинную веревку. Нон снимал с крыши просохшие сети. Из глубины шалаша снова донесся кашель.

— Вставай, Тяо, — сказал Син.

— У меня нет сил... — послышался прерывистый топот, — я еще полежу...

— Разве Тяо сберег свою голову! — с горечью воскликнул Чен. — Ему девятнадцать лет, а он прикован к постели. Два года проработал он на спичечной фабрике, и уже ядовитый фосфор сжег его легкие. Он рассовал свою жизнь по спичечным коробкам, и она потухает с каждой спичкой.

Нон, перекинув на руку сети, тихо побрел к своему сампану.

— Нет! — горячился Чен, — мы не должны бояться! Каждая минута страха — наша гибель!

— Скорее, Чен, — донеслось с лодки.

Чен снял с колышка потрепанную кепку и весело свистнул, проходя мимо дрозда. Дрозд ответил про тяжной трелью.

— Два дрозда, — проворчал Ма, нащупывая палкой дорогу.

Сампан черепахой полз по каналу. Чен лежал на дне лодки, накрытый сетями.

— Ты говоришь, — юля веслом, удивлялся Нон, — что в России нет теперь мандаринов?!

— Нет мандаринов, — глухо донеслось из-под сетей.

— А кто же живет во дворцах?

— Такие люди, как мы с тобой...

— Как я! — зажмурился Нон и чуть не слетел в воду: сампан задел за ферму моста.

— Цхао!.. — растерянно выругался старик.

Сампан проскользнул под мостом и, выйдя на реку поплыл вниз по течению. Шаланды и катера угрожали со всех сторон. Нон замолчал, поглощенный заботами. Молчал и Чен. Сквозь квадраты сетей виднелось клетчатое небо.

Река шумела и сотрясалась. Пароходы кипятили воду винтами. Вытянутые руки кранов несли полные пригоршни ящиков. Мелькали белые трубы военных судов. Через борт летели прохладные брызги.

Сампан стукнулся носом о берег.

— Вылезай! — услышал Чен. — Никого нет...

Он сбросил сети и вскочил на ноги.

— Спасибо, Нон. Вечером увидимся...

Чен спрыгнул на берег и зашагал к докам.

Стальные дятлы звонко долбили кору пароходных обшивок. Обвивали железо гремучие цепи.

Чен вошел в узкий проход между заборами. Каменный ствол трубы обозначил фабрику: он слегка дымился. В заборную щель был виден безлюдный двор. Ухватившись за верхнюю доску, Чен перелез через забор.

«Надо снять с работы последних кочегаров...» — Чен направился к фабричным корпусам. Добравшись до них, он начал красться вдоль стен в машинное отделение. Мерное посапывание котлов делалось все явст-

венней. И вдруг неожиданно, совсем рядом — громкие японские голоса.

«Надсмотрщики!» — Чен прижался спиной к стене. Из-за угла показались три фигуры; они шли по диагонали.

«Пройдут», — с облегчением подумал Чен и осторожно заскользил вперед. Когда глаза его уткнулись в спины японцев — под ногами захрустело стекло. Надсмотрщики быстро обернулись. Чен прыгнул в машинное отделение.

— Мамандэ, мамандэ!* — закричали надсмотрщики, бросаясь вдогонку.

В машинном отделении было светло.

— Туши свет! — крикнул Чен, пробегая мимо кочегара.

Кочегар, узнав Чена, протянул руку к выключателям.

Однако надсмотрщики опередили его. Они тоже узнали Чена и, выхватив резольверы, дали залп. Две пули настигли Чена. Одна ударила в спину. Другая прокусила затылок.

Свет мигом потух в глазах Чена.

XXXV

С утра яростное солнце нагревало воду и, когда пришел вечер, мутная Вампу дымилась котлом исполинской прачечной, в котором вываривалось белье целого города. Серые паруса останавливавшихся для ночлега джонок сползали с мачт тяжелыми простынями. Похожий на мыльный пар туман, поднявшись с реки, оседал на набережной, наполняя улицы и дома влажной духотой.

В особняках и отелях сеттльмента назойливо жужжали электрические веера. Мужчины в белых костюмах пили виски со льдом. В креслах томились разморенные жарой дамы, проклинавшие шанхайский май, портивший платья с бесцеремонностью настойчивого любовника. Неутомимые танцорки и девушки из мюзик-холлов приводили в порядок тела, обливаясь одеколоном и тщательно засыпая пудрой предательский пот. По Банду врассыпную носились автомобили, удиравшие за город на асфальтовые луга Рубикона и в овеянные морским ветром ущелья Вузунга.

Сампан старого Нона тихо полз по реке. Он вез печальный груз — тело убитого Чена, с большим трудом вырванное из рук фабричной полиции. Администрация хотела убрать труп, но рабочие настояли, чтобы тело оставалось нетронутым до прибытия родственников.

У Чена не было в Шанхае никакой родни, и старому лодочнику Нону пришлось превратиться в мнимого дядю. Нон успешно справился с ролью. Он с таким жаром призывал проклятия на голову убийц, что полицей-

* Постой, постой!

ские поспешили избавиться от крикливого старика, выдав ему останки теперь уже не страшного революционера.

Едва шевеля кормовым веслом, озабоченный Нон двигал к городу пловучий катафалк. Навеки замолкнувший Чен лежал на скомканных сетях. По берегам тянулись горящие огнями заводы, торжественные, как факельная процессия, провожающая покойника. Электрические станции, верфи, пристани оглашали воздух скорбными вздохами машин и похоронным звоном железа. Дальше сияла набережная, изрубленная молниями реклам. Из сада, спускавшегося к реке, доносился протяжный плач гавайских гитар...

Сампан на минуту остановился и, чуть пошатнувшись, вошел в канал.

На джонке с дроздом было больше света, чем обычно. Насаженный на бамбуковый шест фонарь горящей ладонью разгребал мрак.

Джонка готовилась к приему Чена.

— Я говорил парню: не сносить головы, — укоризненно бормотал слепой Ма. — Нечего было совать нос в чужие дела...

Юн, ждавший вместе с другими товарищами прибытия тела Чена, живо обернулся в сторону слепого.

— Теперь нет чужих дел, дед! Прошли те времена, когда у нас было одно дело — слушать и молчать. Теперь мы хотим строить жизнь в Китае так, чтобы всем было хорошо.

— Всем хорошо! — недоверчиво повторил Ма. — Как это так? Всегда водилось, что одним легко, а другим тяжело... и вдруг — всем хорошо...

— Мало ли что водилось! — воскликнул Юн. — А мы выведем.

— Кто «мы»? —спросил Ма.

— Те, которым, как ты говоришь, не сносить головы... Молодые рабочие, студенты и те из стариков, кому надоело строить дворцы для обирал, а самим валяться в грязи...

— Молод ты, потому и горяч! — вмешался в разговор Син. — Не все ли равно, где лежать в этом мире: в золоте или в грязи? Нужно заботиться о загробной жизни, а на земле можно и потесниться.

— Однако те, что живут вон там, — указал Юн на светящиеся особняки, — не очень-то теснятся... Они берут себе золото, оставляя нам одну грязь. Заботы о вечности не отвлекают их от земных благ.

— Что есть золото? — пренебрежительно сказал Син. — Мудрость, вот истинное богатство... А мудрость чаще ночует на циновках, чем на коврах. Другое дело — умерший... Ему необходимо хорошее жилище... Вот вы ждете тело вашего товарища, а приготовили ли вы достойный гроб, в котором его душе не стыдно было бы отправиться в царство теней?

Юн тряхнул головой.

— Меньше всего нас интересуют загробные удобства. Конечно, если бы мы могли, мы положили бы нашего Чена в красивый гроб, поставили бы его на самом видном месте, — чтобы все могли отдать последний долг погибшему товарищу. Но мы лишены этой возможности...

— Ничего хорошего от вас не дождешься!.. — махнул рукой Син. — Ва-

ши мысли заняты пустяками... Хорошо, что существуют серьезные люди, заботящиеся даже о чужих мертвецах.

Он нырнул в шалаш и через минуту вернулся, нагруженный странными предметами.

— Вот, — сказал Син, — вещи, облегчающие трудности загробного пути.

Юн разглядел шелковые туфли; на белых подошвах были вышиты цветы лотоса.

— Что означают эти цветы?

— Хороши нынешние студенты. Не знают, зачем вышиты лотосы на подошвах погребальных туфель!

— Разве это имеет какое-нибудь значение? — спросил Юн.

— А то как же! В этих туфлях умерший легко перейдет адскую реку, ступая по цветам, подобно Будде...

— Какая прелесть! — с иронией произнес Юн. — Жаль, что не изобретена специальная обувь для безопасного перехода через реки капитализма...

Внизу послышались всплески, и голос Нона крикнул из темноты:

— Эй, вы там!.. Спускайтесь скорее и помогите мне.

Юн вместе с двумя товарищами спустился к лодке. Она стояла под фонарем; судорожно вздрагивавший свет призрачной улыбкой пробегал по восковому лицу неподвижного Чена.

— Чен!.. — тихо протянул Юн, которому показалось, что губы мертвеца шевельнулись. Но Чен был недвижим, продолжая молча улыбаться.

Шесть пар крепких молодых рук подняли труп и бережно понесли наверх, где суетился Син, с грохотом устанавливавший неуклюжий гроб, расписанный серебряными пионами.

Собака Ма, почуявшая мертвого, начала было выть, но хозяин прикрикнул на нее, и она замолчала, изредка прорываясь тревожными взвизгами.

Увлеченный тонкостями похоронного ритуала, Син очень огорчился, когда товарищи Чена запретили ему положить на губы мертвеца завернутые в красную бумагу чайные лепестки.

— Нельзя лишать умершего дорожных припасов, — поучительно заме тил корзинщик.

— Хуже затыкать рот умершему революционеру, — ответили друзья убитого.

Джонка наполнялась народом... Кули, грузчики, разносчики, только что кончившие свои смены рабочие, ремесленники, оторвавшиеся от станков, приходили повидать «маленького Чена» и попрощаться с ним.

Многие знали Чена лично, другие понаслышке, — но всем хотелось взглянуть на этого неутомимого бунтовщика, долго ускользавшего из рук сыщиков и полицейских.

Внезапный, как тайфун, переходил он с завода на завод, с фабрики на фабрику, организовывая рабочих, подбивая на борьбу, вселяя веру в свои силы.

Клеточки четырехсоттысячного тела и мозга рабочего Шанхая чувствовали утрату, и потому пол старой джонки гнулся под тяжестью бесчисленных ног; незнакомые голоса заставляли просыпаться потревоженного дрозда.

Кочегары с фабрики «Найгай» в сотый раз восстанавливали картину убийства.

— Они застрелили его, как зайца...

В озаренном сознании слушателей возникал фабричный двор, по которому мчался затравленный Чен, преследуемый по пятам торжествующими убийцами. И невольно взоры всех тянулись к убитому, как бы ища ответа.

Но Чен молчал...

Люди приходили и уходили, унося в себе зерна неясной тревоги, подспудного, едва ощутимого беспокойства; проваливались в темноту; тонули в тумане...

Туман крался по улицам, проливаясь в окна малярийной сыростью, и вместе с туманом растекалось томительное предчувствие надвигающейся катастрофы.

Бледный от волнения Юн говорил столпившимся у гроба:

— Нас в Шанхае больше миллиона! Мы приводим в движение двести пятьдесят фабрик и обслуживаем весь город. Труд принадлежит нам, сами мы — гости на собственной земле. Разве не позор, что нас убивают при свете дня, а мы ночью должны хоронить мертвых?.. Дадим клятву у этого гроба отомстить убийцам! Стыдно быть покорными, когда нас приравнивают к собакам! Мы должны выйти на Банд, на Нанкин-род и громко кричать иностранцам: «Китай не тряпка, о которую вытирают ноги! Мы люди и требуем человеческих прав!»

Ночь близилась к концу. Тяжелый гроб осторожно спустили в шаланду. Друзья Чена разместились на скамьях. Бамбуковые шесты нащупали дно, и грузная лодка поплыла к реке, чтобы по ней пробраться на кладбище.

Шанхай не думал о сне.

В мраморном дансинг-холле гостиницы «Маджестик» журчал фонтан, освежая радужными брызгами разгоряченные лица танцующих. В узких уличках Чапея на циновках, разостланных на земле, спали семьи бездомных, не имевших пристанища.

Моторные лодки опийных компаний подвозили к складам сгруженные с пароходов ящики опиума... По гнущимся сходням рысью взбегали на палубу обнаженные кули, сбрасывая в трюм тяжелые тюки. Грязные паромы везли с фабрик выжатых работой женщин и детей. В «Новом Карлтоне», в «Дримланд», на крыше отеля «Plazza», в кафе «Мумм» — полуголые ремесленницы любви, развлекая, обирали полупьяных мужчин. Шанхай работал и веселился. Полмиллиона брошенных в ад китайцев создавали рай для тридцати тысяч белых.

Банки и конторы успешно рассовали свою дневную клиентуру по ноч-

ным дансингам. Автомобили одухотворяли улицы. Засыпанный светом Нанкин-род был похож издали на вытянувшуюся акробатку, пролетающую сквозь огненные обручи.

XXXVI

— Я опять получила телеграмму, — сказала Агата, барабаня ногами по гладким доскам водяной горки, — мне предлагают остаться в Китае.

Последние слова заглушил хохот и визг. Мимо пронеслась лодка-сани, наполненная купальщиками.

— Вы остаетесь? — живо спросил Ворд.

Агата незаметно наблюдала за ним.

— Не знаю...

— Оставайтесь! — воскликнул Ворд. — Нигде в мире нет такой приятной жизни.

К ним подошел адвокат Рейнель в черном трико, перетянутом белым поясом.

— Мы вас ждем. Все уже давно в лодке.

— Идем! Идем! — вскочила Агата.

На верхней площадке стояли готовые к спуску водяные салазки. Айя Борг в зеленом купальном костюме, обсыпанном лиловыми вишнями, сидела впереди всех.

— Скорей! — крикнула она. — Нельзя же быть такими эгоистами! Флиртуйте, но не задерживайте лодку!

Рейнель сел впереди, за ним Агата. Ворд оказался последним. Едва он почувствовал тело Агаты, как Айя выбила планку, и салазки, сорвавшись с места, стремительно покатились в бассейн. Плеск. Брызги. Все очутились в воде.

Обширный бассейн был переполнен. Шанхайская жара выгнала сюда всех любителей спорта и флирта. Прыжки с трамплина, водяная карусель, фокстрот на плоту, водяной теннис — все имело своих поклонников и энтузиастов.

На лужайке, покрытой зеленым травяным бобриком, стояли столики и поднималась белая стойка бара. За столиками сидели парочки и компании. Играл вездесущий джаз. И тут же на траве происходили танцы.

— Пойдемте потанцуем, — предложил Ворд.

Они вылезли из воды, и влажные лоснящиеся их тела включились в общий фокстротный круг.

— Сегодня в пять часов, — ведя Агату, сказал Ворд, — китайские студенты и коммунисты предполагают устроить на Нанкин-род демонстрацию...

— Интересно было бы посмотреть, как это выглядит, — перебирая ногами, заметила Агата.

— Заранее могу сказать: для демонстрантов — невесело! Сержант Демби, которому поручено встретить нахалов — старый солдат и шутить не любит. Если хотите, мы успеем полюбоваться его искусством.

— Поедем! — воскликнула Агата.

* * *

Ворд имел основания хорошо отзываться о бравом сержанте.

Демби с пятьюдесятью полисменами стоял в ущелье между магазинами Вингон и Сенсир.

Вверху на крыше трубили трубачи и развевались рекламные знамена. Внизу летели трамваи и автомобили; бежали рикши; текла густая толпа.

Впереди, в самом конце Нанкин-род, были расставлены посты. Обилие полицейских обращало внимание.

— Холера в Чапее? — спрашивали интересующиеся.

— Нет, студенты и кули желают устроить на сеттльменте какой-то большевистский карнавал.

— Эти собаки совсем обнаглели! Подумайте: осмелиться прийти на Нанкин-род!

— Не беспокойтесь! Полицейские знают свое дело. Они отобьют у кули охоту совать нос дальше своих кварталов.

В пять часов Нанкин-род имел обычный вид. Через пять минут улица изменилась. Автомобили замедлили ход. Остановились. То же произошло с толпой. Вдали показались знамена и люди. Они шли из Чапея. Полицейские посты пытались остановить демонстрантов, но людской поток подхватил полисменов и понес впереди себя.

Сержант Демби выстроил своих людей, опустив их на мостовую синей плотиной. Сам он, выйдя вперед, остановился в ожидании.

Демонстранты приближались.

Впереди вертелись полисмены; за ними шли первые ряды, над которыми плыл белый, окровавленный плакат с надписями: «Мы не позволим убивать наших братьев», «Долой китайских и иностранных убийц!» Дальше пестрели другие плакаты, шли другие ряды.

Трубачи на крыше играли походный марш. Барабаны отбивали дробь.

— Стойте! — крикнул сержант Демби, величественно поднимая правую руку.

Толпа продолжала наступать. Передние ряды напирали на сержанта. Демби пришлось податься назад.

— Стойте, я вам говорю! — размахивал руками сержант.

Толпа продолжала течь вперед, глухая, как вода.

— Назад, собаки! — рычал Демби; его относило к полицейской плотине. Толпа шла вперед.

Демби выхватил револьвер.

— Вы не пойдете дальше! Пли! — скомандовал он.

Полисмены разом, как автоматы, подняли револьверы и, направив на толпу, открыли огонь.

Первые ряды упали. В задних произошло замешательство. Передний плакат, вздрогнув, покрыл убитых. По асфальту потекли темные ручьи. Стонали раненые. Оркестр оборвал марш, и только барабан отбивал дробь, словно в панике стуча зубами.

Ворду с Агатой, однако, не удалось полюбоваться искусством сержанта Демби… «Непьер» застрял среди других машин за два квартала до места расстрела.

На помощь сержанту летели мотоциклетки. Полисмены в стальных шлемах, размахивая дубинками, врезались в толпу. Прошел отряд муниципальных стрелков.

Дула и дубинки выталкивали демонстрантов. Неся раненых, толпа хлынула в боковые переулки, наполнив их гулом смятения.

Сержант Демби спокойно натягивал белые перчатки. Пять трупов лежали у его ног. Прижатый к мостовой плакат кричал камню: «Мы не позволим убивать наших братьев».

XXXVII

Одноглазый дрозд был в полном недоумении. Никогда еще, сколько он себя помнил, не случалось таких удивительных вещей.

Обычно с самого утра по каналу не переставая двигались флотилии шаланд и сампанов, груженных овощами, птицами, цветами. Дрозд с завистью смотрел единственным своим глазом на проплывавшие мимо кусты роз, на охапки пионов, на соблазнительные горы риса и бобов. Теперь канал был пуст и безмолвен. Вот уже третий день, как окрестные крестьяне перестали возить в город огурцы и капусту. Один Нон бороздил своим вертлявым веслом застывшую воду, доставляя на джонку спасавшихся от полиции забастовщиков. Но и он не мочил своих сетей, превращенных в одеяла для беглецов.

Поведение обитателей джонки также было загадочным. Давным-давно стоял сухой и погожий день, а слепой музыкант и не думал отправляться в город. Он сидел лицом к каналу и, пачкая скрипку канифольной мукой, выводил заунывным голосом:

Ветер дует с запада.. Какое горе!..
Темная ночь. Из Европы врываются солдаты…
Богачи с распростертыми объятиями
Принимают иностранцев, соединяясь с ними.
Кварталы белых встречают нас пулями.

Кто поймет наше горе? Кто услышит крики отчаяния?..
О-о, какая печаль!.. — Мы царство мертвых.

— Конец песни не годится, — донесся из шалаша звонкий голос. — Ты должен переделать его, дед, на новый лад...

Слепой музыкант опустил смычок.

— Ишь, шустрый какой!.. Вчера весь день охал, а сегодня — опять за свое. Вот уж действительно — и пуля вас не берет!

— Не берет, дед... — из-за циновок показалась обмотанная тряпками голова Юна...

— Другому на всю жизнь хватило бы урока, а с тебя — как с гуся вода...

Невдалеке раздались частые выстрелы. Слепой музыкант поспешно отодвинулся от борта.

— Наделали дел... И зачем вам было дразнить заморских дьяволов? Они привыкли гнать китайцев от своих дверей...

— Придется им переменить привычки, — сказал раненый. — Особенно, если они хотят остаться в нашей стране.

По сходням зашлепали босые ноги: показался Син с прыгавшими на коромысле вязками корзин.

— Отдыхаешь? — сбрасывая коромысло, спросил корзинщик.

— А что делать? — сказал слепой. — Вчера мне за целый день не пришлось спеть ни одной песни. Только начну, а на углу залопочет какой-нибудь болтун — толпа и бежит к нему. Чуть не задавили... А ты что рано вернулся? Неужели все продал?

Син крепко выругался.

— Да разве теперь кому-нибудь нужны корзины! Теперь все другим заняты. Даже лавочники закрывают лавки...

— Так что ж ты ругаешься? — воскликнул Юн.— Радоваться надо.

— Радоваться? — удивился корзинщик. — Чему? Я радуюсь, когда продаю корзины.

Волнуясь и дрожа, раненый приподнялся на локте.

— Народ разбивает цепи, а ты плачешь о своих корзинах! Камни кричат от гнева, а дед удивляется, что никто не хочет слушать его песни...

Локоть подломился, и юноша со стоном упал на цыновку.

— Лежи, лежи! — забеспокоился корзинщик. — Не ты один сошел с ума... И я, и дед, и твои почтенные родители — все мы жили и думали иначе... Но недаром сказал премудрый Конфуций: «Сын больше похож на свой век, чем на своего отца».

— Как бы я хотел быть там, — прошептал Юн, протягивая руку в ту сторону, где раздавались выстрелы.

* * *

Лю пустеющими глазами смотрел на клочок бумаги, дрожавший в его руке.

Ты говоришь, что слушала
Далекого музыканта,
Вздыхавшего на флейте
Всю долгую ночь.
Но как же ты не слышишь
Биение моего сердца,
Громко стучащего
Рядом с тобой?..

В саду под окном бегали, гремя саблями, солдаты. Молодой офицер с лицом, изъеденным оспой, тряс за плечо старого садовника.

— Где сын?.. Куда ты его спрятал?!

Яо знал о сыне столько же, сколько и офицер. Он не видел его с того дня, как английские пули окровавили Нанкин-род.

— Не скажешь — заберем тебя!..

Яо молчал, готовый заменить сына.

«Я стар, — думал он, — и гораздо более гожусь для смерти или тюрьмы».

Солдаты, обыскивая сад, рубили саблями кусты пионов.

Старый садовник не выдержал.

— Не кажется ли вам, — учтиво сказал он офицеру,— что саблями, предназначенными для сражений, не следовало бы уничтожать цветы...

— Ах ты, собака!..— разъярился офицер и ударил старика по лицу. Солдаты, схватив упавшего Яо, потащили его к воротам.

Лю сидел неподвижно у раскрытого в сад окна. Он слышал только биение своего сердца...

* * *

Оратор раскачивался над толпой, как язык бьющего в набат колокола.

— Клянитесь добиваться наказания виновников!.. Клянитесь не прекращать борьбы, пока не будут освобождены арестованные!..

Внезапным движением оратор выхватил нож и отсек на правой руке конец указательного пальца... Окровавленный палец брызжущей кистью забегал по полотну.

«Клянемся бороться до конца»— кричали с плаката неистовые буквы.

Город наполнялся китайцами, гнев которых начинал обжигать изнеженную кожу сеттльмента.

Вагон трамвая, свернувший на Нанкин-род, внезапно остановился.

Толстая дама, съехав с кожаного сиденья, упала на грудь сидевшего напротив господина. Подбежавший полицейский взглянул на переднюю площадку: медная ручка брошенного мотора поднималась вверх оттопыренным пальцем. Пассажиры по привычке подняли крик, но ругать было некого: вагоновожатый и кондуктор затерялись в возбужденной толпе.

Напрасно директора банков спешили превратить клерков в солдат. Еще и еще, обгоняя друг друга, подходили путунгские, вузунгские, чапейские кули. Выпрямленные немытые шеи подпирали скованные решимостью желтые лица. Дерзкий и угрожающий блеск прорывался сквозь щели сдавленных глаз. Из хижин, более похожих на норы, чем на жилье, выползали люди-черви, люди-кроты, стихийно вырастающие в людей.

XXXVIII

— Дорогая Агата, я непременно должна вас видеть... Я звоню снизу... Я в отеле...

Фей вбежала в комнату с чемоданчиком в руке, встревоженная и растерянная.

— Что делается, что делается! Я не могу оставаться дома. Я боюсь. Лю куда-то пропал. По саду ходят солдаты с ружьями — ищут сына нашего садовника, который, представьте, оказался главным коммунистом! Кто знает, не зарыл ли он где-нибудь бомб? Вдруг они взорвутся! Ужас! Я захватила свои драгоценности и решила поселиться в вашем отеле...

Агата спокойно взяла из рук Фей чемодан, поставила его на стол и усадила Фей в кресло.

— Не волнуйтесь, — ничего страшного. Полиция переловит коммунистов, и все успокоится. Мистер Ворд только что мне звонил. За два дня арестовано шестьсот человек. Шанхай сразу избавится от разбойников.

— Неужели? — повеселела Фей. — Как я рада! После бестактного появления студентов и кули на Нанкин-род мне стыдно своего происхождения. Я отдала бы полжизни, чтобы не быть китаянкой. Воображаю, как недоволен мистер Бертон и другие иностранцы! А вдруг они настолько рассердятся, что возьмут да и уедут отсюда! Кому охота испытывать неприятности в чужом доме!

Агата закурила сигарету.

— Вам нечего бояться. Иностранные друзья не покинут Китай в беде. Кули ведут себя плохо, но никто не сомневается в вашей воспитанности. Очень хорошо, что вы решили поселиться в отеле. Сейчас мы выпьем чего-нибудь.

Агата позвонила.

— Здесь вам не придется беспокоиться.

В дверь постучали.

— Да, — крикнула Агата.

Вместо ожидаемого боя вошел управляющий.

— Печальная новость, мисс Гаррисон, — начал он смущенно. — Час тому назад забастовала вся наша китайская прислуга. Я мобилизовал своих помощников и клерков и очень прошу вас отнестись снисходительно к их работе: они ведь новички и могут не угодить.

— Коктейль я могу получить?

— Боюсь, что коктейля мы не можем вам приготовить.

— Тогда пришлите нам ликеры и вермут, мы сами будем себя обслуживать.

Через несколько минут раздался стук. Вошел застенчивый юноша с двумя большими эмалированными ведрами.

— Я просила ликеры, — сказала Агата.

— Я сначала принес ведра, — ответил юноша. — Городской водопровод каждую минуту может прекратить работу, и тогда вы останетесь без воды. Пока вода идет, надо сделать запас.

— Однако! — воскликнула Агата. — Дело, кажется, начинает становиться серьезным.

— Очень, — печально согласился юноша. — Трамваи почти перестали ходить, а у тех, что ходят, кули перебили все стекла. Но самое скверное — забастовка торговцев. Город остался без продуктов. Сегодня на обед будут одни консервы.

Фей вскочила с кресла и подошла к Агате.

— Мне так неприятно... Я боюсь, что у вас останутся о Шанхае слишком плохие воспоминания.

— Такие неприятности могут случиться везде, — сказала Агата. — Наш век полон неожиданностей...

Клерк наполнил ведра и пошел за напитками.

— Я хочу позвонить мистеру Бертону.

Фей подошла к телефону и сняла трубку. Станция не отвечала.

— Что такое? — забеспокоилась Агата. — Недоставало, чтобы испортился еще и телефон!

Вошел клерк-бой, неся бутылки под мышкой.

— Простите, я нигде не мог найти подноса. А стаканы еще не успели вымыть...

— Телефон не действует, — встретила его Агата. — Вы не знаете, почему?

— Только что забастовала телефонная станция.

— Приятная жизнь! — воскликнула Агата.

Раздался стук в дверь.

— Да, да...

Вошел управляющий с корзинкой.

— Разношу свечи, — сказал он уныло. — Пока электростанция работает, но неизвестно, что будет вечером...

— Надо пойти посмотреть, что делается на улице, — вскочила Агата.

— Ничего веселого, мисс Гаррисон. Магазины закрыты. Все иностранцы превратились в солдат. Никогда Шанхай не знал таких дней!

— Все-таки на улице веселей...

— Поднимитесь лучше на крышу отеля. Там есть публика. Оттуда все видно.

— Пойдемте, Фей, — сказала Агата, — стены начинают нервировать.

* * *

Матрос в белой клоунской шапочке, надетой на левое ухо, передал Бертону пакет с надписью «Strictly private»*. Начальник крейсера «Трафальгар» сообщал консулу, что стоящие на рейде суда «Его Величества» готовы принять на борт английских резидентов в любой момент.

«Нужно уведомить всех британцев», — равнодушно подумал Бертон. Мысль о бегстве из Шанхая не поразила консула своей необычностью. Сорок восемь часов произвели большой переворот в психологии сеттльмента.

Телефонная связь то и дело обрывалась. Беспокойно трещали звонки. Иногда доносилась торопливая речь, переходившая в несвязное горячечное бормотанье.

Консульство напоминало больницу умалишенных. Беспрерывно хлопали двери, вбегали запыхавшиеся люди в парусиновых футбольных трусах, в стальных шлемах. Это были сыновья банкиров, клерки, молодые инженеры, чиновники муниципалитета и таможни.

Трамвайные вагоны разбивал неожиданный паралич. Моторы плохо слушались неопытных волонтеров-вагоновожатых; вагоны то едва волокли колеса, то неслись по рельсам с неудержимой быстротой.

Жизнь порта совершенно замерла. Доки окоченели; перестали дымиться трубы; пароходы входили в широкое горло Вампу и застревали в нем.

Военные суда спешили со всех портов, вырастая вдоль набережной стальной оградой. Длинные пальцы пушек угрожающе тянулись к берегам.

Но берега, не обращая внимания, останавливали машины, гасили топки, поднимая бурю вокруг растерявшегося сеттльмента.

Чапей, Нантао, Лунхва, Вузунг — медленно наступали. Фанзы словно тронулись с мест, смешались с толпой и тоже пошли в атаку.

Полицейские сбились с ног, гоняясь за уличными ораторами. Митинги возникали на каждом шагу, рассыпались при появлении полиции и опять собирались сзади, с боков или на том же самом месте.

Студенты вырастали неожиданно, как привидения, зажигая толпу и снова проваливаясь сквозь землю. Их принимали дома, лавки, харчев-

---

* Совершенно секретно.

ни, парикмахерские. Арестованные шли, выкрикивая революционные лозунги, укоряя тех, кто еще не присоединился к движению. В полицейских участках не хватало камер. Восставшие массы бурно выражали свой гнев.

Спарк второй день не заходил в свой отель. Он слонялся в толпе, захваченный ее покоряющей мощью. Китайские кварталы захлестывали, как прибой. Нанкин-род, утративший спокойствие, превратился в каменную западню, наполненную одуревшими от ужаса крысами. Взрыв, грянувший в китайских кварталах, оглушил сеттльмент: улица за улицей падала в обморок.

«Непьер» Ворда голубым челноком сновал по городу, безуспешно сшивая рвущееся спокойствие. Особняки сотрясала паника. Лишенные прислуги отели поражал столбняк.

Выстрелы сержанта Демби оказались роковыми. Они разбудили китайские массы. Гребни гнева подступили к дворцам. Безоружные толпы пугали своим бесстрашием,

— Разве это Шанхай?! — раздавались удивленные возгласы. — Разве это наш город?

Броневики ходили вместо автобусов. Они останавливались на углах, никого не беря и никого не высаживая; осматривались по сторонам одноглазыми пулеметными дулами и, громыхая щитами, уползали дальше.

Отряды морской пехоты кололи воздух поднятыми вверх остриями штыков, но воздух не менялся, не делался мягче, и все та же безысходная жуть гуляла по сеттльменту. Электрическая станция, телеграф, водопровод превратились в крепости; в них за стеной из револьверов и винтовок насильно работали не успевшие разойтись по домам рабочие. Но машины и люди, словно сговорившись, двигались медленно и вот-вот готовы были остановиться.

«Вот движение, несущее миру новую цивилизацию, — шагая по улицам, думал Спарк. — Сначала Россия, за ней Китай... Эпоха укрепляет свои базы, чтобы с большей неопровержимостью завоевывать мир. Цивилизация насильников растерянно мечется и наводит пушки. Но разве можно расстрелять век?! Кому удавалось обезглавить время?!»

Спарк с волнением наблюдал рождение нового Востока из грязи лачуг, из копоти фабричных труб, из крови неистребимых восстаний. Века поднимали склеенные ресницы; сонная Азия меняла паланкин на аэроплан и догоняла Европу.

* * *

Вечер наполнил город духотой и тревогой. Пальмы на крыше «Астор-Хаус» шуршали, цепляясь за бетонные парапеты крыльями агонизирую-

щих нетопырей. Агата нервничала...

Пальмовый сад походил на переполненный беглецами оазис. Многие обитатели особняков, напуганные событиями, перебрались в отель; настороженная тишина комнат, в которых ежеминутно мог погаснуть свет, была непереносима. Хотелось быть ближе к спасительным кораблям, к набережной, уставленной броневиками и солдатскими караулами. Летаргия города, охваченного забастовкой, заражала, как психоз. Жизнь соскользнула в сторону с проторенной дороги и сразу сделалась неузнаваемой, неудобной, страшной.

Агату взволновало письмо Лю, полученное ею час назад. Собственно, даже не письмо, а клочок прозрачной желтой бумаги с двумя кривыми, нервными, как перекосившийся рот, строчками: «Не пасть змеи, не жало осы испускают яд, а сердце женщины...» Жестокие слова, написанные на оторванном крыле бабочки! Агата ясно ощущала на кончиках пальцев странный след, оставленный шероховатой китайской бумагой.

Агата посмотрела вниз. Вечерняя мгла наполнила город голубым дымом. Дома вытянулись и словно привстали на цыпочки. Река лежала тяжелая, как покорность. Военные катера скользили от судов к набережной, высаживая новые подкрепления.

Вдали виднелись бугры предместий, похожие на митинг ульев или могил. Лиловато-серый туман господствовал над далью.

— Любуетесь Шанхаем? — раздался сзади насмешливый голос Ворда.

— Наконец-то вы явились! — воскликнула Агата, поворачиваясь к нему.

— А вы разве скучали?

— Попробовали бы вы проторчать целый день в этой воздушной клетке!

— Хотите кататься?

— С наслаждением. А куда?

— На Рубикон!

— Сегодня его приятнее перейти, чем когда-либо!

— Обещание?

Агата не ответила.

Они вошли в лифт, и минуту спустя голубой автомобиль мчал их по городу.

— Ваш Шанхай начинает действовать мне на нервы, — пожаловалась Агата.

— За последние дни нервы испортились почти у всех.

— А у вас?

— Пока — нет.

У ипподрома машину остановил кордон.

— Мне дан приказ не выпускать за зону сеттльмента, — сказал молодой лейтенант. — На окраине появились вооруженные шайки.

— Бросьте разводить панику, Донигэн, — потрепал его по плечу Ворд. — Моя дама хочет кататься. Мы вернемся не больше чем через час.

— Как хотите, — приложил руку к козырьку лейтенант.

«Непьер» рванулся вперед. Улицы замигали огнями и словно раздвинулись, пропуская автомобиль.

— Как хорошо! — прошептала Агата.

Дома становились меньше, ниже; приближались поля.

За городом ночь подобрела; напомнили о своем существовании звезды и сразу стал бесспорным июнь.

Агата молча наслаждалась чудесной переменой. Выстрелы, застывшая река, онемевшие телефоны остались где-то позади, забытые и пустячные. Кругом расцветала ночь, полная звезд; расстилались поля, освеженные ветром. Рядом ждали губы... Кровь миссис Гаррисон и Пата О'Брайна толкнула Агату в объятия Ворда.

Это произошло внезапно, как все дальнейшее: поцелуй, замедленный ход и неожиданный выстрел из темноты.

Машина рванулась вперед и понеслась, как бы спасаясь от гибели. Потом она дернулась несколько раз и остановилась. Агата взглянула на замолчавшего Ворда. Он лежал, навалившись на рулевое колесо. Агата почувствовала на чулке какую-то влагу; подняла ногу — чулок был в крови. Агата вскрикнула и, выскочив из автомобиля, бросилась бежать. Ей казалось, что земля бежит вместе с ней. Молчание ночи доводило до крика, но крик застревал в горле и душил, как нарыв.

Агата с отчаянием смотрела вперед. Автомобиль, лишенный рулевого, заблудился в полях, и Агата шла без дороги на огни невидимого города.

Прожектора военных судов показывали волшебные картины. Возникали дома неясные и призрачные; шатались, пропадали; казалось, город, превращенный в световую пыль, огненным столбом поднимается к небу.

Агата все еще не могла прийти в себя. Там, позади, в голубом гробу лежал убитый Ворд. Кто убил его? Агата не знала. Разве можно что-нибудь знать в этой стране, где поцелуй переходит в выстрел, где тишина становится бурей?!

Агата бежала, напрягая силы; ей хотелось поскорее выбраться из обступивших ее страшных полей. Но Шанхай не показывался. Агату охватил всепоглощающий страх.

Не превратился ли Шанхай в мираж? Не слился ли он с полями, от которых она убегает? Агата чувствовала, что она близка к сумасшествию.

Непостижимая Азия смотрела на нее спокойными немигающими глазами.

Роман С. Алымова «Нанкин-род» публикуется без сокращений по первому изданию (Харьков: Пролетарий, 1929). Некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации приведены в соответствие с современными нормами.